

Артур Конан-Дойл
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Артур Конан-Дойл

Артур
Конан-Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

Иллюстрации
Сидни Пейджета

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

ББК 84.4
УДК 821.111
К55

Компьютерная верстка,
предпечатная подготовка, обложка
А. Яскевич

- К55 Конан-Дойл Артур. Приключения Шерлока Холмса. —
Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2018. — 480 с., ил.
«Приключения Шерлока Холмса» — первый сборник рас-
сказов о знаменитом сыщике и его друге — докторе Ват-
соне. Именно с этих историй популярный ежемесячный
иллюстрированный британский журнал «Стрэнд мэгэ-
зин» начал знакомить своих читателей с расследования-
ми талантливого детектива с Бейкер-стрит. Рассказы про-
иллюстрировал художник Сидни Пэйджет; созданные им
изображения героев стали позже классическими.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда была «этой женщиной». Не припомню, чтобы он называл ее как-то иначе. В его глазах она затмевала всех прочих представительниц прекрасного пола. Не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер нечто вроде любви. Все глубокие чувства, и любовь в особенности, были чужды его холодному уравновешенному рассудку. Холмс был, как мне кажется, самой совершенной мыслящей машиной, которую видел мир, и представить его влюбленным было решительно невозможно. Он всегда говорил о возвышенных чувствах с презрительной уничижающей ухмылкой и даже с издевкой. Для него они были лишь прекрасным объектом для наблюдений и давали ему возможность сорвать покров тайны с истинных человеческих мотивов. Изощренный ум просто не может допустить вторжения чувств в свой тонко налаженный механизм, это означало бынести в него элемент хаоса, который способен уничтожить все достижения разума. Песчинка в тонко налаженном механизме или трещинка в великолепно отполированной линзе — вот что означала любовь для такого человека, как Холмс. И все же одна женщина для него имела значение, и это была Ирен Адлер — женщина, оставившая после себя весьма сомнительную репутацию.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Я только что женился и поэтому редко виделся с моим другом Шерлоком Холмсом. Мое собственное счастье и домашние интересы всецело завладели мной, как это обыкновенно бывает с человеком, который обзаводится собственной семьей, тогда как Шерлок Холмс по своей цыганской натуре не питал ни малейшей склонности к семейной жизни. Он продолжал жить в нашей старой квартире на Бейкер-стрит в окружении старых фолиантов, где приступы полнейшей апатии по-прежнему сменялись у него вспышками бурной энергии. Он все еще продолжал расследовать преступления. Благодаря своим выдающимся способностям и необыкновенной наблюдательности ему удавалось раскрывать такие преступления, которые полиция давным-давно уже причислила к разряду безнадежных. Время от времени до меня доносились смутные слухи о его деятельности. Я слышал о его поездке в Одессу для раскрытия политического убийства Трепова, о его поездке в Тринкомали в связи с трагедией братьев Аткинсон, и, наконец, о миссии, принятой им по поручению голландского двора, и выполненной им с таким тактом и успехом. Более о деятельности моего старого друга и сожителя я знал не более остальных подписчиков газет, из которых они черпали подробности о его похождениях.

Однажды поздно вечером — это было 20 марта 1888 года — я проходил по Бейкер-стрит после визита к пациенту (стоит заметить, что я снова занялся докторской практикой). Когда я подошел к столь знакомой мне двери, которая напомнила мне и о вре-

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

менах моей женитьбы, и о мрачных событиях, связанных с «Этюдом в багровых тонах», мною овладело страстное желание навестить Холмса, чтобы узнать, какому делу он в настоящее время посвящает свой необыкновенный талант. Его комнаты были ярко освещены, и я увидел тень его высокой худощавой фигуры, дважды промелькнувшую по опущенной шторе. Опустив на грудь голову и заложив за спину руки, он быстро шагал взад и вперед по своей комнате. Я слишком хорошо знал все его привычки, чтобы сразу понять — он взялся за очередное дело, стряхнув с себя вызванное вынужденной бездеятельностью оцепенение. Я позвонил, и меня впустили в квартиру, в которой некогда жил вместе с Холмсом.

Нельзя сказать, чтобы он встретил меня чрезмерно приветливо. Холмс вообще никогда не отличался особой нежностью; и все-таки я чувствовал, что он рад моему приходу. Бросив всего несколько слов и радушно улыбаясь, он усадил меня жестом в кресло, протянул мне ящик с сигарами и указал мне на стоявший в углу шкафчик с ликерами. Затем он стал спинаю к камину и начал меня разглядывать своим испытующим, проницательным взглядом.

— Брак пошел вам на пользу, Ватсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Семь фунтов, — уточнил я.

— Неужели? Думаю, чуть больше. А вы снова практикуете, как я вижу. Вы мне раньше ничего не говорили о своем желании снова заняться практикой.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Откуда вы это знаете?

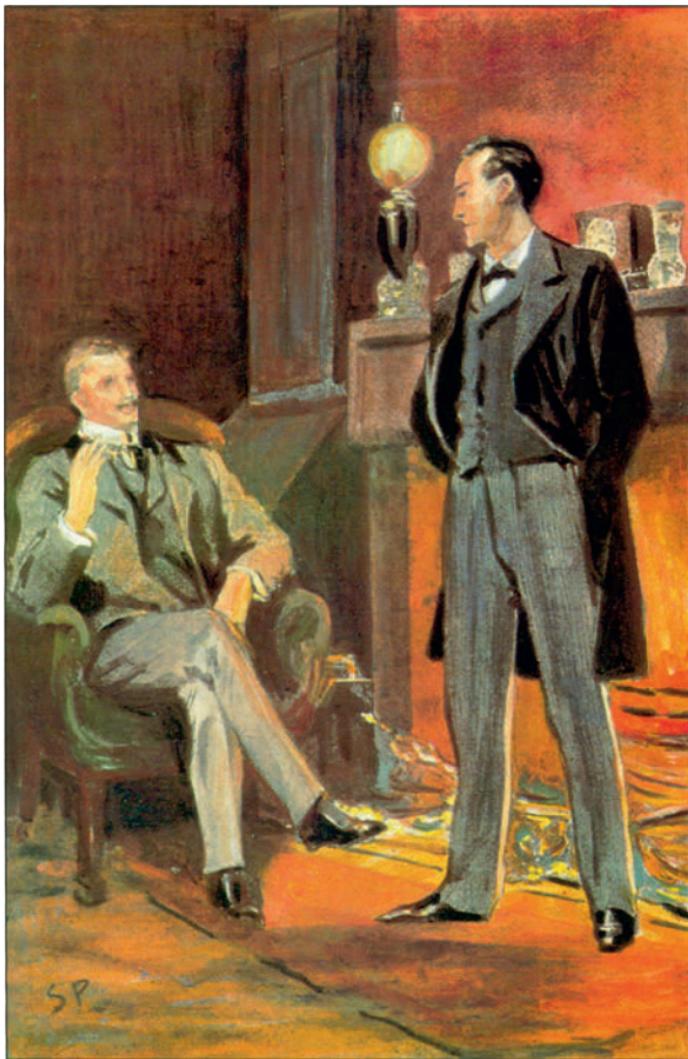
— Я это вижу. Я знаю также, что вы недавно были во время непогоды на улице и что у вас, должно быть, очень неумелая и небрежная горничная.

— Мой дорогой Холмс, — проговорил я, — перестаньте. Несколько столетий тому назад вас наверняка сожгли бы за колдовство. Действительно, я в четверг попал под дождь и вернулся домой весь мокрый и в грязи, но откуда вы это узнали, я не могу представить, поскольку, вернувшись домой, я тотчас же переоделся. Прислуга же наша, Мери, действительно из рук вон плоха, и моя жена уже отказалась ей. Но скажите мне на милость, откуда вы все это знаете?

Холмс ухмыльнулся и начал потирать свои узкие нервные руки.

— Это очень просто! — ответил он. — Я вижу на коже вашего левого сапога шесть почти параллельных царапин, которые могли возникнуть только оттого, что с него без всякой осторожности счищали засохшую грязь. Отсюда я вывел оба моих заключения о непогоде и о вашей скверной прислуге. Что же касается практики, то я был бы полным дураком, если бы сразу не принял за практикующего врача человека, от которого пахнет йодоформом, на указательном пальце правой руки которого черное пятно от ляписа, и боковой карман которого, по-видимому, оттопыривает стетоскоп. Я расхохотался, слушая, с какой неопровергимой логикой он развивал свои умозаключения.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

Он стал спиной к камину и начал меня разглядывать своим испытующим, проницательным взглядом.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Когда я вижу ход ваших мыслей, следующие из них логические выводы кажутся мне до смешного простыми — заметил я. — И все-таки каждое новое доказательство вашей проницательности всегда меня поражает. А ведь я вижу всегда то же самое, что и вы. Почему же мне никогда не удается ничего разгадать?

— Очень просто, — ответил он, закуривая папироску и усаживаясь в кресло. — Вы смотрите, но не видите — вот в чем различие. Например, скажите мне, пожалуйста, вы часто видели ступени, ведущие из передней в эту комнату?

— Очень часто.

— Насколько часто?

— Вероятно, несколько сотен раз.

— В таком случае, вы, конечно, можете мне сказать, сколько их?

— Сколько? Не имею ни малейшего понятия!

— Вот видите, и в данном случае вы смотрели, но не видели и наблюдали. Вот это-то я и хочу сказать. Я знаю отлично, что эта лестница имеет семнадцать ступеней, и я знаю это, потому что не только смотрел, но и наблюдал. Кстати, я знаю, что вы продолжаете интересоваться моими приключениями в мире уголовных дел, и даже были настолько любезны, что напечатали два или три рассказа о них. Поэтому я думаю, вам это будет крайне интересно.

Он показал мне на лист толстой розовой почтовой бумаги, лежавший на письменном столе.

— Это письмо пришло с последней почтой. Прочитайте его, пожалуйста.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

Письмо было без подписи, на нем не было ни числа, ни адреса отправителя. Письмо гласило следующее:

«Сегодня вечером к Вам без четверти восемь явится господин, которому необходимо переговорить с Вами по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из царствующих европейских домов, доказывают, что Вам можно доверять самые откровенные и важные тайны. Поэтому прошу вас быть дома в указанное время и не проявлять сердитость, если Ваш гость будет в маске».

— Тут кроется какая-то тайна, — заметил я. — Вы что-нибудь понимаете?

— У меня пока нет данных. А строить предположения, не имея их, опасно. Часто люди начинают подгонять факты к существующей в их голове гипотезе, вместо того, чтобы обосновывать гипотезу фактами. А что вы можете заключить из самого письма?

Я тщательно исследовал почерк и бумагу.

— По-видимому, автор этой записки человек довольно богатый, — заметил я, стараясь как можно вернее подражать методу моего друга. — Эта почтовая бумага, наверное, стоит недешево. Она очень прочная и плотная.

— Совершенно верно, — проговорил Холмс. — Но это не английская бумага. Подержите ее против света.

Когда я так и поступил, то увидел на левой ее стороне водяные знаки: «E» и «g»; а справа «P», «G» и «t».

— Ну, что вы из этого заключаете? — спросил Холмс.

— Думаю, это инициалы фабриканта или его монограмма.

— Вы ошибаетесь. «G» и «t» — сокращение от немецкого *Gesellschaft*, то есть «компания». «P» конечно от *Papier* — «бумага». Теперь возьмемся за «E» и «g»... Холмс достал с полки тяжелый том в коричневом переплете. *Eglow, Egonitz...* Есть!

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

— Egeria. Так называется местность в Богемии неподалеку от Карлсбада. Место гибели Валленштейна¹, прославившееся благодаря своим стекольным заводам и фабрикам по производству бумаги. И какой отсюда напрашивается вывод?

— Бумага сделана в Богемии, — ответил я.

— Именно. И человек, написавший записку — немец. Помните выражение «не проявлять сердитость»? Француз или русский так бы не написали. Только немцы имеют тягу к таким оборотам.

Глаза Холмса блестели, он с торжеством взглянул на меня.

— Теперь нам остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет письма на столь странной бумаге и является ко мне под маской. Если я не ошибаюсь, вот и он. Надеюсь, он нам раскроет тайну.

Внизу раздался топот копыт, визг колес, и к дому Холмса подкатил экипаж. Затем послышался резкий звонок. Холмс присвистнул.

— Кажется, там пара лошадей, — проговорил он и выглянул в окно. — Совершенно верно, изящный экипаж, запряженный парой чудных рысаков ценою не менее полтораста гиней за каждого. Ватсон, во всяком случае, у нас есть шанс неплохо заработать.

— Я думаю, мне лучше вас покинуть?

— Я вас отсюда ни в коем случае не выпущу, доктор. Дело само по себе, по-видимому, очень интересное. Что я буду делать без своего биографа?

¹ Альбрехт фон Валленштейн — немецкий полководец XVII века.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Но ваш клиент...

— О нем не беспокойтесь. Быть может, нам обоим пригодится ваша помощь. А вот и он. Садитесь в кресло и наблюдайте за всем внимательно.

На лестнице послышались тяжелые, размеренные шаги. Перед дверью они стихли, а затем раздался громкий властный стук.

— Войдите! — проговорил Холмс.

В комнату вошел господин высотой более шести футов, своим телосложением он напоминал Геркулеса. Одет он был очень богато, но ни один англичанин не сказал бы, что он одет изящно и со вкусом. Рукава и воротник его пальто были украшены каракулем, сверху на плечи был наброшен темно-синий плащ с ярко-красной подкладкой, у шеи его фиксировалась пряжка, украшенная драгоценным камнем. Высокие сапоги незнакомца были отделаны дорогим мехом, и они дополняли впечатление экзотической роскоши, производимой всей

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

личностью этого человека. В руках у него была шляпа с широкими полями; видимо, при входе мужчина только что надел черную полумаску, прикрывавшую верхнюю часть его лица. Толстая, немного выдающаяся вперед нижняя губа и длинный, прямой подбородок указывали на решительность, или, вернее, упрямство.

— Вы получили мое письмо? — спросил он звучным, резким голосом, — я уведомил вас о моем посещении. — Он не знал, к кому обратиться, и поэтому взор его переходил от меня к Холмсу.

— Пожалуйста, садитесь — проговорил Холмс.
— Это мой друг и коллега, доктор Ватсон, который иногда из любезности помогает мне в расследованиях. С кем я имею честь говорить?

— Граф фон Крамм, называйте меня так — проговорил незнакомец, выдавая произношением свое немецкое происхождение. — Я полагаю, что ваш друг, — вполне честный и благородный человек, которому можно доверить тайну высшей важности? В противном случае, я предпочел бы вести дело с вами наедине.

Я тотчас же поднялся, чтобы выйти из комнаты, но Холмс схватил меня за руку и усадил на место.

— Нет, — объявил он твердо, — этот господин отсюда не уйдет. Он может и должен слышать то, что вы намерены мне объявить.

Граф пожал плечами.

— В таком случае, я потребую от вас обоих, чтобы вы обязались хранить молчание в течение двух лет.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Через два года все это происшествие не будет иметь ровно никакого значения. Однако я нисколько не преувеличиваю, когда заявлю, что в настоящее время дело, по которому я пришел к вам, может иметь историческое значение.

— Я обязуюсь молчать, — проговорил Холмс.

— Я тоже.

— Простите, что я пришел к вам в маске, — продолжал наш странный посетитель, — но таково желание высокопоставленного лица, по поручению которого я взял на себя ведение этого дела. Вместе с тем я должен вам объявить, что я назывался вымышленным именем.

— Я это знаю, — сухо ответил Холмс.

— Обстоятельства требуют величайшей осторожности. Нужно во что бы то ни стало избавить одну царствующую династию от скандала, который мог бы ее серьезно скомпрометировать. Признаюсь откровенно, что речь идет династии Ормштейнов, королей Богемии.

Холмс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Я это тоже знал, — пробормотал он.

По-видимому, пораженный этими словами, незнакомец с удивлением взглянул на довольно небрежно сидевшего перед ним самого знаменитого и искусного сыщика Европы. Холмс медленно открыл глаза и бросил нетерпеливый взгляд на своего клиента.

— Если вашему высочеству будет угодно рассказать мне все в подробностях, — заметил он, — я попробую дать надлежащий совет.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

Незнакомец вскочил с кресла и начал шагать взад и вперед по комнате. Затем он с жестом отчаяния сорвал маску со своего лица и бросил ее на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! К чему это скрывать?

— И в самом деле, к чему? — пробормотал Холмс. — Еще до того, как ваше высочество заговорили, мне было известно, с кем я имею счастье вести дело.

Наш странный посетитель снова сел и провел рукой по своему высокому белому лбу.

— Но вы поймете, вы должны понять, что я не привык лично вести подобные дела! И все-таки я в

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

этом щекотливом деле не мог довериться третьему лицу, так как я этим самым всецело отдавал бы себя в его руки. Я приехал инкогнито в Лондон в надежде получить от вас надлежащий совет.

— В таком случае, я слушаю, ваше высочество, — проговорил Холмс, снова закрывая глаза.

— Дело вот в чем. Пять лет тому назад я познакомился во время моего продолжительного пребывания в Варшаве с известной авантюристкой Ирен Адлер. Вам это имя, вероятно, немного знакомо?

— Будьте так любезны, доктор, загляните в мою картотеку, — проговорил Холмс, не открывая глаз.

Несколько лет тому назад он начал систематически записывать на карточки все, что казалось ему важным, и почти нельзя было найти человека или предмета, о котором у него не было бы каких-нибудь сведений. На этот раз я нашел нужную информацию между биографиями еврейского раввина и одного контр-адмирала, автора труда о морских рыбах.

— Ну-ка, посмотрим, — проговорил Холмс. — Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контраль-то... Ла Скала, хм... Примадонна Варшавской императорской оперы! Бросила сцену. Ага! Живет в Лондоне... Совершенно верно! Ваше высочество завязали знакомство с этой молодой особой и написали ей несколько компрометирующих вас писем, обратное получение которых в настоящее время было крайне бы желательно. Так ли это?

— Совершенно верно. Но каким образом вы..?

— Вы тайно обвенчались?

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

— Нет.

— Никаких письменных обещаний жениться на ней не существует?

— Нет.

— В таком случае, я не понимаю, ваше высочество. Если бы эта молодая особа воспользовалась для своих целей письмами вашего высочества, каким образом она могла бы доказать, что они исходят от вашего высочества?

— Но почерк!

— Подделан.

— Моя почтовая бумага.

— Украдена.

— Моя печать.

— Подделана.

— Моя фотографическая карточка!

— Куплена.

— Но ведь мы на ней сняты вместе!

— О-о, это очень плохо! Подобной неосторожности ваше высочество не должны были допустить. Ваше высочество себя серьезно скомпрометировали.

— Я тогда был еще очень молод и не занимал престол. Мне всего тридцать лет.

— Нужно во что бы то ни стало добыть эту карточку.

— До сих пор все мои попытки были напрасны.

— Предлагали вы ей деньги?

— Она не идет ни на какие уступки.

— В таком случае, эти письма нужно украсть.

— Я уже пробовал это сделать, целых пять раз, и

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

все напрасно. Два раза я велел обыскать всю ее квартиру. Один раз в дороге весь ее багаж был перерыт, и два раза ее саму обыскали.

— И писем не нашли?

— Ни одного.

Холмс расхохотался.

— История эта становится очень забавной.

— Я ее забавной ничуть не нахожу! — заметил с упреком король.

— Отлично. Что она намерена сделать с этой фотографией?

— Она хочет причинить мне неприятности.

— Каким образом?

— Я намереваюсь скоро вступить в брак.

— Я об этом слышал.

— С принцессой Клотильдой Лотман фон Саксен-Менинген. Вам, конечно, известны строгие принципы этой династии. Сама Клотильда — воплощенная чистота. И если бы на меня упало хоть малейшее подозрение, она тотчас же отказалась бы мне.

— А Ирен Адлер?

— Она грозит послать им карточку. Она так и сделает, я знаю. Она способна на это. Вы ее не знаете. У нее железная воля. Она готова на все, чтобы помешать моему браку, решительно на все!

— Вы уверены, что карточка еще у нее?

— Уверен.

— Откуда вам это известно?

— Она дала клятву отослать ее в тот день, когда будет объявлено о моей свадьбе. А это случится в бу-

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

дущий понедельник.

— В таком случае, у нас целых три дня! — проговорил Холмс, видимо, очень обрадованный. — Ваше высочество остановились в Лондоне?

— Конечно. Вы найдете меня в гостинице Лэнгхэм под именем графа фон Крамма.

— Я извещу вас о результатах моего расследования.

— Пожалуйста! Вы можете себе представить, как я волнуюсь!

— Теперь остается только покончить с вопросом о гонораре.

— Я вам даю карт-бланш. Готов отдать за эту фотографию один из моих замков!

— А текущие расходы?

Князь вынул толстый кожаный мешочек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот кредитными билетами, — проговорил он.

Холмс нацарапал расписку на листике своей записной книжки и передал ее князю.

— Адрес дамы?

— Брайони-лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонсвуд.

Холмс записал адрес.

— Еще один вопрос. Фотокарточка кабинетного формата?

— Да.

— Отлично. Спокойной ночи, ваше высочество. Уверен, что скоро пришлю вам благоприятные из-

вестия... Спокойной ночи, Ватсон, — обратился он ко мне, когда роскошный экипаж отъехал от нашего дома. — Я буду очень рад, если вы зайдете ко мне завтра в три часа дня. Мне будет очень приятно поболтать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я явился к Холмсу, но его еще не было дома. Хозяйка передала мне, что не было еще восьми утра, когда он вышел из дома. Я сел у камина с твердым намерением дождаться его во что бы то ни стало. Обещание Холмса достать фотографическую карточку меня крайне интересовало, и хотя вся эта история не имела того мрачного, ужасного характера, как описанные мною ранее преступления, тем не менее, она приобретала особый интерес благодаря самой личности клиента. Вместе с тем, мне было крайне любопытно снова проследить за ясной, по-разительной логикой моего друга и увидеть, как мастерски он умеет распутывать самые сложные дела. Я уже так привык к его постоянным удачам, что мне и в голову не приходила возможность провала.

Около четырех часов в комнату ввалился какой-то конюх с нечесанными волосами и бородой, его раскрасневшееся от вина лицо и засаленная одежда производили неприятное впечатление. Хотя я знал об удивительном искусстве Холмса переодеваться, тем не менее, я не сразу догадался, кто стоит передо мною. Холмс кивнул мне и исчез в спальне. Он появился оттуда через пять минут таким же элегантно

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

одетым и безупречным джентльменом, каким был всегда. Заложив руки в карманы, он уселся перед камином и рассмеялся от всей души.

— Это великолепно! — воскликнул он, продолжал хохотать, пока у него не перехватило дыхание.

— Что случилось?

— Право, это слишком смешно. Вы ни за что не догадаетесь, чем я сегодня занимался и чего добился.

— Не имею понятия. Вероятно, знакомились с домом и привычками мисс Ирен.

— Совершенно верно, и мне пришлось увидеть много интересного. Расскажу все по порядку. Итак, я вышел сегодня утром из дома переодетый возничим. Знаете, между кучерами существует замечательная дружба. Они готовы помочь друг

В комнату ввалился какой-то конюх с нечесанными волосами и бородой

другу во всем. Я скоро нашел нужный дом. Двухэтажная вилла, в которой живет Адлер — настоящая игрушка. Позади расположен сад, а фасадом дом выходит прямо на улицу. На улицу же выходят окна большой, роскошно обставленной гостиной. Окна эти очень большие, почти во всю высоту комнаты, и снабжены глупыми английскими оконными запорами, которые может отворить любой ребенок. Я начал бродить по улице и не ошибся в расчетах: в переулочке, примыкавшем к саду, находилась конюшня. Я помог конюху вычистить лошадей и заработал благодаря этому на кружку пива и получил самые точные сведения об Ирене Адлер.

— И что же?

— Оказывается, она вскружила головы всем мужчинам в этом квартале. Она самая восхитительная женщина в мире. Все конюхи и кучера Серпентайн-авеню утверждают это в один голос. Она живет очень уединенно, поет на концертах, выезжает ежедневно в пять часов и возвращается в семь часов к ужину. Она очень редко выезжает из дома в другое время. Ее часто навещает молодой человек необыкновенной красоты. Он бывает у нее по нескользкую раз на дню. Зовут его мистер Годфри Нортон. Вы видите, как выгодно иметь знакомых кучеров! Они отвезли его домой, по крайней мере, раз двадцать, и поэтому дали мне о нем самые подробные сведения. Когда я узнал от них все, что мне было нужно, я начал тихо прогуливаться близ виллы и составлять план кампании.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

Очевидно, этот мистер Нортон играл не последнюю роль во всем этом деле. Он, как я узнал, юрист. Какие отношения существовали между ним и Ирен Адлер? Ради чего посещал он ее так часто? Кем была она для него — клиенткой, другом или возлюбленной? В первом случае, она, конечно, отдала карточку ему на хранение. В последнем — пожалуй, что нет. От решения этого вопроса зависело, где я должен был бы продолжать свои розыски: на вилле Адлер или на квартире этого господина. Это было очень важное обстоятельство, и оно запутывало все дело. Я боюсь, что эти подробности вам не интересны, но они необходимы для понимания истинного положения вещей.

— Я слушаю вас очень внимательно, — ответил я.

— Я еще не пришел к окончательному решению, как перед виллой остановился кэб, и из него выскочил чрезвычайно красивый господин с орлиным носом и большой бородой. Очевидно, тот самый, которого мне описали. Он, по-видимому, очень торопился, поскольку приказал кучеру ждать, а сам прошел мимо отворившей ему дверь девушки с видом человека, чувствующего себя как дома.

В вилле он пробыл около получаса; время от времени он показывался у окна, и я видел, как, жестикулируя и возбужденно разговаривая, ходил взад и вперед по комнате. Ее видно не было. Вдруг он выскочил из виллы в сильнейшем возбуждении. Прежде чем сесть в кэб, он посмотрел на часы. «Поехайте во весь дух! — проговорил он. — Сначала

к Гроссу и Хенке, в Риджент-стрит, а затем в церковь святой Моники на Эджвер-роуд. Вы получите полгинеи, если привезете меня туда за двадцать минут!».

Они помчались, и я раздумывал, не последовать ли мне за ними, как вдруг я увидел, что по переулку едет нарядное маленькое ландо. Едва только кучер успел подъехать к подъезду и застегнуть пуговицы своей ливреи, как она быстро выскочила из подъезда и сама распахнула дверцы экипажа. «В церковь святой Моники, Джон! — крикнула она. — Получишь полсоверена, если будешь там через двадцать минут!». Я только мельком увидал ее, но этого было вполне достаточно, чтобы понять, что ради такой женщины мужчина способен на любую глупость. Ватсон, такой удобный случай я не должен был упустить. К счастью, вблизи я нашел извозчика, и, прежде чем он успел оглянуться, я уже сидел в его экипаже. «Получите полсоверена, если довезете в церковь святой Моники за двадцать минут!». Было без двадцати пяти минут двенадцать, и я отлично понимал, что должно было произойти.

Мой извозчик ехал очень скоро, но те все-таки меня опередили. Я расплатился и поспешно вошел в церковь. Кроме преследуемых мною людей и одного, по-видимому, весьма смущенного священника, в церкви никого не было. Священник, по-видимому, убеждал их в чем-то; все они стояли перед алтарем. Я вошел в боковой придел с видом человека, зашедшего в церковь совершенно случайно. К моему вели-

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

чайшему удивлению, все трое вдруг обратили внимание на меня, и Годфри Нортон быстро подошел ко мне.

«Слава богу! — воскликнул он. — Вы можете оказать нам очень большую услугу. Идемте! Скорее, скорее!».

«Куда идти?» — спросил я.

«Идемте, идемте, остается еще три минуты!».

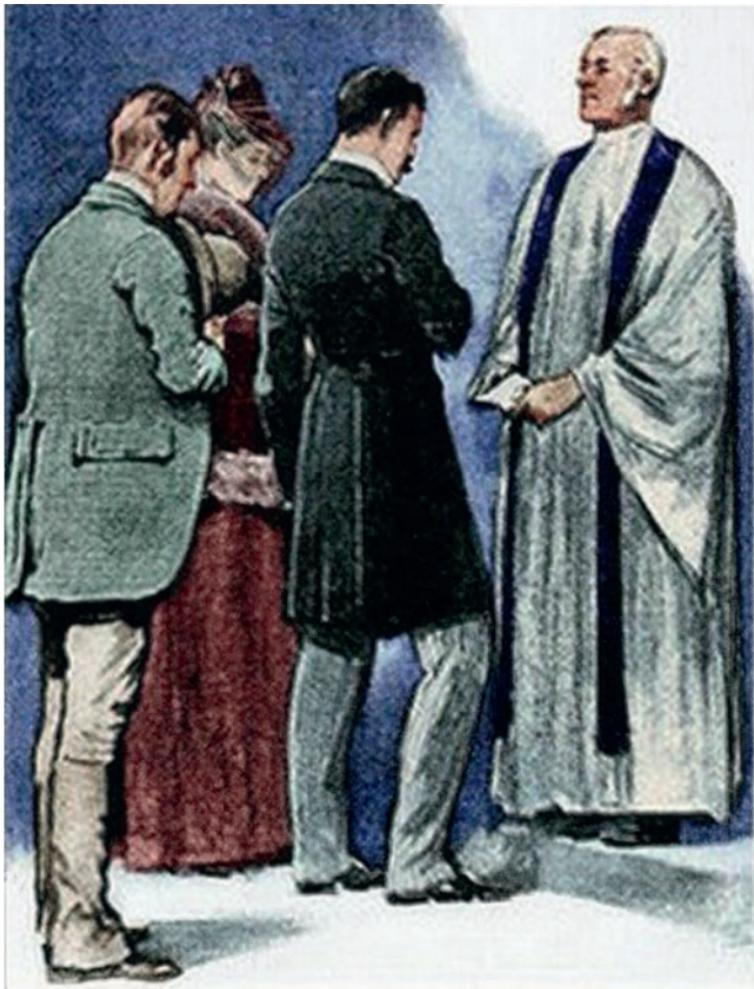
Меня потащили к алтарю, и, прежде чем я успел понять происходившее, я стал давать ответы, которые мне подсказывали, и подтверждать вещи, о которых я не имел ни малейшего понятия. Короче говоря, я стал свидетелем торжественного брака Ирен Адлер с Годфри Нортоном.

Через несколько минут все было кончено; справа меня благодарил Нортон, слева — Ирен, а спереди священник выражал мне свое удовольствие. Я никогда не был в таком глупом положении, и теперь, вспомнив о нем, я невольно расхохотался. Очевидно, священник отказывался венчать пару без свидетелей. Если бы я там случайно не очутился, жениху пришлось бы брать свидетелей с улицы. Невеста подарила мне соверен, который я прикреплю на память к моей часовой цепочке.

— Это совершенно неожиданный оборот дела, — проговорил я.

— Да, моим планам грозил полный провал. Молодая парочка собиралась, по-видимому, куда-то уехать, потому я должен был, со своей стороны, принять быстрые и энергические меры. Они расста-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

*Я стал свидетелем торжественного брака Ирен Адлер
с Годфри Нортоном*

лись на церковной паперти: он направился в Темпл, она — к себе. «В пять часов я поеду, как обычно, в

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

парк», — крикнула она ему. Они отправились в разные стороны, а я решил заняться делом.

— Каким же?

— Съесть холодный ростбиф и выпить стакан пива, — ответил Холмс и позвонил в колокольчик. — До сих пор у меня не было времени думать о еде. А вечером я буду еще более занят. Впрочем, я хотел бы просить о вашей помощи, доктор.

— С удовольствием.

— Вы не побоитесь нарушить закон?

— Нет.

— А опасность ареста вас не смущает?

— Ради интересного дела я готов рискнуть!

— Дело замечательное!

— Тогда я к вашим услугам.

— Я не сомневался, что на вас можно положиться!

— Так что вы задумали?

— Я все расскажу, когда хозяйка принесет ростбиф.

— Простите, — проговорил он затем, с аппетитом набросившись на поданное блюдо. — Я должен вам все объяснить за едой, так как у меня очень мало свободного времени. Через два часа мы должны присутствовать на театре военных действий, так как мадемуазель или, вернее, мадам Ирен вернется в семь часов со своей прогулки. Я уже составил план наших действий. Но вот что: вы должны дать мне слово ни во что не вмешиваться. Обещаете?

— Значит, я должен хранить нейтралитет?

— Да. Дело может дойти и до столкновения, но вы не должны обращать на это внимания. Когда я,

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

что самое главное, попаду в дом, все успокоится. Через четыре или пять минут откроется окно гостиной. И вы должен стать подле этого открытого окна.

— Хорошо.

— Вы увидите меня с улицы; не упускайте меня из виду.

— Ладно.

— Как только я подниму руку, вы бросите в комнату предмет, который я вам дам, и одновременно с этим крикнете: «Пожар!». Вы все запомнили?

— Конечно.

— В этом ничего опасного нет, — проговорил он и вынул из кармана длинный сигарообразный сверток. — Это обыкновенная самовоспламеняющаяся дымовая шашка. Этим ограничится вся ваша задача. Крикнув «Пожар!», вы спокойно пойдете вниз по улице, и минут через десять я вас, вероятно, догоню. Надеюсь, вы меня поняли?

— Я должен сохранять нейтралитет, подойти к окну, наблюдать за вами, бросить шашку по вашему знаку в комнату, крикнуть «Пожар!» и ждать вас на углу улицы.

— Совершенно верно.

— Вы можете вполне на меня положиться.

— Отлично! А теперь мне пора приготовиться к своей роли.

Он направился в спальню и вернулся через несколько минут в образе любезного простоватого скромного священника. Широкая черная шляпа, просторные брюки, белый галстук, умильная улыбка

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

и благосклонный, любезный взор — все соответствовало образу как нельзя лучше. Однако Холмс изменил не только свой наряд. Его черты, манеры, все изменилось до неузнаваемости.

Без десяти семь мы были в Серпентайн-авеню. Уже смеркалось, только что начали зажигать фонари; мы начали ходить перед виллой в ожидании ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой я себе ее представлял по описаниям Холмса, но окружающую местность я себе воображал гораздо более пустынной. На одном углу болтала группа веселых курящих зевак, невдалеке стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца любезничали с няней. Несколько хорошо одетых молодых людей медленно прохаживались взад и вперед и дымили сигарами.

— Видете ли, — заметил Холмс, — эта свадьба чрезвычайно упрощает дело. Теперь

Он вернулся через несколько минут в образе любезного простоватого скромного священника

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

фотография является обоядоострым оружием. Я не думаю, чтоб ей очень хотелось показывать фотокарточку мистеру Нортону. И нашему клиенту было бы неприятно, если бы она попала в руки принцессы. Вопрос в том, где найти фотокарточку.

— Да, где?

— Маловероятно, чтобы она ее всегда носила при себе. Кабинетная фотографическая карточка слишком велика, чтобы ее можно было легко скрыть в дамском платье. Поэтому очевидно, что она ее с собой не носит.

— Где же она?

— Может быть, у ее банкира или нотариуса, но это предположение маловероятно. К чему ей передавать другому такую важную вещь? На себя она может положиться, но ведь она не знает, в силах ли воспротивиться ее деловой человек политическому или иному влиянию. Кроме того, она намерена воспользоваться фотографией в ближайшие дни. Поэтому она должна у нее быть всегда под рукой. Наверное, она хранится у нее в квартире.

— Но ведь у нее делали два раза обыск.

— Они не умели искать.

— А что намерены делать вы?

— Я не буду ее искать.

— Как так?

— Она сама мне ее покажет.

— Ну, не думаю...

— Посмотрим... А, экипаж подъезжает. Теперь следуйте в точности моим предписаниям.

К вилле подъехало маленькое элегантное ландо с зажженными фонарями. Едва оно успело остановиться, как к нему подбежал один из бродяг для того, чтобы открыть дверцу экипажа и получить за это чаю. Другой бродяга бросился с тем же намерением и толкнул его в сторону. Между ними произошел спор, в который вмешались оба гвардейца. Они приняли сторону первого, тогда как точильщик заступился за второго. Дело дошло до форменной потасовки, и в одно мгновение вышедшая из экипажа дама оказалась в центре возбужденных дерущихся людей, пускавших в ход кулаки и палки. Холмс бросился в середину свалки защищать даму. Но не успел он еще добраться до нее, как вскрикнул и упал с окровавленным лицом. Тотчас же все дерущиеся разбежались в разные стороны, и тогда несколько более прилично одетых человек, остававшихся дотоле безучастными зрителями этой сцены, бросились на помочь даме и раненому. Ирен Адлер вбежала в подъезд; на пороге она остановилась, видимо, не зная, что делать. Великолепная ее фигура резко выделялась на ярко освещенном заднем фоне коридора.

— Он тяжело ранен? — спросила она.

— Он умер! — воскликнуло несколько человек.

— Нет, он еще жив, — проговорил кто-то. — Но он умрет прежде, чем его успеют доставить в больницу.

— Славный, отважный человек! — проговорила какая-то женщина. — Не вмешайся он, эти негодяи сташили бы с дамы и цепочку, и часы. Смотрите, он еще двигается.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Холмс бросился в середину свалки защищать даму

— Здесь его нельзя оставить. Вы позволите отнести его в ваш дом, сударыня?

— Конечно, несите его в гостиную. Там удобный диван. Пожалуйста, сюда!

Медленно и торжественно Холмса внесли в гостиную; я наблюдал за этим через окно. Комната

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

была ярко освещена, а шторы не были задернуты, поэтому я ясно видел лежащего на диване Холмса. Не испытывал ли он в эти минуты укоры совести? Что касается меня, то я чувствовал себя сильно смущенным, принимая участие в махинациях, затеянных против этой прелестной женщины, ухаживающей с такой нежностью и грацией за раненым. Однако отступить теперь было уже поздно, поэтому я постарался заглушить укоры совести и вынул из пальто дымовую шашку. Я успокаивал себя тем, что Ирен не будет нанесено никакого вреда, и что мы только стремимся помешать ей нанести вред другому человеку.

Холмс приподнялся, сделав движение, которое указывало, что ему не хватает воздуха. Горничная бросилась открывать окно. В ту же самую минуту он поднял руку; я бросил в комнату шашку и крикнул во все горло: «Пожар!». В одну минуту у виллы собралась целая толпа народа. Густое облако дыма выбивалось из открытого окна. Передо мной мелькали тени бегающих взад и вперед людей, и я услыхал голос Холмса, уверявшего, что опасности никакой нет. Я выбрался из толпы, и не успел я прокружить на углу и десяти минут, как явился Холмс, и мы двинулись вперед с облегченным сердцем.

Несколько минут он быстро и молча шел рядом со мной. Наконец, мы свернули на тихую уличку, ведущую к Эджвер-роуд.

— Вы проделали все очень ловко, доктор, — заметил он. — Теперь все в порядке.

— Значит, вы достали фотографию?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Нет, но зато знаю, где она находится.

— Каким образом вы это узнали?

— Как я и предсказывал, она сама указала мне на нее.

— Я все же совершенно ничего не понимаю.

— Не буду делать из этого тайну, — проговорил Холмс со смехом. — Вся просто до чрезвычайности. Вы, конечно, догадались, что потасовка на улице была подстроена. Все участвовавшие в ней лица были ангажированы мной на один вечер.

— Я так и думал.

— Когда разыгрался скандал, у меня в руке было немного красной краски. Перед тем, как упасть на землю, я прижал ладонь ко лбу, поэтому создалось впечатление, что лицо у меня разбито в кровь. Это старый трюк.

— Я так и предполагал.

— Меня внесли в ее виллу, как раз в ту гостиную, на которую я обратил раньше свое внимание. Она примыкает к спальне, следовательно, от меня ничего не могло укрыться. Они меня положили на диван, я начал как бы задыхаться, горничная распахнула окно, и тогда начали действовать вы.

— И как вам это помогло?

— Если женщина думает, что горит ее дом, она, несомненно, инстинктивно схватится за предмет, который ей дороже всего. Это вполне естественно, и я этим пользовался не раз для своих целей. Замужняя женщина и мать схватит своего ребенка, незамужняя женщина — свои драгоценности. Я был уверен, что

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

для нашей дамы самой драгоценной вещью является предмет, который я стремлюсь добыть. Сцена пожара была проведена великолепно. Дым и крики могли потрясти даже и стальные нервы. Поэтому я узнал все. Фотография помещается в нише, в потайном шкафчике, вделанном в стену. При первой тревоге она бросилась туда, и я увидел, что она держит в руках фотокарточку. Когда я крикнул, что опасности никакой нет, она положила ее обратно, а затем, глянув на дымовую шашку, бросилась из комнаты. После этого я ее уже не видел. Я колебался, не овладеть ли карточкой, но в эту минуту вошел ее кучер, и я решил повременить, так как малейшая оплошность могла испортить все дело.

— И что дальше? — спросил я.

— Собственно говоря, остается сделать пустяки. Завтра утром я с королем нанесу ей визит. Если хотите, можете пойти с нами. Нас попросят обождать в гостиной, и дело будет сделано. Может быть, его высочеству доставит особенное удовольствие забрать эту фотокарточку собственноручно.

— В котором часу вы собираетесь нанести визит?

— В восемь часов утра. Дама наша будет еще, конечно, спать, и мы будем хозяевами положения. Конечно, мы должны быть очень аккуратны, так как неизвестно, какие изменения произвел в ее жизни и привычках этот брак. Я тотчас же извещу короля.

Разговаривая, мы дошли до Бейкер-стрит. Холмс начал искать в кармане ключ от входной двери; вдруг какой-то прохожий крикнул ему:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Спокойной ночи, мистер Холмс!

Слова эти были, по-видимому, произнесены быстро пробежавшим мимо нас молодым человеком в широком пальто.

— Я где-то слышал этот голос, — проговорил Холмс. — Кто бы это мог быть, черт возьми?

III

Я провел эту ночь у Холмса. На следующее утро едва мы принялись за завтрак, как стремительно вошел король Богемии.

— Вы добились своего? — воскликнул он, хватая Холмса за плечи и с волнением ожидая его ответа.

— Пока еще нет.

— Но надежда есть?

— Конечно.

— В таком случае, едемте! Я сгораю от нетерпения.

— Я еще должен послать за кэбом.

— Мой экипаж у вашего подъезда.

— Тем лучше.

Мы сели и поехали в сторону Брайони-лодж.

— Ирен Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда же?

— Вчера.

— И за кого?

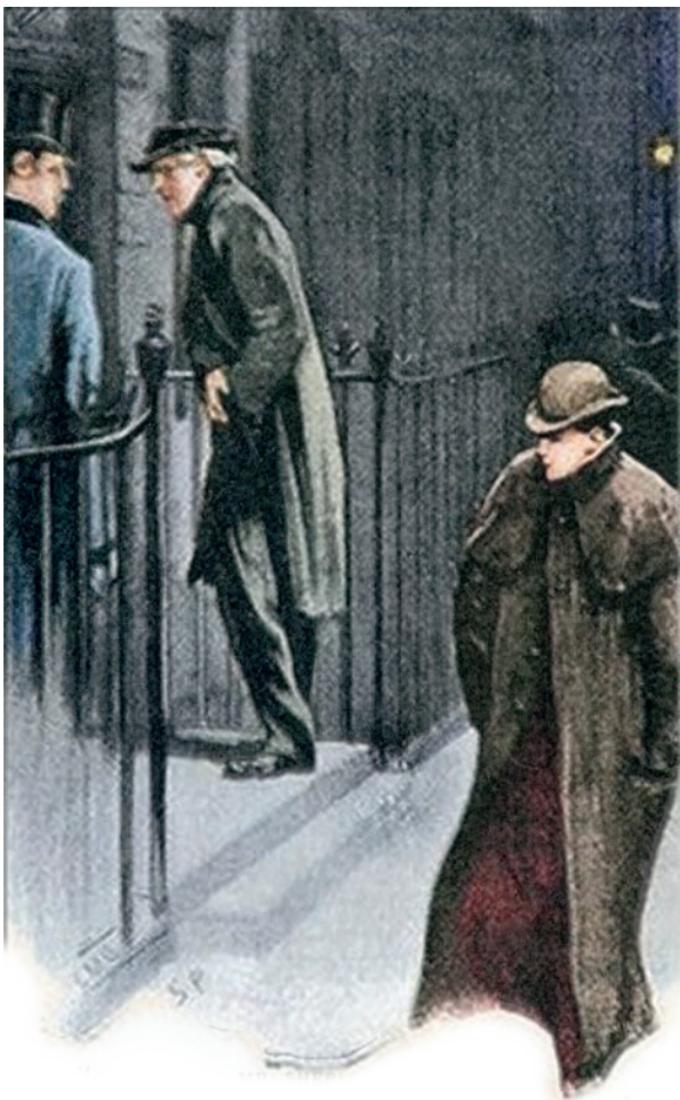
— За английского адвоката по имени Нортон.

— Правда? Но она его, скорее всего, не любит.

— Надеюсь, что любит.

— Почему надеетесь?

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

— Спокойной ночи, мистер Холмс!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Потому что в интересах вашего высочества было бы желать этого. Это обезопасит ваше величество от дальнейших неприятностей. Если она любит своего мужа, она не любит ваше высочество, а если она не любит ваше высочество, к чему же ей нарушать ваш покой?

— Совершенно верно. И все-таки... Ах, как бы я желал, чтобы она была мне ровней! Какая бы из нее вышла королева!

Он задумался и угрюмо молчал до самого дома Адлер.

Двери ее виллы были открыта настежь, на пороге стояла пожилая женщина, смотревшая с сардонической улыбкой, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

Мой друг бросил на нее удивленный взгляд.

— Да, я мистер Холмс.

— Моя хозяйка предупредила меня о вашем приезде. Она уехала сегодня с утренним пятычасовым поездом на континент.

— Что?! — Шерлок Холмс побледнел как полотно.

— Вы хотите этим сказать, что она покинула Англию?

— Да. Навсегда.

— А бумаги? — спросил хриплым голосом король. — Значит, все пропало!

— Мы должны удостовериться, — Холмс оттолкнул служанку и бросился в комнату.

Король и я последовали за ним. Мебель в комнате была сдвинута, открытые настежь шкафы указыва-

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

ли на поспешность отъезда. Холмс бросился к тайнику, открыл его и вытащил фотографическую карточку и письмо. На карточке была изображена Ирен Адлер в вечернем туалете, а письмо было адресовано мистеру Шерлоку Холмсу.

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое одновременно прочли это письмо. Оно было написано накануне, около двенадцати часов ночи и гласило следующее:

«Мой дорогой мистер Холмс, Вы действительно бесподобно сыграли вашу роль, и Вам вполне удалось овладеть моим доверием. До самой суматохи по поводу минимого пожара я ничего не подозревала. Но затем я поняла, что выдала себя, и задумалась о будущем. Несколько месяцев тому назад меня уже предостерегали и указывали на Вас как на единственного человека, к помощи которого может прибегнуть король. Мне даже дали ваши адрес. Сначала мне было стыдно подозревать такого милого пожилого священника в лицедействе. Но вы знаете, что я была актрисой и поэтому сама не раз прибегала к переодеваниям. Поэтому я послала своего кучера Джона пронаблюдать за Вами, а сама быстро поднялась к себе на верх, чтобы переодеться в мужской костюм. Я успела последовать за Вами до вашего дома и убедилась, что мною интересуется знаменитый мистер Холмс. Я даже сделала неосторожность — пожелала Вам спокойной ночи, — и поспешила обратно к мужу.

Мы с мужем сочли за самым лучшим спастись от такого опасного преследователя бегством. Поэтому

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

завтра Вы найдете гнездышко пустым. Пусть ваш клиент успокоится насчет карточки: я люблю и любима человеком, гораздо более благородным, чем король. Я предоставляю ему полную свободу действий и, несмотря на его вину, не буду стоять поперек его дороги. Я оставляю здесь другую фотокарточку, обладание которой может доставить ему удовольствие. Остаюсь навсегда преданная Вам Ирен Нортон, урожденная Адлер».

— Какая женщина, нет, какая женщина! — воскликнул король. — Не говорил ли я вам, как она быстро и решительно действует! Какая бы из нее вышла великолепная королева! Как жалко, что она стоит не на моем уровне!

— Судя по всему, что мне о ней известно, она действительно находится на другом уровне по сравнению с вами, — ответил на это холодно Холмс.

— Скажите мне, чем я могу вас вознаградить? Это кольцо...

Он снял со своего пальца кольцо с изумрудом и протянул его Холмсу.

— Ваше высочество обладает тем, что имеет для меня гораздо большую ценность.

— Что же это?

— Фотографическая карточка.

Король взглянул на него с удивлением.

— Карточка Ирен?! В таком случае, возьмите ее, пожалуйста.

— Очень благодарен, ваше высочество. Честь имею кланяться.

— Ваше высочество обладает тем, что имеет для меня гораздо большую ценность

Он сделал поклон и удалился, сделав вид, что не замечает протянутой ему князем руки.

Таким образом удалось избежать скандала, который мог разразиться в Богемии, а самые остроумные планы Шерлока Холмса были разрушены благодаря хитрости женщины. Холмс всегда насмехался над хитроумием женщин; с того времени я не слышал от него больше ни одного насмешливого слова на этот счет.

СОЮЗ РЫЖИХ

Навестив как-то прошлую осенью моего друга Шерлока Холмса, я застал его оживленно беседующим с каким-то полным, цветущего вида, пожилым мистером с огненно-рыжими волосами. Я собирался было уже извиниться и направился к выходу, но Холмс быстро увлек меня в комнату и запер за мной дверь.

— Более кстати вы не могли явиться, дорогой Ватсон, — сказал он сердечно.

— Я боялся, что вы заняты, — возразил я.

— Да, и даже очень.

— Тогда я подожду вас в соседней комнате.

— Нет, нет, пожалуйста, останьтесь. — Доктор Ватсон, — представил он меня незнакомцу. Он не раз помогал мне словом и делом в труднейших случаях моей практики, и я не сомневаюсь, что он будет весьма полезен и в вашем деле, мистер Вилсон.

Полный мистер немного приподнялся со стула и наклонил голову, глядя на меня и щуря свои маленькие, заплыvшие жиром глазки.

— Садитесь сюда, на диван, — сказал Холмс, откинувшись в своем кресле и соединив пальцы рук, как он это обыкновенно делал в минуты глубокой задумчивости.

— Я знаю, милейший Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему, что выходит за рамки однооб-

СОЮЗ РЫЖИХ

разия повседневной жизни. Вы доказали это тем энтузиазмом, с которым вы описывали некоторые незначительные наши приключения, и даже, извините меня, несколько приукрашивали их.

— Во всяком случае, меня всегда чрезвычайно интересуют ваши расследования, — ответил я.

— И вы, вероятно, помните, что когда мы разбирали дело Мери Саутерленд, я заметил, что сама жизнь часто порождает крайне удивительные случаи и удивительные перипетии. Действительность создает иногда такие неожиданности, каких не в состоянии создать самая пылкая фантазия.

— Да, и я тогда же позволил себе усомниться в этом.

— Вы, действительно, не соглашались тогда с моим мнением, но все-таки, думаю, вы принуждены будете сознаться, что я был прав. Я могу привести вам столько доказательств, что вы неизбежно будете побеждены. Вот, к примеру, история, которую рассказал мне сегодня утром мистер Джабез Вилсон. Такое каждый день не услышишь. Я уже и раньше говорил, что с самыми необыкновенными случаями чаще всего сталкиваешься при расследовании мелких, а не серьезных преступлений. Порой даже когда не знаешь, было ли вообще совершено преступление. Быть может и в данном случае мы имеем дело вовсе не с преступлением. Несомненно лишь одно — случай этот чрезвычайно любопытный. За всю свою жизнь я не слышал ничего более занимательного. Не будете ли вы, мистер Вилсон, так любезны по-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

вторить еще раз все сначала? Я прошу это не только потому, что мой друг не слышал первой половины вашего рассказа, но также и потому, что для меня весьма важно как можно точнее запомнить все детали этого дела. Обычно я могу составить картину всего случившегося уже в начале рассказа, просто сравнивая историю с бесчисленными известными мне аналогичными случаями. Однако теперь я не знаю, что и предположить.

С некоторою гордостью наш клиент запустил руку в карман сюртука и вытащил оттуда грязный и помятый номер газеты. В то время как он, нагнувшись и вытянув шею, просматривал отдел объявлений в газете, которую разложил на коленях, я спокойно рассматривал его, стараясь по примеру моего друга вывести из его внешности какое-нибудь заключение и составить о нем определенное мнение. Однако, таким образом я узнал очень немного.

Наш посетитель был самым обыкновенным человеком. Он был упитан и неповоротлив. Его сонный вид и весь внешний облик говорили о том, что он, по-видимому, был самым заурядным лавочником. На нем были широкие серые клетчатые брюки, не совсем чистый сюртук был расстегнут, на фоне светло-серого жилета виднелась толстая позолоченная цепочка от часов, на ее конце болтался какой-то брелок четырехугольной формы. Рядом с нашим гостем на стуле лежал потертый цилиндр и поношенное пальто с бархатным воротником не первой свежести. Как старательно я ни осматривал нового клиента, я не мог

Он, нагнувшись и вытянув шею, просматривал отдел объявлений в газете, которую разложил на коленях

найти в нем ничего особенного, кроме ярко-рыжих волос и выражения досады и уныния на его лице.

От зорких глаз Холмса не ускользнуло мое занятие, и он кивнул мне головой, следя за моими наблюдениями.

— Не вызывает сомнений, — сказал он, улыбнувшись, — что мистер Вилсон некоторое время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он масон, что он был в Китае и что в последнее вре-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

мя он очень много писал. Однако больше я ничего о нем сказать не могу.

Джабез Вилсон подскочил в своем кресле и усталился на моего друга.

— Бога ради, откуда, вы все это знаете, мистер Холмс? — спросил он наконец. — Как вы узнали, например, что я занимался физическим трудом? Вы, право, не ошиблись. Я действительно начал свою деятельность корабельным плотником.

— Это я вижу по вашим рукам, почтеннейший. У вас правая рука значительно больше левой. Вы много работали, в результате ее мышцы развились гораздо больше.

— Понятно, ну, а масонство?

— Вы мне кажетесь достаточно сообразительным, мистер Вилсон, чтобы догадаться, откуда я это узнал. Несколько вопреки строгим правилам вашего ордена, вы носите брелок с изображением дуги и окружности, а это старинные масонские знаки.

— Ну, да, конечно... А как вы догадались, что мне приходится много писать?

— А от чего могло возникнуть это лоснящееся пятно на локте в том месте, где рука лежит на конторке?

— Это верно... А Китай?

— Только в Китае вам могли сделать татуировку в виде рыбки, которую я вижу на вашей правой руке над кистью. В свое время я немного занимался изучением татуировок и даже обогатил научную литературу парой статей, посвященных этой теме. Поэтому я

СОЮЗ РЫЖИХ

знаю, что такую нежно-розовую рыбью чешую на татуировке могли сделать только в Китае. Если к этому прибавить еще китайскую монету на вашей цепочке, то дело становится совсем ясным.

Джабез Вилсон громко рассмеялся.

— Я готов был держать пари, что вы волшебник, но теперь вижу, что тут нет ничего сверхъестественного.

— Я все больше и больше убеждаюсь, Ватсон, что я совершаю большую ошибку, объясняя способ моих рассуждений. Вы знаете, что «*Omne ignotum pro magnifico*»¹, и мое искусство теряет свою ценность, когда я становлюсь слишком откровенным. Вы нашли объявление, мистер Вилсон?

— Вот оно, нашел, — ответил наш гость, уткнув свой толстый красный палец в газету. — С него и началась вся эта история. Будьте любезны, доктор, прочитайте сами.

Я взял газету и прочел следующее:

«*Союз рыжих, исполняя завещание покойного Иезекииля Хопкинса из Лебанона в Пенсильвании (США), сообщает, что снова имеется вакансия для члена Союза. Предлагается еженедельное жалование в 4 фунта стерлингов при чисто номинальной работе. Всякий человек с рыжими волосами, достигший двадцати одного года и находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может занять это место. Собеседование соискателей в понедельник в одиннадцать часов в помещении Союза на Флит-стрит 7, Попскорт. Спросить Дункана Росса».*

¹ Все неведомое кажется нам великолепным (лат.)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Что все это значит? — воскликнул я, дважды прочитав странное объявление.

Холмс рассмеялся, откинувшись в своем кресле; так он обыкновенно поступал, когда был в хорошем расположении духа.

— Не правда ли, это забавно? — сказал он. — А теперь, мистер Вилсон, расскажите нам о себе, о своем доме и о влиянии, какое оказали эти строки на вашу судьбу. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, название и номер газеты.

— Это «Утренняя хроника» от 27 апреля 1890 года. Газета вышла ровно два месяца тому назад.

— Хорошо. Будьте добры, продолжайте, мистер Вилсон.

— Как я вам уже говорил, мистер Холмс, — сказал Джабез Вилсон, утирая пот со лба, — я являюсь владельцем небольшой лавки, торгующей подержанной одеждой. К тому же у меня есть маленькая ссудная касса в Кобург-сквер близ Сити. Нельзя сказать, чтобы это было особо прибыльным делом, в последние годы мне удавалось едва сводить концы с концами. Раньше я был в состоянии держать двух приказчиков, теперь же у меня только один, и то мне пришлось бы очень тугу, если бы он сам не согласился работать за половинное жалованье, желая изучить дело.

— Как зовут этого усердного юношу? — спросил Холмс.

— Это Винсент Спולדинг, и он уже далеко не юноша. Впрочем, трудно определить его возраст. Лучшего помощника нельзя и пожелать, мистер Холмс. Я отлично знаю, что он может найти себе лучшую должность и зарабатывать вдвое больше, чем у меня. Но поскольку он доволен своим положением, к чему мне открывать свои карты?

— Да, конечно, это лишнее... Вы должны быть рады, имея хорошего служащего за небольшое вознаграждение. В наше время это редкость.

— Однако, и у него есть свои недостатки, — заметил Вилсон. — Он сильно увлечен фотографией. Нередко он ни с того ни с сего бросает свою работу, исчезает куда-то с аппаратом, а потом залезает в погреб, как крот в нору, чтобы проявлять свои снимки. Это

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

его главный недостаток, в остальном же он хороший работник, и я не могу на него пожаловаться.

— Он, вероятно, все еще служит у вас?

— Да, мистер Холмс. Он и четырнадцатилетняя девочка, которая убирает комнаты и немного умеет стряпать. Вот и весь мой служебный персонал. Своей семьи у меня нет, я ведь бездетный вдовец. Мы живем себе втроем тихо и мирно, и если не очень роскошествуем, то, по крайней мере имеем кусок хлеба и не влезаем в долги. И все шло отлично, пока не появилось это объявление. Как раз два месяца тому назад Спולדинг вошел в лавку с газетой в руках и сказал:

— Хотел бы я, чтобы Господь сотворил меня рыжим!

— Почему это? — спросил я.

— Почему? — повторил он, указывая мне на газетное объявление. — Потому что здесь сообщается об освободившейся вакансии в Союзе рыжих. Для того, кто получит эту должность, это будет прямо подарок Божий, ведь речь идет о неплохом доходе. Мне кажется, вакансий там больше, чем претендентов, так что управление уже и не знает, что делать с деньгами. Если бы мои волосы можно было перекрасить, я с удовольствием занял бы это уютное гнездышко.

Я спросил Спולדинга, что это за Союз такой. Видите ли, мистер Холмс, по натуре я истинный домосед, а поскольку по роду моих занятий мне не нужно никуда выходить, то я частенько по неделям не переступаю порог своего дома. Благодаря этому я мало

*Неужели вы ничего не слышали о Союзе
рыжих?*

знаю, что делается на свете, и поэтому всегда рад любым новостям.

— Неужели вы ничего не слышали о Союзе рыжих? — спросил он, широко раскрыв от изумления глаза.

— Ничего.

— Неужели? Это меня удивляет! Вы же сами можете быть претендентом на открывшуюся вакансию.

— А что она дает? — спросил я.

— Не более двухсот фунтов стерлингов в год, но зато работы немного, и при этой службе можно отлично продолжать свои прежние занятия.

— Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, что я насторожил при этом известии уши, ибо мои дела в последние годы шли не очень блестяще, и лишняя пара сотен была бы мне очень и очень кстати. — Расскажите мне подробнее, в чем там дело, — попросил я своего приказчика.

— Вы ведь сами видите, — сказал Спולדинг, указывая на газету, — что в Союзе освободилась вакансия, вот и адрес, куда можно обратиться. Насколько мне известно, Союз этот учрежден известным американским миллионером Хопкинсом, который слыл большим чудаком. Он был огненно-рыжим и, по-видимому, испытывал симпатию ко всем рыжим на свете. После его смерти было вскрыто завещание, по которому он все свое огромное состояние направлял на учреждение стипендий для рыжих. Проценты с капитала идут на то, чтобы такие люди могли пользоваться этим источником для безбедного существования.

— Но на свете миллионы рыжих, — заметил я.

— Выплата стипендий ограничена лишь уроженцами Лондона, при этом речь идет лишь о взрослых мужчинах, — возразил Сполодинг. Хопкинс провел свою молодость в Лондоне и потому хотел облагодетельствовать свою вторую родину. Потом я слышал, что в Союз нет смысла обращаться людям с каштановыми волосами или с шевелюрой красного оттен-

ка; требуется яркий, огненно-красный цвет. Если вы захотите воспользоваться этой возможностью, то, вероятно, место будет за вами. Вам надо только зайти в контору Союза рыжих. Впрочем, быть может, вам и не стоит беспокоиться из-за каких-то двухсот фунтов.

— Как вы сами можете убедиться, господа, мои волосы действительно ярко-огненного цвета, поэтому я имел веское право претендовать на освободившуюся вакансию. Спולדинг был, по-видимому, не плохо знаком с обстоятельством дел в этом Союзе. Я думал, что он сможет мне помочь. Поэтому я приказал ему запереть лавку и пойти со мной. Он был очень рад освободиться на целый день. Мы закрыли торговлю и отправились по указанному в газете адресу. Это было интересное зрелище, мистер Холмс! Со всех концов Лондона сбежались все, у кого был малейший красноватый оттенок в волосах! Вся Флит-стрит пестрела рыжими. Я никогда не предполагал, что в Лондоне их так много. Здесь можно было увидеть все оттенки рыжего: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, печеночно-красный. Были люди с волосами цвета желчи, глины и цвета шерсти у ирландских сеттеров. Однако, истинно огненно-рыжих было немного. И все же, когда я увидел всю эту массу претендентов, то решил вернуться домой, но Спולדинг и слушать об этом не хотел. Как ему это удалось, я до сих пор не понимаю, но он ругался, толкался, работал ногами и локтями, пока мы не пробрались сквозь толпу. Улица была запружена народом;

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

одни подымались в контору по лестнице, полные надежд, другие спускались с разочарованным видом. Мы кое-как протиснулись вперед и, наконец, попали в контору.

— Да, история презабавная, — заметил Холмс, когда его клиент ненадолго замолк, чтобы освежить свою память огромной понюшкой табаку. — Пожалуйста, продолжайте.

В конторе стояла всего пара деревянных стульев и сосновый стол, за которым сидел человек небольшого роста. Его волосы были еще ярче моих. Каждому входящему кандидату он предлагал несколько вопросов, после чего находил какой-нибудь недостаток, мешающий ему занять вакансию. По-видимому, добиться этого места было совсем не так просто. Когда же, наконец, наступила моя очередь, маленький человек оказался ко мне благосклоннее, чем ко всем остальным кандидатам. Он запер дверь, чтобы поговорить с нами наедине.

— Это мистер Джабез Вилсон, — сказал мой помощник, — и он желает занять освободившееся место.

— Он, кажется, отлично подходит к нашим требованиям, — заметил маленький человек, — и вполне удовлетворяет всем условиям. Я не помню, чтобы когда-нибудь видел такие чудесные рыжие волосы. — Он отступил на шаг назад, наклонил голову и пристально смотрел на мои волосы до тех пор, пока я не покраснел. Затем он нагнулся вперед, пожал мою руку и сердечно поздравил меня с успехом.

59

Он пожал мою руку и сердечно поздравил меня с успехом

— Всякие сомнения тут излишни, — сказал он. — Но вы, конечно, позволите мне принять необходимые меры предосторожности. — При этом он запустил обе руки мне в волосы и дернул их так, что я вскрикнул от боли.

— У вас на глазах выступили слезы, — сказал он. — Этого доказательства достаточно. Мы должны быть осторожными; уже дважды нас пытались

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

обмануть. Один раз с помощью парика, в другой раз волосы были окрашены. Я мог бы вам рассказать о таких коварных уловках, что вам стало бы стыдно за человечество. — Он подошел к окну и крикнул изо всех сил стоявшим на улице людям, что освободившееся место уже занято. До нас до несся стон разочарования, толпа стала расходиться в разные стороны, и вскоре кроме меня и управляющего конторой в округе не осталось ни одного рыжего.

— Меня зовут Дункан Росс, — сказал он,— и я сам пользуюсь капиталом, оставленным нам нашим благородным благотворителем. Вы женаты, мистер Вилсон? У вас есть семья?

Я ответил, что у меня никого нет, после чего лицо его приняло задумчивый вид.

— Ах, — сказал он с сожалением, — это досадно! Жаль, очень жаль! Видите ли, капитал этот должен служить не только для поддержки рыжеволосых, но и на увеличение их количества. Это большой минус, что вы холосты.

При этих словах мое лицо, мистер Холмс, вытянулось, ибо я испугался, что в конце концов все-таки не получу место. Однако мистер Росс подумал еще немного, а затем решил, что этот вопрос кое-как уладится.

— Если бы дело шло о ком-нибудь другом, — сказал он,— то это обстоятельство, несомненно, стало бы препятствием, но к человеку с такими волосами можно и не предъявлять столь строгих требований.

Когда вы можете приступить к исполнению своих новых обязанностей?

— Видите ли, это не так просто, поскольку у меня ведь есть свое дело.

— Пусть это вас не беспокоит, мистер Вилсон, — сказал Спולדинг, — я смогу вас заменить.

— В какие часы я буду занят? — спросил я.

— От десяти до двух.

— Мое дело в ссудной кассе идет наиболее бойко по вечерам, мистер Холмс, в особенности по четвергам и пятницам накануне получек, поэтому мне была приятна мысль, что я смогу зарабатывать кое-что и в утренние часы. Кроме того, я мог вполне положиться на своего помощника. Прикинув все это, я сказал, что время мне подходит, а после спросил по поводу вознаграждения.

— Вы будете получать четыре фунта в неделю.

— В чем же состоят мои обязанности?

— О, это сущие пустяки.

— Что вы называете «сущими пустяками»?

— Вы должны все указанное время проводить в конторе или, во всяком случае, в этом доме. Если вы его оставите, то рискуете потерять место. Относительно этого пункта имеются вполне определенные инструкции.

— Это ведь всего четыре часа в день, мне и в голову не придет куда-либо отлучаться!

— Никакие извинения не принимаются, — продолжал Дункан Росс, — будь то болезнь, дела или что-либо иное. Вы должны оставаться на своем месте, иначе вы потеряете это место.

— А в чем все-таки состоит работа?

— Вы начнете переписывать «Британскую Энциклопедию». Вот здесь в шкафу вы найдете первый том. О чернилах, перьях и бумаге вы должны позаботиться сами, мы предоставляем лишь стол и стул. Можете ли вы начать завтра?

— Конечно, — ответил я.

— Тогда до свидания, мистер Вилсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с местом, которое вы получили благодаря счастливой судьбе, наделившей вас такими чудесными рыжими волосами. — Затем он проводил меня с поклонами до двери. Я отправился домой с моим помощником и не знал, что думать и говорить, так велика была моя радость по поводу моей счастливой судьбы.

Целый день я размышлял об этой истории, а вечером меня снова взяло сомнение, не сделался ли я, в конце концов, жертвой злой шутки или какого-нибудь обмана, хотя цели его я не мог себе объяснить. Мне казалось почти невероятным, чтобы кто-нибудь мог оставить такое странное завещание, и чтобы за такую простую работу, как переписка энциклопедии, платили такое большое жалованье. Спולדинг старался, сколько мог, меня подбодрить, но все-таки я лег спать, по-прежнему обуреваемый сомнениями. На другое утро я, тем не менее, решил еще раз заглянуть в контору. Я купил себе баночку чернил, гусиное перо, бумагу и направился на Флит-стрит. К моему удивлению и радости, я нашел там все в полном порядке. Стол был приготовлен, и Дункан Росс был

на своем месте, чтобы подготовить меня к работе. Он попросил меня начать с буквы А и удалился, обещая время от времени навещать меня. В два часа дня он меня отпустил, похвалив мое усердие, и запер за мной дверь.

Так проходил день за днем, мистер Холмс, а в субботу мистер Росс вручил мне мой недельный заработок в виде четырех золотых. Через неделю повторилось то же самое, и через две недели опять то же. Каждый день в десять часов утра я был на своем посту и уходил в два часа. Мало-помалу Росс стал навещать меня все реже и реже. Сперва он являлся в контору раз в день по утрам, а затем и вовсе перестал там показываться. Тем не менее, я не решался оставить комнату ни на минуту, поскольку никогда не был уверен, появится он или нет. Служба была настолько необременительной и так нравилась мне, что я не хотел рисковать. Так прошло восемь недель. Я успел уже переписать статьи от Аббатах, об Артиллерии и добрался до статьи «Аттика», надеясь скоро начать букву Б. Я истратил целую груду бумаги, и моя работа стала уже походить на ремесло. Но вдруг моя служба внезапно закончилась.

— Закончилась?

— Да, мистер Холмс. Случилось это сегодня утром. Я пришел по обыкновению в десять часов на работу, но дверь оказалась запертой. Посередине на ней была приkleена записка. Вот она, прочтите, пожалуйста, сами. — При этом он вынул кусок картона величиной с небольшой почтовый лист; на нем было

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

написано: «*Союз рыжих распущен 9 октября 1890 года*».

Мы смотрели с Холмсом то на это краткое извещение, то на печальное лицо лавочника, и вдруг эта история показалась нам столь комичной, что мы, забыв о деловой ее стороне, разразились смехом.

— Я не нахожу в этом ровно ничего смешного, — воскликнул наш клиент, покраснев до корней своих огненных волос.— Если вы не можете придумать ничего лучшего, как высмеивать меня, то я обращусь к кому-нибудь другому.

Посередине на двери была приклеена записка

— Нет, нет! — воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло, с которого он уже почти поднялся. — Ни за какие деньги я не уступлю вашего дела другому. Такая необыкновенная история — это бальзам для моей души, но, простите бога ради, в ней все-таки много комичного. Скажите, пожалуйста, что вы предприняли, найдя записку на двери?

— Я был так озадачен, мистер Холмс, что не знал, как быть. Я по-

СОЮЗ РЫЖИХ

спрашивал в соседних конторах, но никто ничего не знал. Наконец, я пошел к домовладельцу, бухгалтеру по профессии, живущему на первом этаже, и спрашивался у него, что стало с Союзом рыжих. Он объяснил мне, что никогда не слышал о таком обществе. Тогда я спросил его, кто такой Дункан Росс, но и это имя было ему незнакомо.

— Я говорю о мистере из квартиры номер семь.
— Об этом рыжем?
— Да.

— Его зовут Вильям Моррис. Он адвокат и пользовался моей комнатой временно, пока в его собственной конторе шел ремонт. Вчера он в нее переехал.

— И где же я могу его найти?
— Вероятно, в его новой конторе. Он дал мне адрес: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора Святого Павла.

Я немедленно направился туда, но в этом доме оказалась протезная мастерская, в которой ни одна душа не слышала ни о Вильяме Моррисе, ни о Дункане Россе.

— Что вы сделали затем? — спросил Холмс.

— Я отправился домой и поговорил с моим приказчиком, но тот ничем не смог мне помочь. Он высказал только мнение, что если я подожду, то наверняка получу какое-нибудь разъяснение по почте. Однако это меня не удовлетворило, мистер Холмс. Я не хотел вдруг, ни с того с ни сего, потерять такое хорошее место, а поскольку я слышал, что вы нередко дае-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

те бедным людям советы в критических случаях, то я и направился прямо к вам.

— Это вы отлично сделали. Я с величайшим удовольствием возьмусь за разгадку вашей поистине удивительной истории. На основе вашего рассказа я прихожу к заключению, что это дело может иметь гораздо более серьезные последствия, чем это кажется на первый взгляд.

— Конечно серьезные! — вздохнул Вилсон. — Ведь я потерял четыре фунта в неделю!

— Что касается лично вас, — заметил Холмс, — то у вас как раз нет особых оснований быть недовольным этим странным Союзом. Если я не ошибаюсь, то вы стали богаче на тридцать фунтов стерлингов, не говоря уже о тех познаниях, которые вы приобрели обо всем, что начинается на букву А. Следовательно, в сущности, вы не потерпели никаких убытков.

— Не спорю, мистер Холмс. Однако я хочу знать, кто были эти люди, и для чего они сыграли со мной такую шутку, если только это была шутка. Им она обошлась довольно дорого, ведь они раскошелились на тридцать два фунта.

— Мы постараемся для вас это выяснить. Но сначала позвольте задать вам еще несколько вопросов, мистер Вилсон. Как долго служит у вас этот приказчик, обративший ваше внимание на объявление?

— Приблизительно месяц.

— Каким образом он попал к вам?

— По объявлению в газете.

— Кроме него никто не пришел?

— Отчего же? Поступило около десяти предложений.

— Почему же вы выбрали именно его?

— Потому что он показался мне расторопным и согласился работать на выгодных для меня условиях.

— За половинное жалованье, не так ли?

— Да.

— Как выглядит этот Винсент Сполдинг?

— Он небольшого роста, коренастый, очень ловок, с гладким лицом, без бороды, хотя на вид ему уже около тридцати. На лбу у него белый шрам.

Холмс выпрямился в кресле. Он явно был взволнован.

— Так я и думал, — сказал он. — А вы не заметили случайно, уши у него проколоты?

— Да, и он объяснил мне, что уши ему проколола в детстве какая-то цыганка.

— Гм!.. — промолвил Холмс, погрузившись в глубокое раздумье. — А он до сих пор у вас?

— Да, я только что с ним расстался.

— Как шли ваши дела в лавке во время вашего отсутствия?

— Не могу пожаловаться, хотя по утрам в ссудной кассе мало работы.

— Благодарю вас, мистер Вилсон. Надеюсь на днях сообщить вам свое мнение об этом деле. Сегодня суббота, быть может, к понедельнику мы добьемся какого-нибудь результата.

— Ну, Ватсон, что вы думаете об этой истории? — спросил Холмс, когда Вилсон ушел.

— Ровно ничего, — откровенно сознался я. — Это очень темная история.

— Общее правило такое, — ответил Холмс. — Чем удивительнее случай, тем, большей частью, яснее дело. Труднее всего раскрывать самые обыденные, заурядные преступления, их расследования похожи на поиск в толпе лица без особых примет. А с этим делом надо, однако, поспешить.

— Что же вы намерены предпринять? — спросил я.

— Прежде всего, надо покурить, — ответил Холмс. — Это дело требует трех полных трубок, и я прошу вас не говорить со мной в течение пятидесяти минут.

Он взобрался с ногами на кресло, подтянул колени почти до своего ястребиного носа и закрыл глаза. Его черная глиняная трубка торчала в воздухе подобно клюву какой-то фантастической птицы. Мне уже подумалось, что Холмс уснул, я и сам уже начал немного дремать, как вдруг он вскочил, как человек, пришедший к определенному решению, и положил свою трубку на камин.

СОЮЗ РЫЖИХ

— Сегодня в Сент-Джеймс-холле зале концерт Сарасате¹, — заметил он. — Как вы думаете, Ватсон? У вас найдется пара свободных часов?

— Сегодня у меня нет срочных дел. Моя практика не отнимает у меня много времени.

— В таком случае берите шляпу и пойдемте. Сперва мы пройдемся по Сити и перекусим по дороге. Как я вижу, программа обещает много немецкой музыки, которая мне приятнее, чем французская и итальянская. Она глубже, а это как раз мне теперь и нужно. Итак, идемте, дружище!

Мы доехали на метро до Ольдерсгейта, откуда совершили небольшую прогулку до Секс-Кобург-сквер, места действия удивительного происшествия, о котором мы узнали этим утром. Это была небольшая, мрачная площадь, видавшая когда-то лучшие дни. Со всех четырех сторон ее окружали темные двухэтажные дома, а посредине находился обнесенный оградой крохотный сквер, на котором несколько лавровых кустов влажными жалкое существование в борьбе с дымным туманным воздухом. Три позолоченных шара и коричневая вывеска с белой надписью «Джабез Вилсон» на одном из угловых домов указали нам место, где торговал наш рыжий клиент. Шерлок Холмс остановился перед домом и осмотрел его сверху донизу живым испытующим взором. Затем он медленно прошелся вдоль улицы и вернулся, тщательно осматривая все дома. Наконец он оста-

¹ Сарасате (1844–1908) — известный испанский скрипач и композитор.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

новился у лавки Вилсона, несколько раз сильно ударили своей тростью по мостовой и постучался затем в дверь. Через пару секунд показался расторопный гладко выбритый молодой человек, который попросил Холмса войти.

— Нет, благодарю вас! — сказал Холмс, — я хотел только спросить, как попасть отсюда на набережную.

— Третья улица направо, затем четвертая налево, — быстро ответил приказчик, закрывая дверь.

— Ловкий парень, — заметил Холмс, когда мы отошли. — В Лондоне немногих таких продувных бестий как он, а что касается смелости и дерзости, то вряд ли кто-нибудь может с ним соперничать. Я уже слышал о нем раньше.

— Очевидно, — заметил я, — этот приказчик мистера Вилсона играет не последнюю роль в тайне Союза рыжих. Вы, конечно, спрашивали о набережной, чтобы взглянуть на него?

— Не на него!

— А на что же?

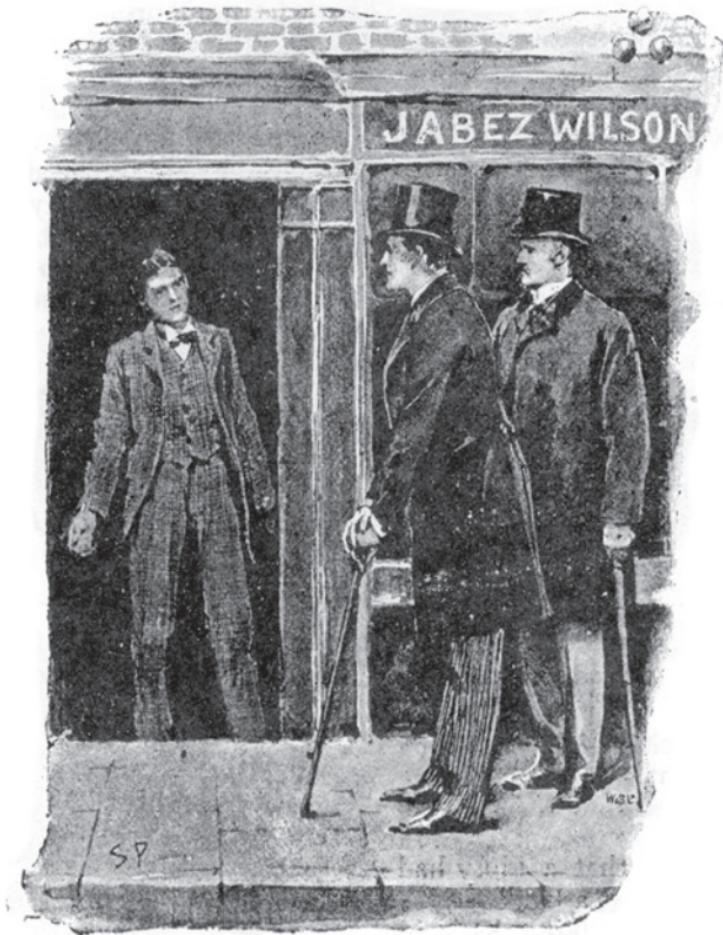
— На его колени

— И что же вы увидели?

— То, что и ожидал.

— А для чего вы стучали палкой по мостовой?

— Мой милый доктор, теперь не время для болтовни. Нам нужно наблюдать. Мы шпионы в неприятельском лагере. Мы уже более или менее познакомились с Секс-Кобург-сквер. Теперь нам надо изучить улицы, примыкающие к нему с другой стороны.

Через пару секунд показался рассторопный гладко выбритый молодой человек

Когда мы завернули за угол пустынной площади, нашему взору открылась совершенно другая картина. Мы очутились на одной из главных артерий тор-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

говой части города. По улице тянулся двойной ряд экипажей и дрожек, а на тротуарах кишила человеческая толпа.

— Подождите немного, — сказал Холмс, останавливаясь на углу и глядя вдоль улицы на дома. — Я хочу запомнить все здания по порядку. Изучение каждого уголка в Лондоне — это мой конек. Итак: сначала табачный магазин Мортимера, затем маленькая газетная лавочка, потом отделение банка Сити и предместий, вегетарианский ресторан и каретная Макферленса. А дальше уже начинается другой квартал. Теперь мы готовы, Ватсон, пора отдохнуть. Выпьем чашку кофе с бутербродом, а затем умчимся в царство звуков, где все так мягко, нежно и гармонично, и где нет рыжих клиентов, которые морочат нам голову своими загадочными историями.

Мой друг был страстным поклонником музыки; он сам отлично играл, а его собственные сочинения были гораздо выше обычных музыкальных пьес. В полном восторге просидел он целый вечер на своем месте, двигая в такт своими длинными узкими пальцами. И никто не мог бы сказать, что это приятно улыбающееся лицо, эти томные мечтательные глаза принадлежат Шерлоку Холмсу, неутомимому, хитрому и всегда готовому к расследованиям сыщику. В этой удивительной натуре попеременно проявлялись два совершенно различных характера. Часто я задавал себе вопрос — не находит ли его проницательность и его необыкновенная находчивость естественного выражения в созерцательном, в поэтиче-

ском настроении, которое временами овладевает всем его существом. Благодаря удивительной гибкости своей натуры, он был способен быстро перейти от полнейшей апатии в состояние бурной деятельности, и я отлично знал, что никогда он не бывал так полон неукротимой энергии, как после лежания целыми днями в кресле и наигрывания своих импровизаций или углубленного копания в старинных манускриптах. После этого им овладевала страсть к погоне за преступниками, и казалось, что его блестящие выводы являлись результатом вдохновения свыше. И кто не знал его натуры и его образа действий, поневоле должен был смотреть на него с трепетным изумлением, как на человека, которому известно и доступно то, что составляет тайну для простых смертных.

Когда я посмотрел на Холмса, совершенно поглощенного музыкой, я понимал, что людям, на которых он открыл охоту, несдобровать.

Целый вечер он просидел на своем месте, двигая в такт своим длинными узкими пальцами

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Вы, друг мой, вероятно, отправитесь домой, — сказал Холмс, когда мы выходили из концертного зала.

— Да, думаю.

— А у меня есть еще дело, которое займет у меня несколько часов. История в Кобург-сквер серьезнее, чем вы думаете.

— Почему?

— Там готовится крупное преступление. Впрочем, я имею основание предполагать, что мы успеем своевременно его предупредить. Дело несколько осложняется тем, что сегодня суббота. Вечером мне потребуется ваша помощь.

— В котором часу?

— К десяти, не раньше.

— Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

— Отлично. Не забудьте, пожалуйста, захватить с собой револьвер, дело может быть небезопасным. — С этими словами Холмс поклонился, повернулся и тотчас же исчез в толпе.

Не думаю, чтобы я был глупее других людей, но всегда, когда я общаюсь с Шерлоком Холмсом, меня всегда начинает угнетать сознание собственной тупости. И на сей раз я слышал и видел то же, что и он, а между тем его слова ясно показывали, что он не только отчетливо разобрался во всем, что произошло, но также знает, что свершится в ближайшем будущем. Между тем для меня дело оставалось по-прежнему запутанным и загадочным. Вернувшись домой, я еще раз восстановил в своей памяти все обстоятельства

этого дела, начиная с удивительной истории рыжего писца и кончая нашим посещением Секс-Кобург-сквер и многозначительными словами, сказанными мне на прощанье Холмсом. Для чего эта ночная экспедиция? Почему я должен быть вооружен? Куда мы отправимся, и что будем делать? Холмс между прочим, сказал мне, что гладко выбритый приказчик — ужасный человек, задумавший, быть может, какой-то отчаянный план. Я прикидывал и так и этак, но, в конце концов, отчаялся и решил ждать ночи, которая должна была мне все разъяснить.

В четверть десятого я вышел из дома и отправился через Гайд-парк и Оксфорд-стрит на Бейкер-стрит. У дверей стояли два кэба, а когда я вошел в прихожую, то услышал наверху голоса. Я застал Холмса оживленно беседующим с двумя господами; в одном из них я узнал полицейского агента Питера Джонсона, другой был длинный, тощий угрюмый мужчина в черном фраке и безукоризненном цилиндре.

— Ну, вот! Теперь мы в полном сборе! — сказал Холмс, застегивая свою удобную матросскую куртку и снимая со стены охотничий хлыст с массивной рукояткой. — Думаю, Ватсон, что с мистером Джонсоном из Скотленд-Ярда вы уже знакомы. Позвольте представить вас мистеру Мерриуотеру, который также примет участие в нашем ночном походе.

— Как видите, доктор, сегодня мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, — заметил Джонсон. — Ваш друг умеет выследить дичь. Ему нужна только опытная гончая, которая поможет ему во время охоты.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Надеюсь, мы будем преследовать добычу посерьезнее уток, — угрюмо заметил Мерриуотер.

— Вы можете вполне спокойно довериться мистеру Холмсу, — покровительственным тоном возразил полицейский агент. — У него свои особые приемы и методы, иногда, быть может, слишком отвлеченные и фантастические, не в обиду будь ему сказано, но они приносят отличные результаты. Нельзя отрицать, что он пару раз ближе подошел к истине, чем полиция, например, в деле об убийстве Шолто и сокровищах Агры.

— После таких заверений, мистер Джонсон, я спокоен, — сказал Мерриуотер. — Тем не менее, должен сознаться, что партия в роббер была бы для меня сегодня куда приятнее. Впервые за 27 лет я должен провести субботний вечер без обычной игры.

— Мне думается, — сказал Шерлок Холмс, — вы сами скоро убедитесь, что сегодня ставки более высокие, чем в ваших карточных играх. Кроме того, и игра сама по себе азартнее. Для вас, мистер Мерриуотер, речь идет о тридцати с лишним тысячах фунтов, а для вас, Джонсон, о субъекте, которого вы давно хотели схватить за шиворот.

— Да, этот Джон Клей — убийца, вор и фальшивомонетчик, — подхватил в тон Джонсон. — Он еще молод, но знает свое дело до тонкостей. Нет ни одного мошенника в Лондоне, мистер Мерриуотер, на которого я бы накинул наручники с большим наслаждением. Удивительный человек этот Джон Клей! Его дед был герцогом, а сам он учился в Итоне и Оксфор-

де. У него изощренный ум и ловкие руки; мы постоянно наталкиваемся на его следы, но его самого схватить с поличным никак не удается. Он может обворовать кого-нибудь в Шотландии, а через неделю уже будет собирать пожертвования на благотворительность в Корнуэлле. Я выслеживаю его вот уже несколько лет, но ему всегда удается проскользнуть между пальцами.

— Надеюсь, что я буду иметь удовольствие еще сегодня представить вам этого негодяя, — с уверенностью сказал Холмс. — Я тоже сталкивался пару раз с результатами деятельности Джона Клея, и я должен с вами согласиться — он знает свое дело. Однако, уже одиннадцатый час, надо торопиться. Будьте добры, садитесь в первый кэб, а мы с доктором поместимся во второй.

Мой друг был не слишком общителен во время долгой поездки; откинувшись на сиденье, он напевал мелодии, которые слышал недавно на концерте. Мы ехали по лабиринту ярко освещенных улиц и, наконец, достигли Фарингтон-стрит.

— Теперь мы совсем близко, — заметил Холмс. — Мерриуотер — директор банка; и он лично заинтересован в этом деле. Я счел полезным пригласить также Джонсона. Он славный малый и хотя не блещет в своем деле, но зато обладает одним несомненным качеством: он храбр, как бульдог, если вцепится в кого-нибудь, то уж челюстей не разомкнет. Вот мы и приехали.

Мы находились на той самой оживленной улице, где были сегодня утром. Расплатившись с кэбменами

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

и отпустив их, мы проследовали за Мерриуотером. Пройдя за ним узким коридором, мы вошли в боковую дверь, которую он отпер. За ней находился новый коридор, который оканчивался тяжелой железной дверью. Мерриуотер также ее открыл, и мы стали спускаться по витой каменной лестнице до новой крепкой двери. Затем он остановился, чтобы зажечь фонарь. Потом он повел нас вниз через темный, сырой ход, отпер третью дверь, через которую мы вошли в обширный подвал, заставленный большими корзинами и тяжелыми ящиками.

— Сверху вы хорошо защищены, — заметил Холмс, поднимая фонарь и осматриваясь по сторонам.

— Да и снизу не хуже, — сказал директор, стуча своей тростью по каменным плитам пола. — Боже мой, что это? Звук такой, как будто внутри пустота!

— Должен вас попросить вести себя спокойнее и не шуметь, — строго заметил Холмс. Вы чуть не испортили все наше предприятие. Будьте добры, присядьте на один из этих ящиков и не мешайте!

Статный директор сел с очень недовольным видом на корзину, в то время как Холмс опустился на колени и начал, с помощью фонаря и увеличительного стекла, осматривать щели между плитами. Через несколько секунд он вскочил и спрятал стекло в карман.

— У нас есть еще, по крайней мере, час времени, — заметил он, — вряд ли они рискнут что-нибудь начать, пока наш рыжий лавочник не уснет крепким

сном, Тогда они не станут терять ни минуты, ведь чем раньше они начнут свою работу, тем больше у них будет времени для бегства с добычей. Как вы, сами, конечно, поняли, Ватсон, мы находимся в подвале отделения одного из главных банков Лондона. Мистер Мерриуотер является председателем правления этого банка, и он охотно объяснит вам, почему самые дерзкие воры Лондона теперь интересуются этим подвалом.

— Здесь наше французское золото, — прошептал директор. — Нас неоднократно предупреждали о возможности ограбления.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад мы получили распоряжение увеличить нашу наличность и с этой целью взяли у банка Франции заем в тридцать тысяч наполеондоров. Вскоре стало известно, что нам не нужно пускать эти средства в оборот, поэтому они по-прежнему хранятся в нашем подвале. Корзина, на которой я сижу,

Здесь наше французское золото

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

содержит две тысячи золотых монет, проложенных листами свинцовой бумаги. Наш денежный запас в звонкой монете в настоящее время является гораздо большим, чем это обыкновенно бывает в отделениях банка, и наше правление в связи с этим испытывает некоторое беспокойство.

— Что вполне понятно, — заметил Холмс. — Однако, нам пора приготовиться. Думаю, что развязка этого дела произойдет в течение следующего часа. До этого, мистер Мерриуотер, мы должны прикрыть этот потайной фонарь чем-нибудь темным.

— И сидеть в темноте?

— К сожалению, да! Я думал было сыграть партию в ваш любимый роббер, благо нас четверо, я даже захватил с собой карты. Однако, к сожалению, я вижу, что приготовления неприятеля настолько успешны, что оставлять тут свет было бы рискованно. Помните, что мы имеем дело с отчаянными головорезами, и, несмотря на то, что позиция для них невыгодная, они все-таки могут быть для нас опасными в случае нашей оплошности. Я встану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за той. Когда я направлю свет на врага, моментально кидайтесь на них. В случае чего, Ватсон, стреляйте, не испытывая угрызений совести, что пуля попадет в кого-нибудь из этих молодчиков.

Я положил револьвер со взвешенным курком на ящик и присел за ним. Холмс прикрыл фонарь, и все погрузилось в кромешную тьму. Лишь запах раскаленного металла от потайного фонаря доказывал, что мы сможем осветить помещение в надлежащий

момент. Мои нервы были напряжены от томительно-го ожидания. От темноты и холодного сырого воздуха подвального помещения мне стало даже немного жутковато.

— У мошенников только один выход, — прошептал Холмс, — а именно обратно через дом в Кобургсквер. Надеюсь, Джонсон, вы сделали то, о чем я вас просил.

— Конечно. Я поставил инспектора и двух полицейских у главного входа.

— Значит, все дыры заткнуты, и нам остается лишь молчать и ждать.

Мне казалось, что прошла целая вечность! Позже выяснилось, что мы ждали всего час с четвертью, а между тем было ощущение, что ночь уже прошла, и на дворе светает. Мои ноги уставшие затекли, но я не смел шевельнуться. Мои нервы напрягались до такой степени, а слух стал до того тонким, что я не только слышал спокойное дыхание Холмса, но и мог различить глубокие медленные вздохи Джонсона от тихого посапывания директора. И вдруг я заметил маленький лучик света между плитами на полу. Сперва это было слабое сияние в щели, затем оно превратилось в желтую полоску света, и вот, без малейшего звука или признака чьего-нибудь присутствия, в полу открылась щель. Засим появилась нежная, белая, словно женская рука, которая нашупывала что-то в центре светлого круга. Несколько мгновений рука эта с движавшимися пальцами выглядывала из отверстия. Вдруг она исчезла так же внезапно, как появилась, и

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

снова воцарилась тьма. На щель между плитами указывало лишь слабое сияние света. Несколько секунд было совершенно тихо. Вдруг одна из плит с глухим стуком поднялась и опрокинулась, а в зияющее отверстие хлынул сноп света от фонаря. Показался человек с резко очерченными юношескими чертами лица.

Он пристально осмотрелся вокруг, а затем, упервшись руками в края отверстия, проник в подвал. Он быстро вскочил на ноги и втащил своего товарища — такого же небольшого и худого человека, как и он сам, с бледным лицом и ярко рыжими волосами.

— Все в порядке, — шепнул первый грабитель. — Долото и мешки у тебя? Черт! Беги, Арчи, беги! Я их задержу!

Одним прыжком Шерлок Холмс очутился рядом с преступником и схватил его за шиворот. Второй нырнул в отверстие, послышался треск рвущейся материи, и в руках Джонсона остался кусок одежды. Луч света осветил в этот момент блестящий ствол револьвера, но Холмс ударил хлыстом по руке своего пленника, и его оружие со звоном покатилось по полу.

— Вам уже ничего не поможет, Джон Клей, — сказал с улыбкой Холмс, — вы попались!

— Вижу, — возразил тот вполне спокойно. — Но, как мне кажется, моему товарищу удалось, хотя, как я замечаю, он и оставил кое-что в ваших руках.

— Трое полицейских ждут его у ворот.

— В самом деле? Вы, кажется, ловко обделали свое дело! Должен вас поздравить!

Шерлок Холмс схватил его за шиворот

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— А я вас, — ответил Холмс. — Ваша выдумка с рыжими была оригинальна и поучительна.

— Вы скоро снова увидитесь со своим подельником, — заметил Джонсон, — хотя он ловчее меня ныряет в отверстия. А теперь я надену на вас наручники.

— Не прикасайтесь ко мне своими грязными лапами, — резко ответил наш пленник, когда наручники защелкнулись на его запястьях. — Быть может, вам неизвестно, что в моих жилах течет благородная кровь. Пожалуйста, называйте меня «сэр» и говорите мне «прошу вас».

— Отлично, — сказал, усмехнувшись, Джонсон. — В таком случае покорнейше прошу вас, сэр, пожаловать со мной наверх, где кэб доставит вашу светлость в полицию!

— Так-то лучше, — удовлетворенно заметил Джон Клей. Он вежливо поклонился нам и спокойно вышел в сопровождении сыщика.

— Мистер Холмс, — обратился к моему другу директор, когда мы вышли из подвала, — я право не знаю, чем банк может отблагодарить вас. Вы удивительнейшим образом помешали исполнению самого дерзкого покушения, которое когда-либо задумывалось для ограбления банка!

— У меня старые счеты с Джоном Клеем, — возразил Холмс. — Надеюсь, впрочем, что некоторые мелкие расходы, понесенные мною в этом деле, банк возместить не откажется. Что же касается вознаграждения, то я вполне удовлетворен полученным опы-

СОЮЗ РЫЖИХ

том, ибо случай этот уникальный, а также удовольствием, с которым мне довелось выслушать восхитительную историю о Союзе рыжих.

— Видите ли, Ватсон, — сказал на другой день Холмс, когда мы сидели утром в его квартире на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, — с первой минуты для меня было совершенно ясно, что вся эта курьезная история с Союзом рыжих и с перепиской энциклопедии могла иметь лишь одну цель, а именно — удалять не слишком сообразительного торговца ежедневно на несколько часов из дома. Для этого был придуман несколько странный прием, однако другой, более простой, найти было непросто. Несомненно, находчивый ум Джона Клея натолкнулся на эту идею благодаря рыжим волосам своего подельника. Вознаграждение в четыре фунта в неделю было отличной приманкой, а для тех, кто нацелился на десятки тысяч, эти деньги ничего не значили. И вот они печатают объявление, один мошенник открывает контору, а другой уговаривает торговца добиваться места в Союзе рыжих. При этом оба заботятся только о том, чтобы он каждое утро уходил из дома. Как только я узнал, что приказчик работает за половинное жалование, для меня не было сомнений, что у него были серьезные причины закрепить это место за собой.

— Но как вы разгадали их замыслы?

— Будь в доме женщины, я предположил бы обычную интригу, но в данном случае это было исключено. В доме Вилсона вообще не было ничего такого, ради чего стоило бы затевать такую сложную

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

игру. Следовательно, дело шло о чем-то, находящемся вне дома. Но о чем же именно? Я вспомнил о страсти Спולדинга к фотографии и о его привычке исчезать в подвале. Подвал! Вот где крылась разгадка. Я расспросил об этом таинственном приказчике, и мне тотчас же стало ясно, что мы имеем дело с самым отважным и хитрым преступником Лондона. Этот человек что-то делал в подвале Вилсона и нечто такое, что требовало ежедневной работы в течение месяцев. Что бы это могло быть? Несомненно, это должен быть подземный ход в другое здание.

В этом я убедился после посещения сквера. Вы были удивлены, когда я постучал палкой по мостовой. А я хотел выяснить, в каком направлении идет подкоп, и убедился, что не к площади. Тогда я позвонил и увидел, как и надеялся, приказчика Вилсона. Хотя у нас с ним уже были кое-какие дела, но мы еще ни разу не видели друг друга. Я едва взглянул на него, меня интересовали только его штаны на коленях, а они были грязными, потертymi и ясно говорили о продолжительных земляных работах. Теперь оставалось только узнать, куда шел подкоп. Подойдя к углу площади, я заметил, что дом нашего клиента примыкает к зданию банка. Тогда тайна и была разгадана. Когда вы отправился после концерта домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а затем разыскал директора банка. Результат вам известен.

— Но на каком основании вы предположили, что они постараются совершить свое ограбление именно в ту ночь?

— Видите ли, закрытие конторы показывало, что они уже не боялись присутствия Вилсона в доме; следовательно, их туннель был готов. У грабителей были все основания воспользоваться им как можно скорее, поскольку их план мог быть раскрыт, а ценности могли увезти. Суббота была наиболее подходящим днем, поскольку давала им лишнее время для бегства. Поэтому я и ожидал их именно в ту ночь.

— Великолепно, Холмс, — воскликнул я в порыве неподдельного восторга. — Цепь получилась длинная, тем не менее, в ней связано каждое звено!

Этот случай спас меня от удручающей скуки, — ответил Холмс, зевая. — Хотя я чувствую, что она снова начинает меня одолевать. Вся моя жизнь лишь попытка спастись от тоскливо-одинакового однообразия серых будней, и маленькие загадки, которые доводятся мне временами решать, помогают мне в этом.

— И вместе с тем вы становитесь благодетелем человечества, — добавил я.

Холмс пожал плечами.

— Ну, что ж, пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу, — заметил Холмс. «*L'homme c'est rien — l'oeuvre c'est tout*»¹, как писал Густав Флобер к Жорж Санд.

¹ «Человек — ничто, дело — все» (*фр.*)

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Мой дорогой друг, — сказал Шерлок Холмс, сидя как-то со мной у камина на Бейкерстрит, — жизнь приносит гораздо более замечательного, чем все, что может придумать человеческий разум. Если бы мы могли вылететь с вами рука об руку из этого окна, помчаться над громадным городом и приподнять крыши домов, чтобы посмотреть, что там делается, то изумились бы всем тем планам, странным случаям и сцеплению обстоятельств, которые возникают из поколения в поколение и приводят к удивительным результатам. Какой угодно вымысел с его устарелыми формами и легко предугадываемым исходом показался бы нам тогда пустым и скучным.

— Не вполне убежден в этом, — возразил я. — Случаи, о которых сообщают газеты, большей частью сухи и довольно обыденны. В наших полицейских отчетах натурализм доведен до высших пределов, и, тем не менее, они, надо сознаться, не производят ни захватывающего, ни поражающего впечатления.

— Для достижения подлинно реалистичного эффекта, — заметил Холмс, — необходим тщательный подбор фактов и осмотрительность. А этого-то и не хватает в полицейских протоколах, в которых уделяется больше внимания поверхностным описаниям, чем интересным побочным обстоятельствам. А между тем в них опытный наблюдатель и может ус-

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

мотреть мотивы, вызвавшие преступление. Поверьте мне, нет ничего более неестественного, чем повседневность.

Я с недоверием усмехнулся.

— Меня не удивляет, — сказал я, — что так думаете именно вы, поскольку в качестве выдающегося консультанта, а также помощника и советника всех людей, находящихся в затруднительном положении в любых концах света, вы постоянно сталкиваетесь с необыкновенным и загадочным. Позвольте, — попросил я, поднимая с полу газету, — доказать мое мнение на практике. Я читаю первый попавшийся мне на глаза заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». История эта занимает полстолбца, но я могу рассказать ее, не читая. Здесь, безусловно, замешана другая женщина. Драма развивается следующим образом: пьянство, грубое обращение, побои, синяки, появление сердобольной сестры или квартирной хозяйки. Самый заурядный писатель не мог бы выдумать ничего более шаблонного.

— Вы ошиблись, дорогой Ватсон. Этот пример совершенно не подходит, — заметил Холмс, пробежав глазами статью. — Речь идет о разводе Дандеса, и мне случайно пришлось выяснить кое-какие обстоятельства этого дела. Муж является деятельным членом общества борьбы с алкоголизмом, он совершенно не пьет, и никакая другая женщина здесь не замешана. Обвиняется же он в том, что взял себе за правило всякий раз после еды вынимать свой зубной протез и швырять им в голову жены — фантазия, ко-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

торая, согласитесь, не так легко может прийти в голову и лучшему романисту. Возьмите-ка щепотку табака, доктор, и сознайтесь, что пример ваш неудачен.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Эта роскошная вещь составляла такой разительный контраст с остальной обстановкой квартиры и скромным образом жизни Холмса, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

— Ах да, — сказал он, — я и забыл, что мы не виделись с вами уже несколько недель. Я получил недавно подарок из Богемии за наше участие в деле Ирен Адлер.

— А это кольцо? — спросил я, глядя на великолепный бриллиант, сверкавший на его пальце.

— Его я получил от одного члена голландского королевского дома. Дело, которое мне поручили, было настолько щекотливым и деликатным, что я не мог доверить его даже вам, и в особенности потому, что вы были столь любезны описать и опубликовать несколько моих приключений.

— А нынче есть у вас какие-нибудь дела? — спросил я с любопытством.

— Да, штук десять-двенадцать, но нет ни одного интересного, хотя есть довольно важные. Тем не менее, незначительные дела предоставляют большей частью широкое поле для наблюдений и для быстрого обоснования причин и следствий, а это и является для меня главной приманкой в расследованиях. Крупные преступления в большинстве случаев

просты, ибо чем крупнее преступление, тем по теории вероятностей яснее его мотивы. Среди моих текущих дел нет ни одного выдающегося, за исключением разве что одной темной истории, которая приключилась в Марселе. Впрочем, быть может, через несколько минут мы получим что-нибудь поинтереснее. Если я не ошибаюсь, ко мне направляется новая клиентка.

Холмс поднялся со стула. Он стоял у окна и смотрел на мрачную, тусклую улицу. Заглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне высокую даму с тяжелым боа на шее и большим красным пером на кокетливо сдвинутой на сторону шляпе с широкими полями. Она беспокойно и нерешительно посмотрела наверх на наши окна; по-видимому, она колебалась: двинутся ли ей вперед или вернуться обратно. Ее пальцы нервно теребили пуговки перчаток. Вдруг она, подобно пловцу, внезапно бросившемуся в воду, поспешно перебежала через мостовую, и вслед за этим внизу раздался резкий звонок.

— Такие симптомы мне уж случалось наблюдать, — сказал Холмс, бросая окурок сигары в огонь. — Нерешительность у входной двери всегда указывает на любовную историю. Она пришла за советом, но еще колеблется, не слишком ли щекотливое у нее дело, чтобы доверить его третьему лицу. Однако, и тут бывают варианты. Если мужчина нанес женщине серьезное оскорбление, она действует решительно и дергает звонок так, что иногда отрывает его. Здесь мы также наверняка имеем сердечную

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

историю, но дама не возмущена, а скорее встревожена и огорчена. А вот и она. Сейчас наши сомнения рассеются.

В ту же минуту раздался стук в дверь; в комнату вошел мальчик в форменной курточке и доложил о приходе мисс Мери Сазерленд, которая появилась вслед за ним подобно кораблю с распущенными парусами, следующего позади маленького лоцманского катерка. Шерлок Холмс приветствовал нашу гостью с присущей ему вежливостью. Он закрыл двери и предложил ей кресло, осматривая ее пристальным и вместе с тем как будто рассеянным взглядом.

— Не находите ли вы, мисс, что при вашей близорукости утомительно так много печатать на машинке? — спросил он.

— Сначала, конечно, было очень трудно, — ответила она, — но теперь я знаю, где находятся буквы, и работаю слепым методом. — Но тут она, вдруг поняв значение его слов, вздрогнула от испуга. На ее широком добродушном лице появилось выражение удивления и страха. — Вы уже слышали обо мне, мистер Холмс! — воскликнула она, — как иначе вы могли это узнать?

— Успокойтесь, пожалуйста, — ответил с улыбкой Холмс. — Это особенности моей, профессии — видеть то, что скрыто от других. Если бы это было не так, вы бы не пришли просить моего совета.

— Я пришла к вам, мистер Холмс, потому что мне о вас рассказывала миссис Этеридж; вы так легко нашли ее мужа, в то время как полиция и все счи-

Шерлок Холмс приветствовал нашу гостью с присущей ему вежливостью

тали его умершим. Ах, мистер Холмс, если бы вы могли и мне так помочь! Я не богата, но все-таки имею сто фунтов стерлингов годового дохода, кроме того, я и сама зарабатываю, и все готова отдать, чтобы узнать, что стало с мистером Хосмером Эйнджелом.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Отчего это вы вдруг так спешили ко мне? — спросил Шерлок Холмс, сложив вместе, по привычке, концы пальцев рук и глядя в потолок,

Удивление и недоверие снова пробежало по пристоватому лицу девушки.

— Да, я буквально стрелой вылетела из дома, — сказала она, — так меня рассердило равнодушное отношение ко всей этой истории моего отца, мистера Уиндибенка. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, он вообще ничего не предпринимал и настаивал на том, что из этого ничего не выйдет. Конечно, в конце концов, я рассердилась, схватила шляпу и пальто и направилась прямо к вам.

— Вашего отчима, хотите вы сказать, ведь у вас разные фамилии.

— Да, мистер Уиндибенк мой отчим. Я зову его отцом, и это выходит несколько комично: ведь он всего на пять лет и два месяца старше меня.

— Ваша матушка жива?

— Да, моя мать жива и здорова. Я была не очень довольна, мистер Холмс, когда она так скоро после смерти моего отца снова вышла замуж и вдобавок еще за человека, на пятнадцать лет моложе ее. Мой отец был жестяных дел мастер в Тоттенхеме, и он оставил после своей кончины прибыльное дело, которое мать продолжала вести со старшим помощником Харди. Но когда появился мистер Уиндибенк, она вынуждена была продать паяльную мастерскую, ведь он был агентом по продаже вин, и считал, что находится на более высокой общественной ступени, что-

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

бы возиться с железом. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов стерлингов; хотя, будь отец жив, он продал бы гораздо дороже.

Я ожидал, что Холмс будет с нетерпением ожидать конца этого длинного и не относящегося к делу рассказа, но он следил за ним с величайшим вниманием.

— А ваш маленький капитал также возник в результате ликвидации дел отца? — спросил он.

— Нет, я получила его по завещанию от дяди Нэда из Окленда. Капитал состоит из новозеландских акций, приносящих четыре с половиной процента годовых. Все наследство равнялось двум тысячам пятистам фунтам, но я могу получать только проценты с этой суммы.

— Продолжайте, прошу вас, — сказал Холмс. — Вы получаете кругленькую сумму в сто фунтов ежегодно и еще у вас есть заработка, так что вы, вероятно, порой путешествуете и наслаждаетесь жизнью? Мне кажется, что одинокая дама может очень хорошо прожить на такие деньги.

— Я могла бы прожить и на гораздо меньшую сумму, мистер Холмс. Но вы, конечно, понимаете, что пока я живу дома, я не хочу быть в тягость родителям. Поэтому они пользуются моими деньгами. Разумеется, они могут это делать, пока я не уйду от них. Мистер Уиндибенк сам получает мои проценты каждые три месяца и передает деньги матери, я же прекрасно обхожусь и тем, что зарабатываю с помощью машинописи. Я получаю два пенса за страницу и успеваю в день перепечатать от пятнадцати до двадцати страниц.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Ну что же, вы вполне ясно описали мне свое положение, — сказал Холмс, — Этот мистер мой друг, доктор Ватсон; вы можете говорить при нем так же откровенно, как и при мне. Будьте любезны, расскажите, как вы познакомились с мистером Хосмером Эйнджелом.

Мисс Сазерленд покраснела и нервно задергала бахрому своей жакетки.

— Я встретилась с ним в первый раз на балу газопроводчиков. Общество это всегда посыпало нам билеты при жизни отца, и после его смерти также приглашало нас. Мистер Уиндибенк не хотел пускать нас на бал: он вообще не любит, когда мы где-нибудьываем. Он наверняка вышел бы из себя, если бы я отправилась за город на пикник с воскресной школой. Однако на этот раз я твердо решила непременно пойти на бал. Какое он, в сущности, имеет право мне это запрещать! Он говорит, что нечего общаться с подобными людьми, а между тем там собираются все друзья моего отца. Потом он выдумал, что мне нечего надеть, хотя у меня есть совершенно новое лиловое платье из бархата. Наверняка он придумал бы что-нибудь еще, но моему отчиму пришлось спешно уехать во Францию по делам фирмы, поэтому мы все-таки отправились на бал — мать, я и наш бывший служащий Харди. На балу я и встретила Хосмера Эйнджела.

— Вероятно, мистер Уиндибенк был очень недоволен, возвратившись из Франции?

— Представьте себе, он вовсе не рассердился.

Я встретилась с ним на балу газопроводчиков

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Я помню, он даже смеялся, пожимал плечами и говорил, что не стоит противоречить женщинам, поскольку они все равно сделают, как захотят.

— Ясно. Значит, Хосмера Эйнджела вы встретили на балу, не так ли?

— Да, мистер Холмс. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на другой день он нанес нам визит, чтобы осведомиться благополучно ли мы добрались домой. После этого мы, то есть я, встретились с ним два раза, мы прогуливались. А затем вернулся отец, и мистер Эйнджел больше не мог у нас бывать.

— Не мог? Почему?

— Видите ли, отец не любит таких посещений. Будь его воля, он вообще не принимал бы гостей; он утверждает, что женщины должны довольствоваться своим домашним кругом. И я это допускаю, и не раз уже говорила матери, что мне как раз недостает собственного семейного очага.

— Что же было дальше с мистером Эйнджелом? Он пытался снова увидеться с вами?

— Отец должен был через неделю снова уехать во Францию и поэтому Хосмер писал мне, что лучше мы до его отъезда не будем встречаться. Переписываться ведь мы могли свободно, и он писал мне ежедневно. Письма приходили утром, я забирала их из ящика, так что отец ничего об этом не знал.

— В это время вы были уже помолвлены с мистером Эйнджелом?

— Да, мистер Холмс, мы обручились после нашей первой прогулки. Хосмер... мистер Эйнджел

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

служит кассиром в одной конторе на Лендхол-стрит, и..

— В какой конторе?
— К сожалению, я этого не знаю.
— А где он жил?
— При конторе.
— Вы знаете ее адрес?
— Нет, я знаю только, что он жил на Лендхол-стрит.

— Куда же вы адресовали письма?
— В почтовое отделение на Лендхол-стрит, до востребования. Он не хотел, чтобы я присыпала письма в контору — боялся, сослуживцы будут над ним смеяться, что он получает письма от дамы. Я хотела отвечать ему так же, как он писал мне — на пишущей машинке, но он и слышать об этом не хотел. Говорил, что письма от руки ему гораздо приятнее, что они кажутся ему гораздо более искренними, между тем как при чтении напечатанного письма у него появляется чувство, будто между нами стоит машина. Отсюда вы можете заключить, как сильно он меня любил, и какое важное значение он придавал даже таким мелочам.

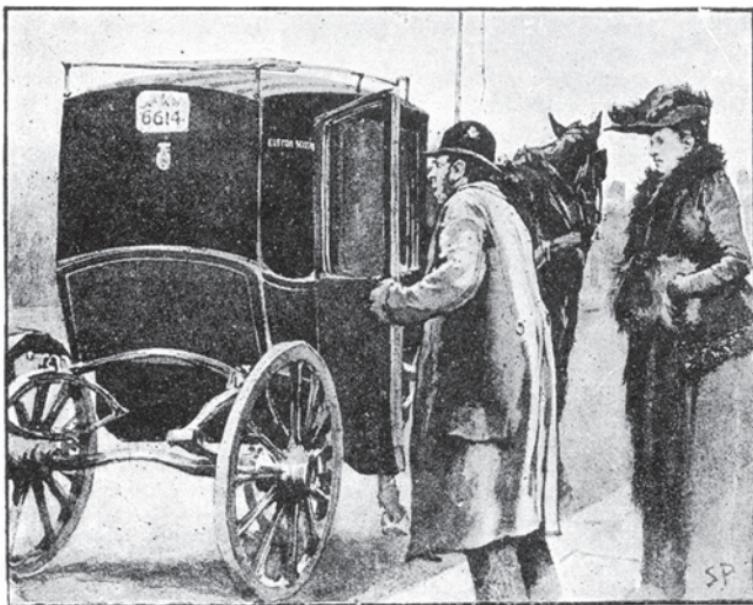
— Да, это очень важно, — заметил Холмс. — Я всегда придавал большое значение подобным мелочам. Они часто оказываются весьма существенными. Не можете ли вы припомнить еще каких-нибудь незначительных подробностей о мистере Хосмере Эйнджеле?

— Он был застенчив и больше любил гулять со

мной по вечерам, нежели днем, потому что терпеть не мог, чтобы на него смотрели. Он вел себя очень учтиво и сдержанно. Даже голос у него был тихий. Он рассказал мне, что страдал в детстве воспалением миндалевидных желез, и в результате у него ослабли голосовые связки. Он обращал большое внимание на свою внешность и всегда был одет просто, но изящно. У него были, как и у меня, слабые глаза, и для защиты от света он носил темные очки.

— Понятно. И что же произошло после того, как ваш отчим, мистер Уиндибенк, снова уехал во Францию?

— Тогда Хосмер начал снова приходить к нам и предложил мне обвенчаться до возвращения отца. Он относился к нашей любви очень серьезно, положил мои руки на Евангелие и заставил меня поклясться, что я останусь ему верна, что бы ни случилось. Мать сказала, что он имеет полное право требовать такой клятвы, и что это служит доказательством его страстной любви. Мать после первого же знакомства с ним была на его стороне и полюбила его чуть ли не больше моего. Однако когда они оба начали говорить о предстоящей свадьбе, я заметила, что следовало бы подождать отца. Но они объявили мне, что мы не должны о нем заботиться, что он может узнатъ о свадьбе и позже, и мать со своей стороны обещала все уладить. Мне это не особенно понравилось, мистер Холмс. Смешно было, конечно, спрашивать позволения моего отчима, который немного старше меня, но я не люблю делать тайн и потому написала

Когда кучер отворил дверцы, внутри было пусто!

ему в Бордо, на адрес французской фирмы, с которой отчим имел дела, однако письмо это вернулось в день моей свадьбы.

— Следовательно, оно не дошло до него?

— Не дошло, потому что он уже уехал обратно в Англию.

— Да, вышло неудачно. Венчание было назначено на пятницу и должно было состояться в церкви, не правда ли?

— Да, церемония ожидалась скромной. Венчание должно было совершиться в церкви Святого Спасителя возле Кинг-кресс, а после этого мы должны были позавтракать в отеле Сент-Пенкрес.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Хосмер приехал за нами в двуколке, посадил в него мать и меня, а сам сел в кэб, который очень кстати оказался на улице. Мы приехали к церкви раньше и ждали, когда подъедет кэб Хосмера. Так через минуту и случилось, однако из кэба никто не вышел, а когда кучер слез с козел и отворил дверцы, внутри было пусто! Возница не мог сообразить, что могло сделаться с седоком, ибо он сам видел, как тот сел в кэб. Это случилось в прошлую пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не имею понятия, что стало с моим женихом.

— Мне кажется, мисс, что он просто сыграл с вами скверную шутку.

— О, нет, сэр! Хосмер был слишком добр ко мне, чтобы вот так меня бросить. Еще утром, в день свадьбы, он заклинал меня оставаться ему верной и твердил, что если какой-нибудь неожиданный случай нас разлучит, то я не должна забывать, что дала ему слово, и рано или поздно он вернется и потребует исполнить обещанное. Это звучало довольно странно в день свадьбы, но слова его после всего случившегося, приобрели совсем иное значение.

— Вы думаете, с ним случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, мистер Холмс. Он, по-видимому, предчувствовал опасность, иначе не говорил бы так. И это предчувствие не обмануло его...

— Вы, конечно, не имеете представления, чего он опасался?

— Никакого.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша мать?

— Она очень сердилась и сказала, чтобы я молчала обо всей этой истории.

— Говорили вы о случившемся с отцом?

— Да, и он, казалось, разделял мое убеждение, что с Хосмером что-то случилось, но я о нем еще услышу. Какой мог быть интерес у человека, — пояснял он мне, — привести девушку для венчания до церковных дверей, чтобы потом ее бросить? Если бы он занял у тебя деньги или при заключении брачного контракта перевел бы твое состояние на свое имя, тогда это могло бы еще иметь какое-нибудь объяснение. Однако, Хосмер совсем не интересовался денежным вопросом и не хотел получить от меня ни шиллинга. Но, что же тогда случилось? Почему он не писал ни слова? Я с ума сойду от всего этого! Я ночами не сплю!

Наша гостья достала из муфты маленький носовой платок, и, уткнувшись в него, громко зарыдала.

— Я займусь этим делом, — сказал Холмс, вставая, — и не сомневаюсь в успешном результате. Положитесь всецело на меня, мисс, и не мудрствуйте больше. И постарайтесь, прежде всего, забыть мистера Хосмера Эйнджела так же, как, по-видимому, он забыл вас.

— Значит, вы не думаете, что я его снова увижу?

— Сомневаюсь в этом,

— Что же могло с ним случиться?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Позвольте мне пока не отвечать на этот вопрос. Теперь я хотел бы иметь подробное описание его внешности и все его письма, которые вы можете мне доверить.

— В прошлую субботу я послала объявление в «Кроникл», — ответила она. Вот вырезка из газеты, а вот четыре его письма.

— Благодарю вас. Позвольте еще ваш адрес.

— Кембераул, Лайон-плейс, 31.

— Если не ошибаюсь, вы сказали, что не знаете адреса мистера Эйнджела. А где служит ваш отец?

— Он ездит по делам фирмы «Вестхауз и Мербэнк», что на Финчерч-стрит. Это крупная фирма, дом, торгующая винами.

— Благодарю вас. Вы очень ясно изложили все дело. Оставьте бумаги здесь и послушайте моего совета: позабудьте все случившееся раз и навсегда.

— Вы очень добры ко мне, мистер Холмс, но я не могу этого сделать. Я буду верна Хосмеру, и он меня найдет прежней, когда вернется.

Несмотря на смешную шляпу и слегка кукольное лицо, в ее детской вере было нечто до того трогательное и благородное, что мы невольно почувствовали к ней уважение.

Она положила сверток с бумагами на стол и удалилась, обещав появиться, как только это понадобится.

Углубившись в свои мысли, Холмс сидел несколько минут совершенно молча; ноги его были вытянуты, пальцы рук сцеплены, взор был устремлен в по-

Она положила сверток с бумагами на стол

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

толок. Затем он взял с каминной полки старую глиняную трубку, своего «верного советника», как он ее называл, набил ее табаком, закурил и развалился в кресле с выражением бесконечной апатии и лени, окружив себя густым облаком дыма.

— Интересный материал для изучения эта девушка, — заметил он. — Сама она интереснее, чем ее приключение, которое является, между прочим, довольно избитой историей. В моей записной книжке вы найдете подобные случаи: один был в Андовере в 1877 году, и нечто в таком же роде случилось в прошлом году в Гааге. Хотя сюжет не нов, но все-таки есть две интересные подробности. Впрочем, девушка сама по себе очень занимательна.

— Вы, должно быть, по обыкновению, заметили в ней много такого, что осталось для меня невидимым, — сказал я.

— Скажите лучше, чего вы не заметили! Вы просто не знали, на что надо смотреть. Неужели вы никогда не научитесь обращать внимание на рукава и ногти на руках или делать выводы на основании застежки на сапоге? Скажите, пожалуйста, что вы узнали об этой девушке по ее внешности?

— Извольте. На ней была большая темно-серая шляпа с ярко-красным пером. Ее черный жакет обшил стеклярусом. Платье темно-кофейного цвета, ворот и рукава оторочены алым бархатом. Перчатки темно-серого цвета, на правом указательном пальце кожа порвана. На обувь я не обратил внимания. У нее маленькие круглые золотые сережки в виде подвесок.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Ее общий вид указывает на принадлежность к привилегированной состоятельной семье из среднего класса.

Шерлок Холмс захлопал в ладоши и рассмеялся.

— Честное слово, Ватсон, вы делаете блестящие успехи! Хорошо, очень хорошо! Самое главное вы, конечно, упустили, зато продемонстрировали владение методом и проявили внимание к мелким деталям. Однако не доверяйте никогда лишь общему впечатлению, мой дорогой Ватсон, надо обращать внимание на частности. Я в первую очередь обращаю внимание на рукава женщины, в случае с мужчиной важнее колени брюк. Как вы заметили, у этой девушки рукава были обшиты бархатом, а на этом материале очень хорошо сохраняются все следы. Двойная полоса над кистью, в том месте, где машинистка касается рукой стола, выделялась великолепно. Швейная машинка оставляет похожие полосы, но только на левом рукаве и на наружной стороне, между тем как здесь полоса проходила чрез все запястье. Взглянув затем на ее лицо, я заметил следы от пенсне по обеим сторонам носа и поэтому решил сделать замечание относительно близорукости в связи с занятиями машинописью, что ее так поразило.

— Меня не меньше!

— А между тем это было ясно, как день. Затем мне бросилось в глаза, что на ней два разных ботинка; один с украшением на носке, другой без. На одном из пяти пуговиц были застегнуты только две нижние, на другом — только первая, третья и пятая. Если видишь молодую прилично одетую мисс с двумя по-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

разному застегнутыми башмаками, то нетрудно сделать заключение, что она поспешно ушла из дома.

— Что еще? — спросил я с напряженным вниманием, как бывало всегда, когда мой друг рассказывал мне о своих остроумных умозаключениях.

— Далее, я заметил, что, одевшись, она что-то написала, прежде чем выйти из дома. Вы верно подметили, что ее правая перчатка на указательном пальце разорвана, но вероятно упустили из вида фиолетовое чернильное пятно на перчатке и на пальце. Она торопилась, когда писала, и слишком глубоко опустила перо в чернильницу. И произошло это именно сегодня утром, иначе пятно было бы не так ясно заметно. Все это кажется очень мудреным, а между тем это так просто. Однако, пора за дело, Ватсон! Будьте так добры, прочтите мне приметы пропавшего Хосмера Эйнджела.

Я поднес к свету газетную вырезку:

«Утром, 14-го числа, исчез мистер Хосмер Эйнджел. Он высокого роста, пять футов и семь дюймов, крепкого сложения, с бледным цветом лица, черными волосами, с небольшой лысиной, густыми черными бакенбардами и усами, в темных очках и с небольшим недостатком речи. В то утро на нем был черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет с золотой цепочкой, серые брюки с коричневыми гетрами поверх штиблет с резиновыми штрипками. Исчезнувший работал в конторе на Лендхол-стрит. Доставившему о нем какие-нибудь сведения...» и так далее.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Этого достаточно, — сказал Холмс и, пробегав письма глазами, прибавил: — содержание их самое обыденное. Мистер Эйнджел цитирует Бальзака, что единственно интересно. А все-таки наверняка и вы заметили нечто необычное.

— Письма написаны на машинке, — ответил я.

— Не только сами письма, подпись тоже напечатана. Посмотрите, внизу, маленькие буквы «Хосмер Эйнджел». Вот число, но нет точного обратного адреса, только Ленхол-стрит. Весьма неопределенno! Из этой подписи можно сделать важный вывод... Ее можно считать доказательством.

— Доказательством чего?

— Дорогой Ватсон, неужели вы не видите, какая это важная улика?

— По правде говоря, нет. Вероятно, он надеялся таким образом получить возможность отказаться от своей подписи, если бы его привлекли к ответственности за нарушение данного слова.

— Нет, вряд ли он имел это в виду. Во всяком случае, мне надо для выяснения этого дела написать два письма, одно на имя торгового дома в Сати, другое мистеру Уиндбенку, отчиму нашей клиентки, которого я попрошу заехать ко мне для переговоров завтра в шесть часов вечера. Лучше вести переговоры с представителем семьи. До получения ответов на эти письма, больше сделать ничего нельзя, поэтому отложим до этого времени расследование этого дела.

Я знал моего друга как свои пять пальцев. Принимая во внимание проницательность и энергию, с

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

которой он брался за дела, я понял, что раз он так спокоен, значит уже в состоянии ясно и точно расследовать удивительную тайну, которую ему доверили. Лишь в одном единственном случае, в истории с фотографией Ирен Адлер, он ошибся. Во все же остальные самые запутанные дела он всегда вносил свет и ясность. Так было и с таинственным «Знаком четырех» и во время расследования «Этюда в багровых тонах». Поэтому я был убежден — если он не в состоянии распутать загадку, значит, она не по силам никому. Поэтому я оставил Шерлока Холмса, все еще курившего свою глиняную трубку с убеждением, что он уже к следующему вечеру выяснит, куда пропал жених Мери Сазерленд.

На другой день я был занят тяжелым больным и освободился только в шесть часов вечера. Отправясь на Бейкер-стрит, я боялся, что уже опоздал, и не буду присутствовать при решении загадки. Однако, я застал Шерлока Холмса одного; он дремал в кресле. Целая батарея реторт, пробирок и едкий запах разных кислот свидетельствовали о том, что он весь день развлекался милыми его сердцу химическими опытами.

— Ну что, определили, в чем дело? — спросил я, входя в комнату.

— Да. Это был сернокислый барий.

— Нет, я подразумеваю решение этой таинственной истории.

— Ах, о ней! А я думал о соли, с которой работал. Загадочного в этой истории нет ничего, хотя я и

Холмс дремал в кресле

считал вчера некоторые ее особенности интересными. Жаль только, что нельзя привлечь этого негодяя к суду.

— Кто же он такой, и зачем обманул Мери Сазерленд?

Холмс не успел мне ответить. В коридоре послышались тяжелые шаги, а затем стук в дверь.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Это Уиндибенк, отчим девушки, — сказал Холмс. — Он сообщил мне, что будет здесь в шесть часов. Войдите!

Вошедший был человек крепкого сложения и среднего роста, лет тридцати, с желтоватым цветом чисто выбритого лица, с очень живыми проницательными глазами и мягкими, почти вкрадчивыми манерами. Он вопросительно посмотрел на нас, положил свой цилиндр на столик и, слегка поклонившись, сел на ближайший к нему стул.

— Добрый вечер, мистер Уиндибенк, — приветствовал его Холмс. — Это письмо, напечатанное на машинке и извещающее о вашем посещении, вероятно, писали вы?

— Совершенно верно. Я боялся даже, что немного опоздаю; к сожалению, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень неприятно, что мисс Сазерленд побеспокоила вас из-за такого пустяка: не стоит перемывать грязное белье на людях. Она пришла к вам против моего желания и воли. Вы, вероятно, заметили, что у этой девушки несколько импульсивный характер, и ее трудно остановить, если ей в голову забредет какая-нибудь идея. Вы не являетесь представителем официальной полиции, поэтому это не так уж и важно, что вас посвятили в нашу семейную историю. Однако, мне будет чрезвычайно неприятно, если сведения о такого рода семейном недоразумении распространятся за порог нашего дома. Ваше участие повлечет за собой только излишние расходы, а это ни к

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

чему, потому что вряд ли вы разыщите этого Хосмера Эйнджела.

— Наоборот, — спокойно возразил Холмс, — у меня есть солидные основания думать, что я смогу его найти.

Уиндибенк вздрогнул от испуга и уронил перчатки.

— Правда?! Очень рад это слышать, — сказал он.

— А ведь это удивительно, — начал, как бы не заметив его реплики, Холмс, — что каждая пишущая машинка, как и человеческий почерк, имеет свои индивидуальные особенности. Вы не найдете двух, которые бы печатали одинаково, если, конечно, они не совсем новые. Одни буквы стираются быстрее, чем другие, некоторые изнашиваются только с одной стороны. Вот поглядите сами, мистер Уиндибенк: здесь в вашем письме буква «е» отпечаталась не совсем четко, а в букве «ч» есть маленький дефект. Кроме того, есть еще четырнадцать других характерных признаков, но упомянутые два выделяются наиболее отчетливо.

— Мы пользуемся в канторе этой машинкой для всей нашей корреспонденции, поэтому она, конечно, не новая, — возразил Уиндибенк, пристально посмотрев на Холмса своими живыми маленькими глазами.

— А теперь я хочу показать вам нечто весьма полезное, — продолжил мой друг. — Я надеюсь на днях опубликовать небольшую брошюру о шрифтах пишущих машинок и их роли в раскрытии пре-

ступлений; этот вопрос интересует меня давно. Вот четыре письма, написанные исчезнувшим женихом. Все они напечатаны на пишущей машине. В каждом из них не только буквы «е» и «ч» с дефектами, но и все остальные четырнадцать признаков, о которых я только что говорил, налицо. Если вы воспользуетесь моей лупой, то сами увидите, что я не ошибаюсь.

Уиндибенк быстро вскочил со стула и схватил шляпу.

— Я не могу тратить время на подобные разговоры и никому не нужные вопросы, мистер Холмс. Если вы можете задержать этого человека, схватите его и дайте мне знать, когда вы в этом преуспеете.

— Разумеется, — сказал Холмс, подходя к двери и запирая ее на ключ. — В таком случае я сообщаю вам, что он уже задержан.

— Как! Где? — воскликнул Уиндибенк, побелев, как полотно и озираясь по сторонам, как попавшая в ловушку крыса.

— Не горячитесь, это ни к чему не приведет, — заметил спокойно и участливо Холмс. — Вам не выкрутиться, мистер Уиндибенк. Все ясно, как на ладони, и вы сделали мне скверный комплимент, уверяя, что решение этой загадки мне не по силам. Будьте добры, присядьте, давайте поговорим.

Посетитель беспомощно опустился на стул; от страха на его лбу показались крупные капли пота.

— Меня не могут судить! — с трудом пролепетал он.

— Как! Где? — воскликнул Уиндibenк, побелев

— К сожалению, нет. Однако, между нами говоря, мистер Уиндibenк, с таким бессердечным, жестоким и эгоистичным поступком мне еще не приходилось сталкиваться. Позвольте мне изложить весь ход

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

событий, и поправляйте меня, если я где-нибудь ошибусь.

Уиндибенк сидел совершенно уничтоженный, с поникшей головой. Холмс протянул ноги к камину, развалился в кресле и, засунув руки в карманы, начал говорить, обращаясь скорее к самому себе, чем к нам.

— Человек женится из-за денег на женщине, которая гораздо старше его, — начал он, — и кроме того пользуется деньгами падчерицы все время, пока она остается в родительском доме. Для людей их круга сумма эта является довольно значительной, и потеря ее была бы весьма ощутима. Дочь, доброе кроткое создание, с ее любящим сердцем, приятной наружностью и порядочным приданым, наверняка может рассчитывать на скорое замужество. А между тем оно повлечет для отчима потерю в сто фунтов ежегодного дохода. И он решает воспрепятствовать браку приемной дочери. Но каким образом?! Сперва он старается привязать ее к дому и запрещает ей посещать общество, где бывают молодые люди. Однако вскоре он убеждается, что долго так продолжаться не может. Девушка протестует, настаивает на своих правах и категорически заявляет, что хочет быть на балу. Что же предпринимает тогда догадливый отчим? У него возникает план, делающий честь его уму, но отнюдь не сердцу. Сговорившись с женой, он при ее участии переодевается, скрывает свои проницательные глаза за темными очками, приклеивает фальшивые усы и бороду, приглушает свой ясный голос до тихого шепота; он рассчитывает на близорукость де-

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

вушки и является на бал под видом Хосмера Эйнджела и оттесняет воздыхателей, разыгрывая роль влюбленного.

— Сперва мы думали только пошутить, — прорубомотал наш посетитель. — Мы никак не предполагали, что она так скоро воспылает любовью.

— Возможно. Тем не менее, молодая девушка попалась в ловушку, и так как была твердо убеждена, что ее отчим во Франции, то ни о чем и не подозревала. Ей льстило ухаживание молодого человека, а восторженные похвалы матери лишь подогревали ее чувства. Затем мистер Эйнджел наносит им визит, ибо ухаживание надо было продолжать до известного момента для того, чтобы оно имело успех. После этого начались свидания, и совершилась помолвка, которая должна была оградить девушку от посторонних увлечений, которые могли случиться позже. Долго поддерживать такой обман было трудно, мнимые поездки во Францию становились неудобными. Единственным выходом из этого положения была трагическая связь. Она должна была произвести на девушку столь глубокое и неизгладимое впечатление, чтобы она долгое время не помышляла о браке. Вот для чего нужна была клятва на Библии в верности и намеки на возможные препятствия в день свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел прочно связать мисс Сазерленд с Хосмером Эйнджелом и сделать так, чтобы она терялась в догадках о его судьбе. Все это было нужно, чтобы она не обращала внимания на других кавалеров по крайней мере в течение десяти лет. Он

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

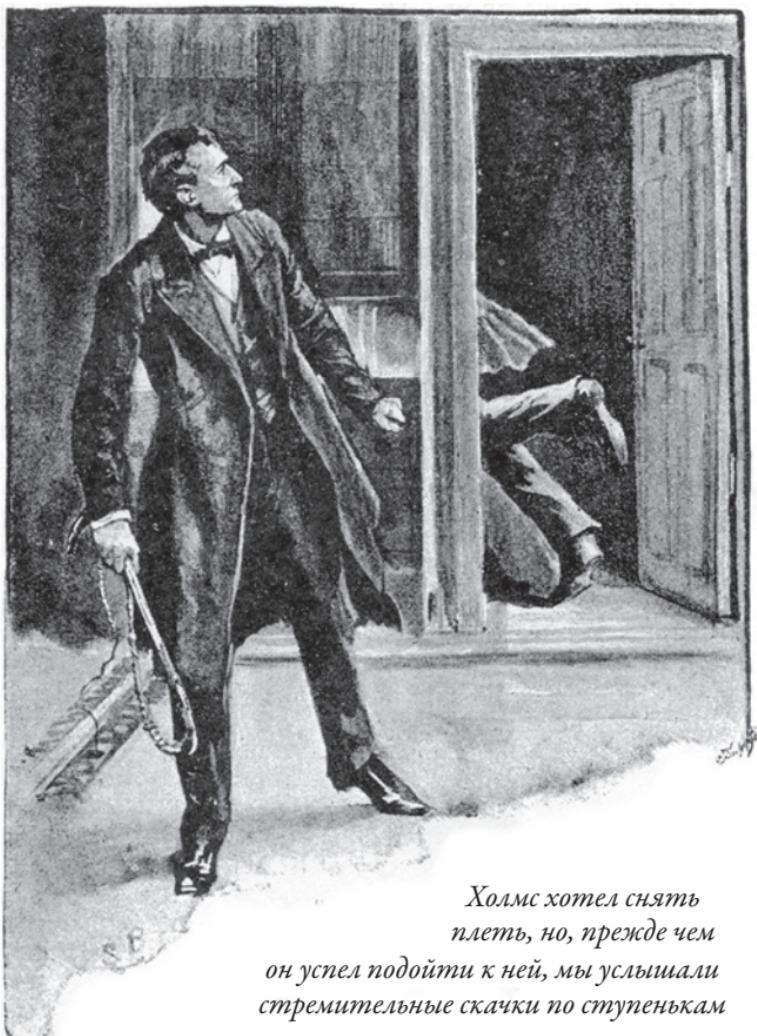
довел ее до церковных дверей, и поскольку не смел идти дальше, то испарился в нужный момент. Он выбрал для этого старый фокус: вошел в одну дверь экипажа и выскочил из другой. Таков был, по моему мнению, последовательный ход событий.

Во время этой речи Холмса к Уиндибенку снова вернулась его самоуверенность; он встал, на его бледном лице лежала печать холодной насмешки.

— Все это может быть так, но может быть и не так, мистер Холмс, — сказал он, — но если вы настолько всеведущи, то должны знать, что в настоящий момент закон нарушаете вы, а не я. С самого начала я не совершил ничего противозаконного, а вы, удерживая меня под замком, совершаете насилие и посягаете на мою свободу.

— Вы правы, закон не может вас покарать, — ответил Холмс, отпирая дверь и распахивая ее настежь, — и, тем не менее, вы заслуживаете тяжкого наказания. Если бы у девушки был брат или друг, наверняка он заставил бы свою палку прогуляться по вашей спине. Впрочем, — сказал Холмс, покраснев от гнева при виде наглой усмешки Уиндибенка, — хотя это и не относится к моим обязанностям по отношению к клиентам, но здесь висит собачья плетка и я сам кажется...

Холмс хотел снять плеть, но, прежде чем он успел подойти к ней, мы услышали стремительные скачки по ступенькам, громкий стук двери, а вслед за этим увидели из окна Джеймса Уиндибенка, мчащегося изо всех сил по улице.

Холмс хотел снять
плеть, но, прежде чем
он успел подойти к ней, мы услышали
стремительные скачки по ступенькам

— Бессердечный негодяй! — сказал Холмс, снова бросаясь в кресло. — Этот тип будет совершать пре-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ступление за преступлением, пока не попадет в тюрьму. В некотором отношении этот случай был не лишен интереса.

— Я все еще не вполне понимаю ход ваших умозаключений, — заметил я.

— С первого момента я не сомневался, что этот мистер Хосмер Эйнджел должен был иметь серьезные основания для своего странного поведения. Также было ясно, что единственный человек, извлекавший из этого дела выгоду, — это отчим. Затем мне показалось подозрительным, что эти два человека никогда не встречаются; один появляется всегда в отсутствие другого. Такое же впечатление произвели на меня темные очки, странный голос и густая борода. Мои подозрения окончательно подтвердили письма на машинке, ведь девушке был хорошо знаком почерк ее отчима. Все эти частности, вместе с другими менее важными обстоятельствами, указывали, как видите, на одну и ту же цель.

— Как же вы раздобыли доказательства?

— Раз я напал на след виновника этого происшествия, найти их было нетрудно. Я знал, где он служит. Прочитав его приметы, я мысленно отбросил все то, что могло быть достигнуто переодеванием — ба-кенбарды, усы, очки, голос — и послал это описание фирме, прося сообщить, подходят ли приметы к кому-нибудь из их коммивояжеров. Найдя некоторые особенности пишущей машинки, на которой были написаны послания к мисс Сазерленд, я пригласил письменно ее отчима к себе, адресуя письмо в конто-

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ру. Ответ, как и следовало ожидать, был написан на машинке, которая имела те же характерные недостатки. С той же почтой фирма «Вестхауз и Мербэнк» с Финчерч-стрит уведомила меня, что приметы вполне соответствуют наружности их служащего Джеймса Уиндибенка. Вот и все!

— А мисс Сазерленд?

— Если я открою ей правду, она все равно мне не поверит. Вспомните древнюю персидскую поговорку: «Горе укравшему детеныша у тигрицы, и горе отнявшему у женщины ее заблуждение». У Хафиза мы находим не меньше мудрости и знания людей, чем у Горация.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Мы сидели утром с женой за завтраком, когда горничная подала нам телеграмму от Шерлока Холмса следующего содержания: «Не можете ли освободиться на два дня? Только что вызван по телеграфу в западную Англию по делу в долине Боском. Буду рад, если поедете со мной. Воздух и местность восхитительны. Выезжайте из Паддингтона в 11-15».

— Ну что, милый? Поедешь? — спросила жена, взглянув на меня.

— Не знаю, право, как быть. У меня теперь как раз много пациентов.

— Пустяки! Анструзер заменит тебя. Ты в последнее время неважно выглядишь, и маленький отых тебе пойдет на пользу; кроме того, ты ведь всегда так интересуешься делами мистера Шерлока Холмса.

— Как же мне не интересоваться ими? Ведь благодаря одному из них я познакомился с тобой. Однако, если ехать, надо спешить: до поезда остается всего полчаса.

Моя походная жизнь в Афганистане имела одну положительную сторону — она приучила меня быть в любой момент готовым сняться с места. Сборы были недолги, так что через несколько минут я уже сидел с саквояжем в кэбе и катил по направлению к Паддингтонскому вокзалу. Шерлок Холмс прогуливался уже взад и вперед по платформе; его длинный

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

серый дорожный плащ и суконное кепи делали его худую фигуру еще длиннее и сухощавее.

— Очень мило с вашей стороны, Ватсон, что вы приехали, — сказал он, заметив меня. — Для меня очень важно иметь надежного спутника. Местная полиция либо никуда не годится, либо пристрастна. Займите, пожалуйста, два места у окна, а я пойду за билетами.

Мы заняли купе. Холмс прихватил с собой целый ворох газет. До станции Рэдинг он их перелистывал, делал какие-то пометки в своей записной книжке и время от времени о чем-то сосредоточенно думал. Затем он вдруг скомкал все газеты и зашвырнул полутившийся ком в багажную сетку.

— Вы слышали уже об этом деле? — спросил он.

— Ни слова, я несколько дней не читал газет.

— Лондонская печать сообщила мало подробностей. Я только что просматривал последние выпуски, чтобы ознакомиться с деталями. Как мне кажется, это один из тех простых случаев, которые, в конечном счете, становятся необыкновенно трудными.

— Это похоже на парадокс.

— Между тем, это чистая правда. Чем менее странным, более обыкновенным кажется преступление, тем труднее его раскрыть. В данном случае выдвинуто тяжелое обвинение против сына убитого.

— Значит, речь идет об убийстве?

— Так, по крайней мере, предполагают. Но я ничего не предполагаю до тех пор, пока лично не расследую этот случай. Я изложу вам вкратце фактическую

сторону дела, насколько мне удалось в ней разобраться. Боскомская долина — это местность в Хардфордшире неподалеку от Росса. Самым крупным местным землевладельцем считается мистер Джон Тернер. Он разбогател в Австралии и возвратился несколько лет тому назад на родину. Одно из его поместий, оно называется Хезерли, было сдано в аренду Чарльзу Маккарти, также жившему когда-то в Австралии. Они познакомились еще в колониях и, весьма естественно, что на новом месте решили поселиться возможно ближе друг к другу. Тернер был, очевидно, богаче, раз его приятель арендовал у него землю, что, казалось, совершенно не мешало Маккарти быть с ним на совершенно равной ноге. У Маккарти есть восемнадцатилетний сын, у Тернера того же возраста дочь; оба они вдовцы. Оба приятеля, казалось, избегали знакомств с соседними английскими сквайрами и жили очень замкнуто. Хотя Маккарти, и отец, и сын, любили спорт и часто появлялись на скачках, устраиваемых по соседству. Маккарти держал двух слуг — лакея и кухарку, у Тернера же был большой штат прислуги, чуть ли не полдюжины человек. Вот приблизительно и все, что я узнал об этих двух семьях. Теперь перейдем к фактам, относящимся к самому преступлению.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из дома в Хезерли около трех часов дня и спустился к Боскомскому омуту — небольшому озерцу, которое образовалось от расширения русла речки, протекающей по Боскомской долине. Утром он ездил вместе со своим слугой в Росс и ска-

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Мы заняли купе. Холмс прихватил с собой целый ворох газет

зал ему, между прочим, что вынужден торопиться, поскольку должен быть в три часа в одном месте по важному делу. С этой встречи живым он уже не вернулся.

Усадьба Хезерли находится на расстоянии четверти мили от пруда; по дороге туда Маккарти видели два человека, — одна старуха, имя которой в газетах не упоминается, и Вильям Краудер, лесничий Тернера. Оба свидетеля показывают, что Маккарти шел один. Лесничий говорит, кроме того, что вскоре после встречи с Маккарти в том же направлении прошел его сын Джеймс с ружьем под мышкой. По его убеждению, отец еще был виден, когда за ним последовал сын. Краудер совершенно забыл об этом, пока вечером не услышал об ужасном происшествии.

Обоих Маккарти видели еще раз после того, как они прошли мимо лесничего. Боскомский омут окружен со всех сторон густым лесом, и только у самого берега тянется полоса травы и вьется тростинка. Дочь лесника, Пэшенс Моран, девочка лет четырнадцати, собирала в это время в лесу цветы. Она утверждает, что видела на опушке леса господина Маккарти с сыном у самого пруда; они о чем-то горячо спорили. Девочка слышала, как Маккарти старший грубо выговаривал что-то сыну, и видела, как тот поднял руку, как бы собираясь ударить отца. Испугавшись вида не на шутку ссорящихся мужчин, девочка бросилась домой и рассказала матери, что видела у омута обоих Маккарти, и что они так кричали друг на друга, что дело может дойти до драки. Едва она все это выложила матери, как в домик лесника вбежал молодой Маккарти и закричал, что он нашел своего отца мертвым в лесу, и позвал лесника на помощь. Он был очень взволнован, без шляпы и без ружья, а на его правой

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

руке и правом рукаве были видны следы крови. Лесник последовал за молодым человеком и нашел труп Маккарти распростертым на траве возле омута. Чепреп несчастного был в нескольких местах размозжен ударами какого-то тупого орудия. Такие повреждения можно было нанести прикладом ружья, которое валялось в траве в нескольких шагах от трупа. В виду сложившейся ситуации, молодой человек был тотчас же арестован. Во вторник, на основании предварительного расследования, он был обвинен в преднамеренном убийстве. В среду он предстал перед мировым судьей в Рассе, который назначил это дело к рассмотрению судом присяжных. Вот вкратце факты этой трагедии, насколько удалось их выяснить следователю и полиции.

— Не могу себе представить другого случая, — заметил я, — где бы все обстоятельства дела так определенно указывали бы на виновника.

— Совокупность улик нередко весьма обманчива вещь, — задумчиво взорвал Холмс. — Часто улики очень ясно указывают на одно, но стоит лишь немного изменить собственную точку зрения, как окажется, что все они столь же неопровергимо указывают на совершенно иное. В данном случае, надо сознаться, факты очень серьезно направлены против молодого человека, и весьма возможно, что он действительно виновен. Однако многие соседи и, между прочим, дочь Тернера убеждены в его невиновности. Она попросила Лестрейда, которого вы уже знаете, защитить молодого человека. Лестрейд, кото-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

рому защита показалась слишком трудной, передал дело мне. Вот почему мы, два почтенных джентльмена, мчимся теперь с курьерским поездом на запад со скоростью пятьдесят миль в час, вместо того, чтобы спокойно завтракать у себя дома.

— Боюсь, что факты говорят здесь сами за себя с такою очевидностью, что вряд ли у вас есть шансы защитить молодого человека.

— Нет ничего более обманчивого, чем так называемые «неоспоримые факты», — возразил, смеясь, Холмс. — Кроме того, быть может, нам посчастливится, и мы натолкнемся на другой «неоспоримый факт», который, однако, господин Лестрейд оспаривает. Однако, говоря без хвастовства, которого, как вы знаете, я не люблю, я все-таки убежден, что либо воспользуюсь собранными им уликами, либо опровергну их таким образом, который ему и в голову не может прийти, и который он не в состоянии постичь. Возьмем любой пример: я твердо знаю, глядя на вас, что окно в вашей спальне находится справа, а между тем сомневаюсь, заметил бы Лестрейд нечто столь неоспоримое.

— Но, ради всего на свете, как...

— Мой дорогой Ватсон, я хорошо вас знаю и мне знакома ваша чисто военная точность и аккуратность. Вы бреетесь каждое утро и в текущее время года делаете это при дневном свете. Рассматривая внимательно ваше лицо, я замечаю, что левая его сторона выбрита хуже, а левая сторона подбородка обработана совсем уж небрежно. Отсюда ясно, что левая сторона освещается слабее, чем правая. Я не могу

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

*Лесник нашел
труп Маккарти
на траве возле омута*

себе представить, чтобы такой человек, как вы, остался бы доволен таким результатом, если бы он брился при равномерном освещении. Я привел этот факт, только в качестве простейшего примера наблюдения и соответствующего вывода. В этом-то и кроется тайна моего искусства, и весьма возможно, что оно пригодится мне в предстоящем расследовании. На предварительном следствии были упомянуты два побочных факта, которые следует проанализировать.

— Какие именно?

— Как я выяснил, молодой человек был арестован не сразу, а лишь по возвращении на ферму Хезерли. Когда ему объявили об аресте, он заметил, что это его не удивляет, так как он ничего иного и не ожидал. Это замечание с его стороны должно, разумеется, уничтожить всякое сомнение, оставшееся еще у судей.

— Но ведь это признание! — воскликнул я.

— Вовсе нет, ибо после он торжественно поклялся в своей невиновности.

— После целого ряда отягчающих обстоятельств это было, во всяком случае, чрезвычайно подозрительное заявление.

— Напротив, Ватсон, это был, по моему мнению, светлый луч, прорвавшийся сквозь темные тучи. Он же не отъявленный дурак, чтобы не видеть, как тяжелы против него улики. Если бы при аресте он выказал удивление или негодование, то это показалось бы мне чрезвычайно подозрительным, ибо эти чувства были бы при данном положении вещей неесте-

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

ственными; они лишь могли показаться преступнику наиболее подходящими. Открытое поведение молодого человека указывает либо на его невиновность, либо на большую твердость духа и самообладание. Что касается заявления, что он предвидел арест, то здесь нет ничего неестественного, если принять во внимание, что он стоял перед бездыханным телом своего отца, и что в тот день он, безусловно, забыл свой сыновний долг и вывел отца из терпения и даже, согласно важному показанию девочки, поднял на него руку, как бы намереваясь ударить. Его ответ, говорящий о раскаянии и об угрызениях совести, указывает, по-моему, скорее на чистую, чем на преступную душу.

Я покачал головой.

— Многих повесили и при гораздо более слабых уликах.

— Да, вешали! И, быть может, среди них были невиновные.

— А что говорит сам молодой человек об этом деле?

— Боюсь, что в его объяснении мало утешительного для его защитников; тем не менее, на некоторые пункты следует обратить внимание. Вот его показания — прочтите сами.

Холмс вытащил из своей папки номер местных «Хардфордширских Ведомостей» и, пробежав страницу, указал мне на столбец, содержащий показания несчастного юноши. Я уселся в уголок купе и с большим вниманием прочитал следующее:

«Был вызван Джеймс Маккарти, единственный сын покойного. Он дал следующие показания:

— Я уезжал на три дня из дома и вернулся только в понедельник, третьего числа, утром из Бристоля. Когда я приехал, отца не было дома, и кухарка сказала мне, что он уехал в Росс с конюхом Джоном Коббом. Вскоре после этого я услыхал стук колес его въезжающей во двор двухколки. Я подошел к окну и увидел, как он вышел из экипажа и быстро ушел со двора. При этом я не знал, куда он направляется. Тогда я взял свое ружье и направился к Боскомскому омуту, чтобы осмотреть ловушки для кроликов, которые находились по ту сторону пруда. По дороге я встретил лесничего Вильяма Краудера. Он это подтверждает, ошибочно думая, что я шел вслед за отцом. А я и не подозревал, что он шел впереди меня. Шагах в ста от омута я услышал крик „Коу“ — это был обычный условный сигнал между отцом и мной. Я поспешил на этот призыв и нашел отца у пруда. Мое появление, по-видимому, удивило его, и он довольно грубо спросил, что мне здесь нужно? Между нами завязался разговор, скоро перешедший в ссору и чуть не закончившийся побоями, ведь мой отец был очень вспыльчивым человеком. Видя, что он совершенно не владеет собой от гнева, я оставил его и пошел по направлению к дому. Однако не успел я пройти и ста пятидесяти шагов, как услышал позади себя страшный крик, заставивший меня побежать обратно. Я нашел отца на земле уже умирающим, с ужасными ранами на голове. Отбросив ружье в сторону, я схватил его за руки, но он в ту же ми-

Отбросив ружье в сторону, я схватил его за руки

нуту скончался. Некоторое время я стоял перед ним на коленях, затем поспешил к привратнику Тернеру, который живет ближе всех к омуту, чтобы позвать его на помощь. Когда я вернулся, услышав крик, я никого не видел рядом с отцом и не имею понятия, как он мог

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

получить такие повреждения. Он не пользовался симпатиями соседей, потому что в его манерах было что-то холодное и отталкивающее, но все-таки настоящих врагов, насколько мне известно, у него не было. Больше мне нечего сказать.

Следователь. Не сообщил ли вам отец что-нибудь перед смертью?

Обвиняемый. Он пробормотал несколько бесвязных слов, из которых я уловил нечто похожее на „крыса“.

Следователь. Из-за чего произошла у вас с отцом последняя ссора?

Обвиняемый. Я попросил бы освободить меня от ответа на этот вопрос.

Следователь. К сожалению, я вынужден настаивать.

Обвиняемый. Я не могу вам ответить, но могу вас заверить, что ссора эта не имеет никакого отношения к тому, что случилось потом.

Следователь. Это решит суд. Я думаю, мне нет надобности обращать ваше внимание на то, что ваш отказ может только навредить вам на предстоящем суде.

Обвиняемый. Тем не менее, я не стану отвечать.

Следователь. Насколько я вас понял, крик „Коу“ был условным призывом между вами и отцом?

Обвиняемый. Да.

Следователь. Как же могло случиться, что он издал этот клич, не зная, что вы уже вернулись из Бристоля?

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Обвиняемый (с видимым замешательством). Не знаю.

Следователь. Вы не заметили ничего подозрительного в тот момент, когда, услыхав крик, вернувшись к пруду и нашли отца тяжело раненым?

Обвиняемый. Вроде бы ничего.

Следователь. Что вы хотите этим сказать?

Обвиняемый. Я был так удручен и взволнован, прибежав из леса, что мог думать только об отце, больше ни о чем. Но все-таки у меня осталось смутное впечатление, что когда я бросился к отцу, с левой стороны на земле лежал какой-то предмет. Это было что-то серое, не то сюртук, не то плед. Когда я поднялся с колен и посмотрел в ту сторону, этот предмет уже исчез.

Следователь. Вы полагаете, что предмет исчез прежде, чем вы побежали за помощью?

Обвиняемый. Да, раньше.

Следователь. Вы не можете сказать, что это было?

Обвиняемый. Нет. У меня осталось только впечатление, что там что-то лежало.

Следователь. Как далеко от убитого?

Обвиняемый. Шагах в двенадцати.

Следователь. А от опушки леса?

Обвиняемый. Приблизительно столько же.

Следователь. Значит, вещь исчезла в то время, когда вы находились в двенадцати шагах от нее.

Обвиняемый. Да, но это произошло в то время, когда я стоял к этому месту спиной.

Этим заканчивается допрос свидетеля».

Как видно, — сказал я, прочитав отчет до конца, — заключение следователя против молодого Маккарти довольно обосновано. Он указывает, и совершенно верно, на противоречие, будто отец позвал сына прежде, чем увидал его, затем на отказ арестованного сообщить подробности его разговора с отцом и, наконец, на странное показание про последние слова умирающего. Все это, по его мнению, веско говорит против сына.

Холмс тихо засмеялся и растянулся на диване.

— И вы, и следователь, вы оба всеми силами стараетесь,— сказал он,— выискать наиболее сильные пункты в пользу молодого человека. Неужели вы не видите, что вы приписываете ему с одной стороны слишком много, а с другой слишком мало сообразительности? Неужели он настолько глуп, что даже не в состоянии выдумать причину ссоры, которая могла бы привлечь на его сторону симпатии присяжных? Может он чересчур умен, раз ни с того ни с сего выдумывает нечто такое сумасбродное — упоминание о какой-то крысе умирающим и случай с исчезнувшей одеждой. Нет, Ватсон, я смотрю на это дело с иной точки зрения. Все сказанное молодым человеком кажется мне правдой. Посмотрим, куда нас приведет это предположение. А теперь я возьму карманный томик своего Плутарха и не скажу больше об этом деле ни слова, пока мы не окажемся на месте. Нас ждет второй завтрак в Суиндоне, и мы будем там, очевидно, минут через двадцать.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Было около четырех часов, когда мы прибыли в милый провинциальный городок Росс, проехав через живописную Странскую долину и над широким сверкающим Северном. На платформе нас встретил худощавый сдержанный господин с хитрыми лукавыми глазками; он чем-то напоминал хорька. Несмотря на светло-коричневый дорожный плащ и кожаные сапоги, которые он считал, вероятно, подходящими для сельской местности, я с первого взгляда узнал в нем Лестрейда, известного лондонского сыщика из Скотленд-Ярда. Мы поехали с ним в гостиницу «Херфорд Армз», где для нас уже была подготовлена комната.

— Внизу для вас приготовлен экипаж, — сказал Лестрейд, когда мы пили чай.— Зная вашу энергию, я был убежден, что вы не будете отдыхать с дороги, а сразу направитесь на место преступления.

— Очень любезно и похвально с вашей стороны. Однако наша поездка всецело зависит от показаний барометра.

Лестрейд был, казалось, изумлен.

— Я не совсем вас понимаю, — сказал он.

— Что говорит барометр? Отлично! Двадцать девять, ветра нет, и на небе ни облачка — дождя не будет. У меня с собой пачка папирос, которые надо выкурить, а этот диван кажется гораздо лучше, чем обыкновенно бывает в провинциальных гостиницах. Значит, экипаж мне сегодня, по всей вероятности, не понадобится.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Лестрейд улыбнулся почти снисходительно.

— Вы, конечно, уже составили себе мнение о положении вещей из газетных отчетов? Дело это ясно, как Божий день, и чем дольше я им занимаюсь, тем оно становится для меня яснее. Однако нельзя же отказывать в просьбе dame и, вдобавок, такой настойчивой. Впрочем, я неоднократно уверял ее, что вы, господин Холмс, также не сможете сделать ничего другого, кроме того, что уже сделал я. Погодите, да никак это ее экипаж остановился у ворот!

Не успел он еще выговорить этих слов, как в комнату вбежала молодая девушка. Никогда я не встречал такого прелестного создания! Ее голубые глаза блестели, губы были полуоткрыты, щечки пылали, и благодаря сильному волнению и горю она совершенно забыла об обычной для нее сдержанности по отношению к постороннему человеку.

— Ах, господин Холмс! — воскликнула она, перебегая глазами с него на меня и остановившись, наконец, благодаря своим женским чутьем, на моем друге. — Мистер Холмс, я так счастлива, что вы приехали! Я нарочно поспешила сюда, чтобы вам это сказать. Я знаю наверняка, что Джеймс невиновен, и вы это тоже должны знать, прежде чем приступите к делу. Вы не должны ни на минуту сомневаться в этом. Я выросла с ним и знаю его недостатки, как никто. У него слишком мягкое сердце, он и мухи не обидит. Тот, кто его знает, должен признать подобное обвинение величайшей ошибкой.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

— Вот видите! — воскликнула молодая девушка, с торжеством смотря на Лестрейда. — Вы слышите, он подает мне надежду!

— Надеюсь, мисс Тернер, что нам удастся оправдать его, — сказал Шерлок Холмс. — Положитесь на меня; все, что в моих силах, будет сделано.

— Вы ведь читали обвинительный акт? Вы сделали из него какой-нибудь вывод — нет ли какого-нибудь выхода... спасения? Вы же сами не считаете его виновным?

— Его виновность не кажется мне очевидной.

— Вот видите! — воскликнула молодая девушка, с торжеством смотря на Лестрейда. — Вы слышите, он подает мне надежду!

Лестрейд пожал плечами.

— Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих заключениях, — сказал он.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Но он прав, я знаю, что прав! Никогда в жизни Джеймс не мог этого сделать. А что касается его ссоры с отцом, то я убеждена, что он только потому не хотел говорить о ней на допросе, что дело касалось меня.

— Что вы имеете в виду? — спросил Холмс.

— Нехорошо было бы скрывать теперь что-нибудь. Джеймс часто имел неприятности с отцом из-за меня. Господин Маккарти настойчиво требовал, чтобы мы поженились. Джеймс и я, мы всегда любили друг друга, как брат и сестра, но он молод, мало знает жизнь и... и... поэтому он еще не хотел себя связывать. Из-за этого у него с отцом происходили постоянные ссоры, и, наверное, последняя вышла из-за того же.

— А ваш отец был согласен на этот союз?

— Нет. Он был определенно против. Только мистер Маккарти был за него. — Свежее юное лицо девушки вспыхнуло, когда Холмс устремил на нее свой испытующий, проницательный взор.

— Благодарю вас за это сообщение, — сказал он. — Застану ли я вашего отца дома, если навещу его завтра?

— Боюсь, что доктор будет против.

— Доктор?

— Мой бедный отец хворает уже несколько лет, и этот ужасный случай окончательно свалил его с ног. Он не встает с постели, и доктор Виллоу находит, что у него сильно расшатаны нервы. Смерть мистера Маккарти тем более огорчила папу, что это был его

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

единственный знакомый еще с тех времен, когда они оба жили в Виктории.

— В Виктории? Это важно!

— Да, он был на рудниках.

— На золотых приисках, где мистер Тернер, как я слышал, нажил себе состояние?

— Это правда.

— Благодарю вас, мисс Тернер! Вы оказали мне существенную помощь.

— Не правда ли, господин Холмс, вы сообщите мне, если узнаете завтра какие-нибудь новости? Вы, конечно, навестите Джеймса в тюрьме... Скажите ему, пожалуйста, что я убеждена в его невиновности!

— Я передам ему это, мисс Тернер!

— Мне теперь нужно торопиться домой, папа сильно болен, и мое отсутствие его очень огорчает. Будьте здоровы! И да поможет вам Господь в вашем деле!

Она вышла так же поспешно, как и вошла, и скоро с улицы раздался стук колес отъезжающего экипажа.

— Мне чуть ли не стыдно за вас, Холмс, — сказал с сознанием своего превосходства Лестрейд после непродолжительного молчания. — Зачем подавать надежду, за которой должно последовать разочарование? Я не отличаюсь особенною мягкостердечностью, но, по-моему, это жестоко.

— Тем не менее, я искренне надеюсь добиться оправдания Джеймса Маккарти, — сказал Холмс. — Есть у вас разрешение повидать его в тюрьме?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Да, но только для вас и для меня.

— В таком случае, я изменю свое намерение не выходить сегодня из дома.

— Успеем ли мы, однако, на поезд в Херфорд, чтобы увидеться с обвиняемым еще сегодня вечером?

— Вполне.

— В таком случае едем. Постарайтесь, Ватсон, не скучать, я вернусь через два-три часа.

Я проводил их на станцию, затем прошелся по улицам городка и, наконец, вернулся в гостиницу. В номере я растянулся на диване и попробовал углубиться в чтение бульварного романа. Однако его фабула была так проста и незамысловата по сравнению с мрачной тайной, возникшей перед нами, что мои мысли постоянно переносились от вымысла к действительности. В конце концов, я швырнул книгу в сторону и весь отдался размышлениям о событиях сегодняшнего дня. Если предположить, что несчастный юноша говорил правду, то что, черт возьми, могло произойти в краткий промежуток времени, когда он покинул своего отца и тем моментом, когда он воротился назад, услышав его крик? Это было нечто ужасное! Но что именно? Не мог ли характер повреждений покойного сказать что-нибудь новое моему врачебному глазу? Я позвонил и приказал подать газету, в которой был приведен стенографический отчет следствия. В протоколе медицинского вскрытия говорилось, что нижняя третья левой теменной кости и левая половина затылочной кости были раздроблены сильными ударами тупого орудия. Я отме-

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

В номере я растянулся на диване и попробовал углубиться в чтение бульварного романа

тил это место на своей голове. Очевидно, что такой удар мог быть нанесен только сзади. До некоторой степени это говорило в пользу обвиняемого. Когда его видели ссорящимся с отцом, он стоял к нему лицом. Вполне неоспоримым фактом это не было, старик мог обернуться прежде, чем ему был нанесен удар. Тем не менее, на это соображение надо обратить внимание Холмса. К этому присоединялось еще странное упоминание умирающего о какой-то крысе. Что это могло значить? Бредом это не было. Люди, умирающие насильственною смертью, бредят редко. Нет! Вероятнее всего, он хотел объяснить, как его настигла смерть. Но что именно он хотел сказать? Я ломал себе голову над этим вопросом. А инцидент с серым предметом, который будто бы заметил молодой

Маккарти? Если он не ошибся, значит, убийца потерял, убегая, часть одежды, вероятно, пальто, и имел дерзость возвратиться назад, чтобы взять утерянное в тот момент, когда в двенадцати шагах от него стоял на коленях сын убитого, обернувшись к нему спиной. Какую таинственную ткань, сотканную из невероятных обстоятельств, представляла собой вся эта история! Мнение Лестрейда меня не удивляло; однако, я все-таки настолько доверял моему другу, что не терял надежды на успех его расследования; тем более, что каждое новое дополнительное обстоятельство дела, казалось, укрепляло его уверенность в невиновности молодого человека.

Шерлок Холмс возвратился домой очень поздно. Он был один, поскольку Лестрейд остановился в городе.

— Барометр все еще показывает высокое давление, — заметил он усаживаясь. — Очень важно, чтобы не было дождя, пока мы не посетим место происшествия. С другой стороны, необходимо приступать к такому тяжелому делу со свежими и бодрыми силами. Поэтому я и не хотел начать расследование после утомительного путешествия. Зато я видел молодого Маккарти.

— И что же вы узнали от него?

— Ничего.

— Он не мог ничего объяснить?

— Абсолютно ничего. Сначала я был склонен думать, что он знает преступника и просто щадит его или ее; теперь же я убежден, что он знает об этом так

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

же мало, как и остальные. Он, кажется, не отличается острым умом, но производит впечатление симпатичного и доброго юноши.

— Не могу, однако, одобрить его решения, — заметил я, — если он действительно не хотел жениться на такой прелестной девушке, как мисс Тернер.

— Причина впренеприятной истории. Молодой человек влюблен в нее по уши, однако два года тому назад, когда он еще не был знаком с мисс Тернер, жившей в течение пяти лет в пансионе, он попал в сети трактирной служанки в Бристоле и обвенчался с ней в магистратуре. Он тогда едва окончил училище. Никто об этом не знает, и вы понимаете, в каком беспомощном положении находился молодой человек. Для него мучение слушать упреки в том, что он не делает того, к чему сам всем сердцем стремится. Именно поэтому он в полном отчаянии простер руки, когда отец при последнем свидании с ним настаивал на браке с мисс Тернер. Его отец, как я слышал, очень кругой человек. Он просто-напросто выгнал бы сына из дома, если бы узнал правду. Юноша провел последние три дня в Бристоле у своей трактирной служанки, и его отец не знал, где он. Обратите внимание на это обстоятельство — оно весьма важно. Однако вся эта история приняла для молодого человека счастливый оборот; потому что, как только служанка узнала из газет, в каком ужасном положении находится ее супруг, и что он может быть повешен, она созналась ему, что у нее есть муж в Бермудских доках, и что их брак, следовательно, недей-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ствителен. Мне кажется, что последнее известие вознаградило молодого человека за все, что он выстрал.

— Но, если он невиновен, то кто же убийца?

— Да, кто? Я хотел обратить ваше внимание, прежде всего, на два обстоятельства. Во-первых, убитый назначил кому-то свидание у пруда, и этот кто-то не мог быть его сыном, ибо тот был в отъезде, и отец не знал, когда он вернется. Во-вторых, Маккарти подал условный сигнал «Коу», еще не зная о возвращении сына. Вот два центральных момента, от которых зависит все дело. А теперь поболтаем о чем-нибудь другом, отложив все дела на завтра.

Дождя ночью не было, как Холмс и предсказывал; утро было ясным и безоблачным. В девять часов за нами заехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хезерли в Боскомской долине.

— Сегодня утром получено важное известие, — сказал Лестрейд. — Говорят, что старик Тернер очень болен и долго не протянет.

— Вероятно, он очень стар? — спросил Холмс.

— Ему за шестьдесят. Пребывание в Австралии расстроило его здоровье, он болеет уже давно. Этот несчастный случай на него сильно подействовал. Он был старым другом Маккарти и, как мне кажется, считал его благодетелем; говорят, тот сдал ему Хезерли безвозмездно, не взымая платы за аренду.

— В самом деле? Это очень интересно! — заметил Холмс.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

— Да! И вообще он ему всячески помогал. Везде только и говорят о том, сколько добра он сделал покойному.

— Правда? А вам не кажется странным, что этот Маккарти, человек небогатый и столь многим обязанный Тернеру, с такой уверенностью говорит о браке его сына с дочерью Тернера, будущей землевладелицей, как будто это самая обыкновенная вещь на свете? И это кажется еще тем более странным, что Тернер, как известно, был против этого союза. Его дочь нам об этом ясно говорила. Не наталкивает ли вас это обстоятельство на какой-нибудь вывод?

— Слава богу, вот мы уже и добрались до выводов и заключений, — сказал Лестрейд, подмигнув мне. — Для меня достаточно трудно, мистер Холмс, установить голые факты, чтобы еще гоняться за выдуманными теориями.

— Вы правы, — ответил с иронией Холмс, — вам действительно трудно установить факты.

— И все-таки для меня очевиден один факт, который, как кажется, для вашего понимания труден, — возразил с некоторым раздражением Лестрейд.

— А именно?

— Что Маккарти старший умер от руки Маккарти младшего, и что противоположные предположения не более, как фантастический мираж.

— К счастью, мираж яснее тумана, — улыбнулся Холмс. — А вот там, если я не ошибаюсь, с левой стороны, ферма Хезерли.

— Да, это она.

Мы остановились перед обширным красивым двухэтажным зданием с шиферной кровлей. Опущенные шторы на окнах и трубы без дыма придавали ему угрюмый вид, как будто на нем лежала тяжесть совершенного злодеяния. Мы постучались. По требованию Холмса служанка принесла сапоги, которые были на ее хозяине в день его кончины, а также пару сапог молодого Маккарти, хотя и не те, которые он тогда носил. Измерив их тщательно по семи или восьми направлениям, Холмс попросил проводить его во двор, откуда мы отправились по извилистой тропинке к омуту.

Шерлок Холмс совершенно преображался, когда шел, как теперь, по свежим следам. Кто знал его только как спокойного мыслителя и логика с Бейкер-стрит, тот принял бы его теперь за другого человека. Лицо его раскраснелось и стало сосредоточенным. Брови слились в острую черную линию, из под которой стальным блеском светилась пара глаз. Губы были сжаты, а на его длинной, мускулистой шее выступили, подобно натянутым струнам, жилы. Его ноздри, казалось, дрожали от страсти к преследованию. Холмс был весь так поглощен своим делом, что почти уже не слышал обращенных к нему вопросов и замечаний. В лучшем случае он отвечал на них кратким нетерпеливым ворчанием. Быстро и безмолвно прошел он по тропинке через луга, а затем направился через лес к омуту. Почва здесь, как и во всей округе, была сырья и болотистая. На тропинке, а также

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

По требованию Холмса служанка принесла сапоги

на узкой полосе травы рядом с ней виднелись многочисленные следы ног. Холмс то спешил вперед, то останавливался как вкопанный, и раз даже повернул и прошел некоторое расстояние назад. Лестрейд и я следовали за ним по пятам; сыщик из Скотленд-Ярда равнодушно и с сознанием своего достоинства, я же с напряженным вниманием следя за каждым движением своего друга, ибо я отлично знал — все, что он делает, имеет определенную цель.

Боскомский омут, небольшое окруженнное тростником пространство воды около пятидесяти ярдов в

поперечнике, лежит на границе между поместьем Хезерли и парком Тернера. За лесом на той стороне пруда виднелись красные башенки, указывающие на жилище богатого землевладельца Тернера. Со стороны пруда, прилегающей к поместью Хезерли, лес очень густой. Между опушкой и тростником, окаймляющим пруд, тянется узкая полоса травы. Лестрейд точно указал нам место, где был найден убитый; почва здесь была до того сырья, что я мог ясно разглядеть следы, оставленные телом. Холмс, судя по его напряженному и испытующему взору, смог извлечь из этого участка вытоптанной травы еще много любопытного. Он метался подобно ищёйке, почувствовавшей добычу, а затем обратился к Лестрейду.

— Зачем это вы полезли в воду? — спросил Холмс.

— Я шарил там граблями, думая найти какое-нибудь орудие или что-нибудь в этом роде. Но, ради бога, откуда вы..?

— Это не важно!.. Теперь мне не до этого! Отпечатки вашей левой ступни видны, как на ладони. Их разглядел бы и крот! А вот здесь ваши следы исчезают в тростнике. Ах! Как все было бы проще, если бы я мог оказаться здесь прежде, чем это место истоптали, точно стадо буйволов! Сюда с лесником приходила целая компания, и они уничтожили все следы на семь или восемь футов вокруг трупа.

Холмс вынул увеличительное стекло, разложил свой дождевик и лег на землю, чтобы лучше все рассмотреть. При этом он все время говорил, но скорее сам с собой, чем с нами.

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Холмс вынул увеличительное стекло, разложил свой дождевик и лег на землю

— Вот следы молодого Маккарти. Дважды он прошел спокойно, а один раз бежал так быстро, что каблуки почти совсем не отпечатались, а след от подошв остался глубокий. Это подтверждает его историю. Он побежал, когда увидел своего отца на земле. Вот следы ног отца, он ходил взад и вперед... А это что? След от приклада на том месте, где сын стоял и слушал своего отца. А это?.. Ха! Что тут у нас такое? Носки сапог! Кто-то подкрадывался на цыпочках. Это какие-то широкие, совсем необыкновенные сапоги. Он ушел и вернулся. Конечно, ради плаща. Но откуда же они появились?

Холмс бегал взад и вперед. Он то находил следы, то снова терял их. Наконец, мы подошли к лесу, где на опушке стоял большой старый бук; он был выше всех соседних деревьев. Холмс прошел под тень буков,

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

снова уткнулся носом в землю и тихо вскрикнул от удовольствия. Он долго оставался в таком же положении, рассматривал опавшие листья и сухие ветки. Затем он положил в конверт нечто, как мне показалось, похожее на пыль и стал рассматривать с помощью увеличительного стекла не только землю, но и кору дерева до той высоты, до которой мог достать. Во мху валялся какой-то острый камень, он и его внимательно осмотрел, прихватив с собой. Затем он направился по дорожке через лес до проезжей дороги, где следы исчезли.

— Этот камень очень важен, — заметил он, снова приняв свой обычный вид. — Вот тот серый домик, должно быть, жилище лесника. Я зайду туда, мне нужно сказать пару слов Морену и, быть может, написать несколько строк. Затем мы сможем поехать в гостиницу и позавтракать. Идите, пожалуйста, вперед к карете, я скоро присоединюсь к вам.

Приблизительно через десять минут мы уже были на пути к Россу. Холмс все еще держал в руке камень, поднятый им в лесу.

— Это должно вас заинтересовать, Лестрейд, — заметил он, указывая на камень. — Вот чем было совершено убийство.

— Я не вижу на нем никаких следов.

— Да их и нет.

— Как же вы тогда узнали?

— Под ним росла трава. Следовательно, камень пролежал на том месте всего несколько дней. Места, откуда он был взят, я не нашел. По описанию повреж-

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

дений, он вполне подходит в качестве орудия преступления. Следов другого оружия нет никаких.

— А убийца?

— Человек высокого роста, левша, хромает на правую ногу, носит охотничью сапоги с толстыми подошвами и серый плащ. Он курит индийские сигары с мундштуком; в кармане у него тупой перочинный ножик. Есть еще несколько других примет, но я думаю, что и перечисленных достаточно, чтобы направить нас на правильный путь.

Лестрейд расхохотался.

— К сожалению, я все еще принадлежу к скептикам, — сказал он.— Ваши теории прекрасны, но не забывайте, что мы имеем дело с твердолобыми английскими присяжными.

— Посмотрим, — спокойно возразил Холмс. — Вы работайте своим способом, а я — своим. Сегодня после обеда у меня есть еще одно дело, а затем я, вероятнее всего, вернусь с вечерним поездом в Лондон.

— Не доведя дело до конца?

— Оно будет закончено.

— А как же загадка?

— Выяснена.

— Кто же убийца?

— Мистер, которого я только что описал.

— И кто же он?

— Разыскать его будет, конечно, нетрудно. Эта местность ведь не очень густо населена.

Лестрейд пожал плечами.

— Я практик, — сказал он, — и право же не могу бегать по всем окрестностям в поисках хромоногого левши. Так я, пожалуй, стану посмешищем всей полиции.

— Дело ваше, — спокойно заметил Холмс. — Я дал вам возможность раскрыть это преступление, ничего от вас не утаивая. Не моя вина, если вы отказываетесь. Вот ваша квартира. До свиданья! До отъезда я вам еще напишу пару строк.

Оставив Лестрейда у его дверей, мы поехали в нашу гостиницу, где на столе уже был приготовлен завтрак. Холмс молчал, погруженный в раздумье. У него был вид огорченного человека, находящегося в затруднительном положении.

— Идите-ка сюда, Ватсон, — сказал он, когда убрали со стола. — Садитесь поудобнее в это кресло и выслушайте меня. Я определенно не знаю, как мне поступить. Быть может, вы мне посоветуете. Закуривайте сигару и слушайте.

— Говорите, пожалуйста!

— При ближайшем рассмотрении дела вам и мне сразу бросились в глаза два обстоятельства из рассказа молодого Маккарти. Меня они расположили в его пользу, вас же наоборот — восстановили против него. Первое, что отец крикнул «Коу», прежде чем увидел сына, а второе — это странное упоминание о крысе, слетевшее с уст умирающего. Он пробормотал еще какие-то слова, но сын больше ничего не понял. Из этих-то двух моментов и должно исходить наше расследование, и мы приступим к

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

нему, считая, что молодой человек говорил чистую правду.

— Как же вы объясняете себе это «Koy»?

— Очевидно, оно предназначалось не для сына. Старик знал, что Джеймс в Бристоле, и это была случайность, что он оказался поблизости. Сигнал «Koy» должен был обратить внимание того, с кем у него было назначено свидание; «Koy» — это, несомненно, австралийский призыв, весьма распространенный среди тамошних жителей. Из этого прямой вывод, что человек, которого должен был встретить Маккарти у Боскомского омута, также жил в Австралии.

— А что же он хотел сказать словом «Крыса»?

Холмс вынул из кармана сложенный лист и расправил его на столе.

Это карта австралийского штата Виктория,— сказал он. — Я телеграфировал вчера в Бристоль, чтобы мне ее выслали. — Он закрыл рукой часть карты.— Что здесь написано?— спросил он меня.

Я прочитал: «arat»¹.

— А теперь? — Холмс поднял руку.

— Ballarat.

— Верно. Вот, по-видимому, то слово, которое произнес умирающий и из которого сын услышал только два последних слога. Он пытался назвать имя своего убийцы — такой-то из Балларэта.

— Поразительно! — воскликнул я.

— Безусловно! Как видите, наш круг подозреваемых значительно сократился. Присутствие серой

¹ A rat (а рэт) по-английски — «крыса».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

одежды — третий пункт, проверенный мною и согла-сующийся с показаниями молодого человека. Итак, мы выбрались из мрачной неизвестности, и теперь перед нами весьма определенный австралиец из Балларэта в сером плаще.

— Разумеется.

— При том человек этот должен жить поблизо-сти, поскольку до омута можно добраться либо с фер-мы Хезерли, либо из парка, куда вряд ли заходят не местные жители.

— Совершенно верно.

— Перейдем теперь к нашей сегодняшней экспе-диции. Из расследования на месте преступления я узнал много подробностей о личности преступника, которые сообщил этому олуху Лестрейду.

— Как же вы их обнаружили?

— Вы ведь знакомы с моим методом; он основан на исследовании всех побочных деталей.

— Я знаю, что вы определяете рост человека по длине его шагов. Форму сапог вы узнали по отпечат-кам.

— Да, это были особенные сапоги.

— А хромота?

— Отпечатки правой ноги повсюду слабее, чем левой; следовательно, он меньше опирается на нее, значит, хромает.

— А почему вы решили, что убийца левша?

— Вас же удивил характер повреждений, которые констатировал врач. Удар последовал сзади и пора-зил левую сторону черепа. Как же это могло случить-

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Во время разговора отца с сыном он должен был стоять за деревом

ся, если бы убийца не был левшой? Во время разговора отца с сыном он должен был стоять за деревом.

Он даже курил там. Я нашел пепел от сигары и, будучи знатоком в этой области, установил, что это пепел от индийской сигары. Вам, ведь, известно, что я тщательно изучал этот вопрос и даже написал брошюру о ста сорока разновидностях пепла от трубок, сигар и папирос. Найдя пепел, я стал искать дальше и вскоре нашел во мху брошенный окурок. Это была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

— А мундштук?

— Я видел, что сигара не была во рту; следовательно, он использовал мундштук. Конец сигары был отрезан, но неровно, из чего я сделал заключение о тупом перочинном ножике.

— Холмс, — сказал я — вы оплели этого человека такой густой сетью, что ему уже из нее не выпутаться. Вы спасли невиновного от верной смерти, как будто перерезав веревку, которую уже приготовили ему для виселицы. Я вижу, на ком сходятся все эти улики. Преступник — это...

— Мистер Джон Тернер, — громко доложил лакей, отворяя нашу дверь, чтобы пропустить посетителя.

Вошедший производил странное впечатление. Медленная прихрамывающая походка и сутуловатая фигура придавала ему дряхлый вид, а между тем резкие суровые черты лица и исполинское телосложение указывали на необыкновенную физическую и нравственную силу. Длинная борода, почти седые волосы и густые нависшие брови придавали ему вид почтенного и достойного человека. Лицо его было

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

Вошедший производил странное впечатление

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

пепельного цвета, а губы и ноздри имели болезненный синеватый оттенок. С первого взгляда я понял, что этот человек страдает от какой-то хронической смертельной болезни.

— Будьте добры, присядьте вот здесь на диван, — приветливо сказал Холмс. — Вы получили мою записку?

— Да, лесник передал мне ее. Вы хотели переговорить со мной у себя, дабы не вызывать излишних толков.

— Я опасался, что люди начнут болтать, если я приеду к вам.

— Для чего, собственно говоря, вы хотели меня видеть? — Наш гость взглянул на моего друга своими усталыми глазами с таким отчаянием, как будто уже получил роковой ответ.

— Да, — сказал Холмс, отвечая скорее взору Тернера, чем на его слова. — Я знаю все о Маккарти.

Старик закрыл лицо руками.

— Не оставь меня, Господи! — воскликнул он. — Я не допустил бы гибели молодого человека. Клянусь вам, если бы он был осужден, я сознался бы.

— Очень рад слышать это, — серьезно заметил Холмс.

— Я и теперь не скрывал бы своего поступка, если бы дело не шло о моей дорогой дочери. Это разобьет ее сердце, если она узнает, что меня арестовали.

— Быть может, до этого дело и не дойдет, — сказал Холмс.

— Как?!

ТАЙНА БОСКОМСКОЙ ДОЛИНЫ

— Я лицо неофициальное. Насколько мне известно, меня пригласили по просьбе вашей дочери и, следовательно, я защищаю интересы мисс Тернер, и молодой Маккарти должен быть, конечно, оправдан.

— Мои дни сочтены, — сказал Тернер. — Вот уж несколько лет я страдаю от диабета, и врач сомневается, протяну ли я еще месяц. Мое последнее желание — умереть под своей крышей, а не в тюрьме.

Холмс встал, взял перо, несколько листов бумаги и присел к столу.

— Поведайте нам всю правду, — сказал он. — Я запишу ваши показания, вы скрепите его своей подписью, а вы, Ватсон, будете свидетелем. Я представлю ваше признание только в крайнем случае, если иначе нельзя будет спасти молодого человека; обещаю вам воспользоваться этим документом только в случае крайней необходимости.

— Согласен, — отвечал старик. — Сомневаюсь, доживу ли я до судебного разбирательства, следовательно, для меня это роли не играет, я хотел бы только избавить мою дочь от позора. Я все объясню вам. Вы не знали покойного Маккарти! Это был сущий дьявол, говорю вам как на духу. Да избавит вас бог от такого человека! В течение двадцати лет он держал меня словно в железных тисках, отправляя мое существование. Сперва я расскажу вам, как попал к нему в кабалу.

В начале шестидесятых годов я отправился в Австралию на золотые прииски. Я был тогда молод, горяч, безумно отважен и готов на все; но я попал в дурную компанию, начал пить, потерпел неудачу с моим

рудником, ушел в леса и сделался, короче говоря, разбойником с большой дороги. Наша шайка состояла из шести человек; мы вели свободную буйную жизнь, то нападая на лагеря, то на фургоны, направляющиеся к рудникам. Меня знали под именем Черного Джека из Балларата и нашу шайку до сих пор не забыли в колониях.

Однажды мы проследили конвой с золотом, которое везли из Балларата в Мельбурн, и напали на него. Конвой охраняли шесть проводников, нас также было шестеро, так что исход дела был не очевиден. Первыми выстрелами мы уложили четырех. Наших пало трое. Я приставил свой пистолет ко лбу начальника конвоя; им был Маккарти. Зачем я тогда не спустил курок?! Я пощадил его, хотя и видел, как пристально смотрели на меня его маленькие злые глаза, как будто они хотели запомнить малейшие черты моего лица. Нам удалось захватить золото; мы сделались богатыми людьми и вернулись в Англию, не возбудив против себя ни малейших подозрений. На родине я расстался со своими бывшими товарищами и решил с этого времени вести мирный и честный образ жизни. Я купил это имение, которое как раз тогда продавалось, и старался, по возможности, приносить пользу деньгами, доставшимися мне таким преступным путем. Тогда же я женился, но жена моя вскоре умерла, оставив мне мою дорогую Алису. Будучи еще ребенком, она всегда, как никто другой, умела направлять меня на путь истины и добра. Словом, я начал новую жизнь и делал все возможное, чтобы загла-

дить свое прежнее преступное поведение. Все шло хорошо, пока я не попал в когти Маккарти.

Однажды, отправившись в город по делам, я встретил его на Риджент-стрит в бедной, истасканной одежде.

— Вот мы и встретились, Джек, — сказал он, взяв меня за рукав, — и мы уж больше не расстанемся. Нас теперь двое, я и сын, и ты будешь заботиться о нашем существовании. Если ты этого не сделаешь, помни, что в Англии существуют законы и суды, и что на каждом шагу имеется полиция. Вскоре они оба заявились сюда, и я уж не мог от них отделаться. Они пользовались безвозмездно лучшим участком моей земли. С тех пор я не имел ни покоя, ни отдыха, моя мирная жизнь исчезла безвозвратно. Куда бы я ни пошел — всюду меня преследовало хитрое лицо Маккарти. Чем старше становилась Алиса, тем мне делалось хуже. Он отлично понимал, что я скрывал свое прошлое от нее еще с большим трепетом, чем от полиции. Все, что ему было нужно, он требовал и мог это делать, ибо я все отдавал ему беспрекословно: землю, деньги, имущество. Наконец, он потребовал то, чего я ему не мог отдать. Он потребовал мою Алису.

Сын его подрос так же, как и моя дочь. Маккарти знал, что мое здоровье расшатано и ему мерещилось выгодное дельце. Он хотел, чтобы его сын получил все мое состояние! Но тут уж я остался непреклонен. Не могу сказать, что мне был неприятен этот молодой человек. Однако в его жилах текла кровь Маккарти, и этого для меня было достаточно. Я ре-

шил противиться, сколько хватит сил. Маккарти стал угрожать разоблачением.

Мы назначили встречу в долине у омута, который находился на равном расстоянии от моего и его дома. Когда я пришел туда, то увидел, что он беседует с сыном. Я закурил сигару и уселся под деревом, ожидая, пока он останется один. Когда я услышал их спор, во мне закипела злоба. Отец настаивал, чтобы сын женился на моей дочери, совершенно не интересуясь ее желаниями, как будто это была какая-нибудь служанка. Я пришел в бешенство при мысли, что все самое дорогое для меня на свете находится в руках этого человека. Неужели нельзя разбить эти оковы! Я — человек, приговоренный к смерти, умирающий. Я знал, что судьба моя предрешена, несмотря на ясный ум и довольно сильное тело. Но... мое имя, моя дочь! Все будет спасено, если я заставлю замолкнуть этот проклятый язык. И я это сделал и сделал бы еще раз, если бы это было нужно. Мой грех хотя и велик, но разве не искупает его жизнь, полная мучений и страданий? Неужели мое дитя тоже должно попасть в те же тиски, в которых я столько лет? Нет, это было выше моих сил! Я его убил и не сожалею об этом. Я словно раздавил ядовитую гадину. На его крик прибежал сын; а я уже успел достигнуть леса, но должен был вернуться за плащом, который потерял во время бегства. Вот как все это произошло.

— Не мне судить вас, — сказал Холмс, когда старик подписал свое показание. — Да избавит нас бог от подобного испытания.

— Прощайте же и будьте счастливы! — торжественно сказал старик.

— Что же вы намерены теперь делать?

— Учитывая состояние вашего здоровья, ничего. Вы ведь и сами знаете, что вскоре предстанете перед высшим Судьей. Ваше признание я возьму с собой; если юный Маккарти будет осужден, то я буду вынужден пустить его в ход, если же нет, то ни один смертный никогда его не увидит. Будете вы живы или нет, тайна ваша навсегда останется между нами.

— Прощайте же и будьте счастливы! — торжественно сказал старик.— Когда-нибудь, когда про-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

бьет и ваш час, вы будете спокойно лежать на смертном одре, если вспомните о том, что вы дали мне возможность отойти с миром!

Шатаясь из стороны в сторону и подрагивая своим громадным телом, он медленно вышел из комнаты.

— Ах, мы несчастные! — сказал Холмс после продолжительного молчания. — И зачем судьба так коварно играет такими бедными беспомощными земными существами, как мы?!

Джеймс Маккарти был оправдан присяжными на основании множества улик, которые Холмс представил в распоряжение защитника.

Старик Тернер прожил еще семь месяцев после нашего свидания с ним. Теперь он мирно спит вечным сном. По всей вероятности, сын и дочь враждавших отцов будут счастливой парой, и никогда не догадаются, какая мрачная туча нависала над их прошлым.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

Просматривая свои записки и мемуары о делах, расследованных Шерлоком Холмсом с 1882 по 1890 год, я положительно затрудняюсь выбрать лучшее из них, настолько необыкновенными и интересными они мне кажутся. Некоторые из этих случаев уже известны по газетным сообщениям, другие же не представляли широкого поля для действий, где бы вполне могли проявиться дарования Холмса, столь выделяющие его из среды прочих сыщиков. Были и такие дела, которые удалось расследовать лишь отчасти, поскольку их решение основано больше на догадках и на предположениях, чем на железных логических доказательствах, которые так раздавали Шерлока Холмса. Один из таких уголовных случаев был до того замечателен по своим деталям и ужасен по своим последствиям, что я хочу рассказать о нем, хотя некоторые его моменты остались невыясненными. Вероятно, таковыми они и останутся навсегда.

1887-й год был особенно богат интересными случаями, занесенными в мои записные книжки. Среди них дело о «Парадол-чэмбер», мошенническом обществе нищих, содержащем роскошный клуб в подвале одного торгового дома; дело, связанное с гибелью английского корабля «Софи Эндерсон»; об удивительной жизни мистера Грайса Петерсона на

острове Юффа и, наконец, об отравлении в Кембериэлсе. В последнем случае Холмсу удалось, как известно, исследовав часы умершего, установить, что они были заведены два часа тому назад и что, следовательно, он в это время лег спать. Этот факт оказался весьма важным для выяснения всего дела. Со всеми этими случаями я, быть может, познакомлю читателей позже, ведь ни один из них не сопровождался такими странными обстоятельствами, как тот, на котором я теперь останавливаюсь.

Это случилось в последних числах сентября, когда осенние бури бушевали с необыкновенной силой. С самого утра выл ветер; дождь с такой силой стучал в окна, что это временами отрывало от обычных дел. Даже здесь, в центре громадного Лондона, люди были вынуждены преклониться перед стихийными силами, которые, подобно неукротимым зверям в клетке, вырывались из искусственных преград, созданных цивилизацией, и, казалось, угрожали всему человечеству. С наступлением вечера буря усилилась, и ветер, точно дитя, стонал и рыдал в трубах. С одной стороны камина сидел нахмуренный Шерлок Холмс, он приводил в прядок свою картотеку преступников. Напротив него сидел я, погрузившись в чтение морских рассказов Кларка Рассела. Вой ветра, как нельзя лучше, гармонировал с их содержанием, а шум дождя представлялся мне ревом морских волн. Моя жена гостила у своей тетки, и я на некоторое время снова поселился в нашей прежней квартире на Бейкер-стрит.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

— Это что? — спросил я, взглянув на своего друга, — как будто звонят. Кто бы мог прийти сегодня вечером? Быть может, кто-нибудь из твоих друзей?

— Кроме тебя у меня их нет, я никого к себе не приглашаю, — ответил Холмс.

— В таком случае клиент?

— Если так, то по важному делу. Из-за пустяков человек не станет являться в такую погоду и в такое время. Нет, это, вероятно, кузина хозяйки.

Однако Шерлок Холмс ошибся. Мы услышали шаги в коридоре и стук в нашу дверь. Холмс протянул руку и повернул лампу таким образом, чтобы свет от нее падал на пустой стул, куда должен был сесть посетитель.

— Войдите, — сказал он затем.

Вошел молодой человек приблизительно лет двадцати двух; его внешность отличалась изяществом, а в движениях сквозили светские манеры. Совершенно мокрый зонтик в руке и блестящий от воды непромокаемый плащ указывали на ужасную погоду, которая его, однако, не остановила. Ослепленный светом лампы, он с беспокойством осматривался; его щеки были бледны, глаза его выдавали в нем человека, находящегося под гнетом тяжелой заботы.

— Прошу прощения, — сказал он, водруженный золотое пенсне. — Надеюсь, я не помешал. Очень сожалею, что принес с собой в вашу уютную комнату некоторые следы непогоды.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Позвольте ваш зонтик и плащ, — сказал Холмс. — Здесь у камина они быстро высохнут. Вы, как я вижу, приехали с юго-запада?

— Да, из Хоршема.

— Смесь глины и извести на носках ваших сапог не оставляет в этом сомнений.

— Я приехал к вам за советом.

— Рад служить.

— И за помощью!

— Это не всегда так легко.

— Я слышал о вас, мистер Холмс. Майор Прендергаст рассказывал мне, как вы спасли его от скандала в клубе Тенкервилл.

— Да, да. Он ошибочно был обвинен в шулерстве.

— Он сказал, что вы можете во всем разобраться.

— Он явно преувеличивает.

— Он говорил, что вас никто не проведет.

— Нет, это случилось со мной четыре раза; три раза меня провели мужчины, и один раз женщина.

— Что это значит в сравнении с вашими успехами!

— Да, пожалуй! Большей частью я преуспеваю.

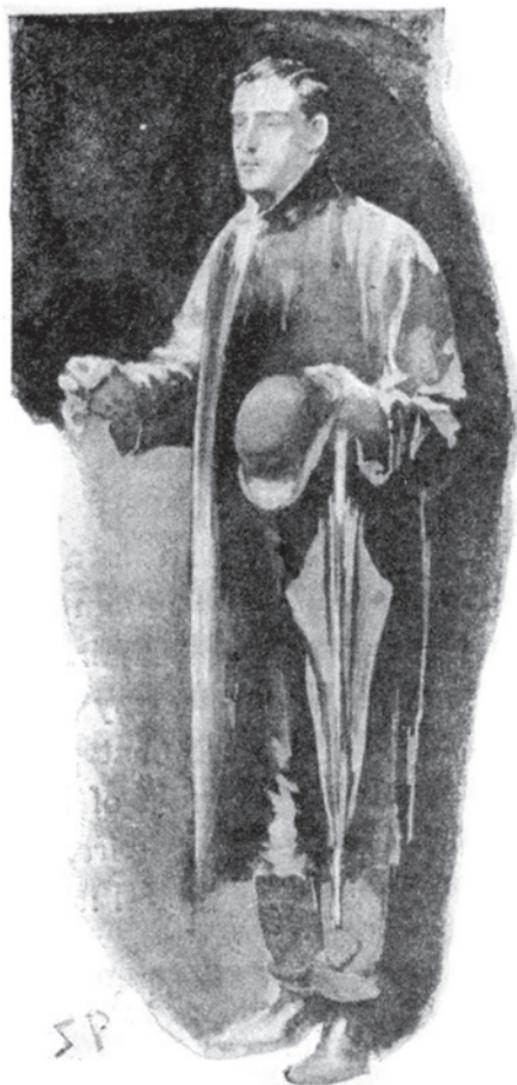
— Надеюсь, что так будет и в моем случае.

— Придвиньте, пожалуйста, ваш стул к камину и будьте любезны рассказать, в чем дело.

— Меня привела к вам совершенно необыкновенная история.

— В обычных случаях ко мне и не обращаются. Я ведь последняя апелляционная инстанция.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

Вошел молодой человек приблизительно лет двадцати двух

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Тем не менее, я сомневаюсь, встречали ли вы при всей вашей опытности и обширной практике, какое-либо более темное и запутанное стеченье обстоятельств, какое случилось в нашей семье.

— Вы меня заинтриговали, — заметил Холмс. — Изложите, пожалуйста, сначала главные факты, тогда я смогу спросить вас о тех подробностях, которые покажутся мне наиболее важными.

Молодой человек придвинул свой стул и протянул промокшие ноги к огню.

— Меня зовут Джон Опеншоу, — начал он, — но мои личные дела и обстоятельства жизни не имеют, насколько я понимаю, ничего общего с этой ужасной историей. Я являюсь в ней действующим лицом лишь в качестве наследника, и поэтому я должен вернуться к ее началу, чтобы объяснить вам положение дел. У моего деда было двое сыновей: мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. Отец имел небольшую фабрику в Ковентри, которую он расширил после изобретения велосипедов. Он получил патент на прочные шины «Опеншоу», это давало приличные доходы, и в конце концов он продал фабрику и вышел на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас переселился в молодости в Америку и впоследствии сделался плантатором во Флориде. Дела его шли, по-видимому, хорошо. Во время войны он сражался в армии Джексона, а затем под начальством Гуда дослужился до чина полковника. Когда командующий южанами генерал Ли сложил оружие, мой дядя вернулся на свои плантации,

где оставался еще три или четыре года. В 1869 или 1870 году он возвратился снова в Европу и купил небольшое имение в Суссексе, близ Хоршема. Он приобрел в Соединенных Штатах большое состояние, но, несмотря на это, покинул Америку, потому что ненавидел негров и не мог примириться с политической республики, которая дала им свободу. Это был очень странный человек. Характер у него был суровый и вспыльчивый. По любому поводу он изрыгал страшные проклятия; при этом он сторонился людей. Вряд ли он хотя бы один раз побывал в городе за многие годы своей жизни в Хоршеме. У него был сад и луга, где он гулял, но иногда он целыми неделями не выходил из своей комнаты. Он сильно пил, много курил, и избегал даже родного брата. Против меня он ничего не имел, скажу даже больше, по-видимому, ко мне он даже привязался, хотя мне было уже двенадцать, когда мы впервые увиделись. Это случилось в 1878 году, через восемь или девять лет после его возвращения в Англию. Он упросил моего отца, чтобы я пожил у него, и он всегда по-своему хорошо ко мне относился. В трезвом состоянии он охотно играл со мной в трикtrak или в шашки. Прислугу и торговцев он всегда отсыпал для переговоров ко мне, так что в шестнадцать лет я был полновластным хозяином дома. У меня были все ключи, я мог делать все, что хотел, лишь бы только это его не беспокоило. Однако и для меня было одно единственное исключение. Наверху на чердаке находилась всегда запертая каморка, куда не дозволялось входить никому и мне

тоже. С детским любопытством я смотрел несколько раз туда через замочную скважину, но никогда не видал там ничего, кроме старых сундуков и ящиков, которые обыкновенно и хранятся в таких местах.

Как-то раз, это было в марте 1883 года, я увидел на столе перед прибором дяди письмо с заграничной маркой. Письма были редкостью в его доме, по счетам он расплачивался наличными, а друзей у него не было.

— Из Индии! — сказал он, взяв письмо со стола, — почтовая марка Пондишери! Что бы это могло быть? — Он поспешно разорвал конверт, и из него на тарелку выпало пять маленьких сухих апельсинных зернышек. Я рассмеялся, но смех моментально замер на моих губах, когда я увидел выражение лица дяди. Его рот был перекошен, глаза выступили из орбит, а лицо побагровело. Его взор был неподвижно устремлен на конверт, который он держал дрожащей рукой. — К, К, К! — воскликнул он, наконец. — Господи, Боже мой! Вот наказание за мои грехи!

— Что это означает, дядя? — спросил я его.

— Смерть, — ответил он и, встав со стола, удалился в свою комнату, оставив меня одного дрожащим от недоумения и страха.

Я взял конверт и увидел, что на его внутренней стороне возле смазанной kleem полоски красными чернилами были написаны три буквы «К». Больше ничего, кроме пяти зернышек в конверте не было. Что же могло стать причиной такого ужаса?

Я вышел из-за стола и, поднимаясь по лестнице, встретил дядю. Он спускался вниз, держа в руке заржавленный ключ, по-видимому, от чулана, в другой руке он держал небольшой металлический ящик, в котором порой хранят деньги.

— Пусть себе делают, что им угодно, а я настою на своем! — воскликнул он, изрыгая проклятия. — Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате, и пошли в Хоршем за нотариусом Фордхемом.

Я исполнил его приказание. Когда приехал нотариус, меня позвали наверх в комнату дяди. В камине ярко горел огонь, а на решетке лежал толстый слой черного пепла от сгоревших бумаг; возле камина стоял открытый и пустой металлический ящик. Я содрогнулся от ужаса, заметив на крышке такое же тройное «К», какое увидел утром на конверте.

— Джон, — сказал мне дядя, — я хочу составить завещание, и ты будешь свидетелем. Я оставляю свое поместье со всеми его выгодами и убыtkами моему брату, то есть твоему отцу, от которого оно со временем перейдет без сомнения к тебе. Если ты сможешь спокойно пользоваться им, тем лучше. Если же ты увидишь, что это невозможно, то, помни, мой мальчик, эти слова — передай поместье твоему злейшему врагу. Мне очень больно, что приходится оставлять тебе такое сомнительное наследство, но я не знаю, какой оборот может принять дело. Подпиши, пожалуйста, бумагу, где тебе укажет мистер Фордхем.

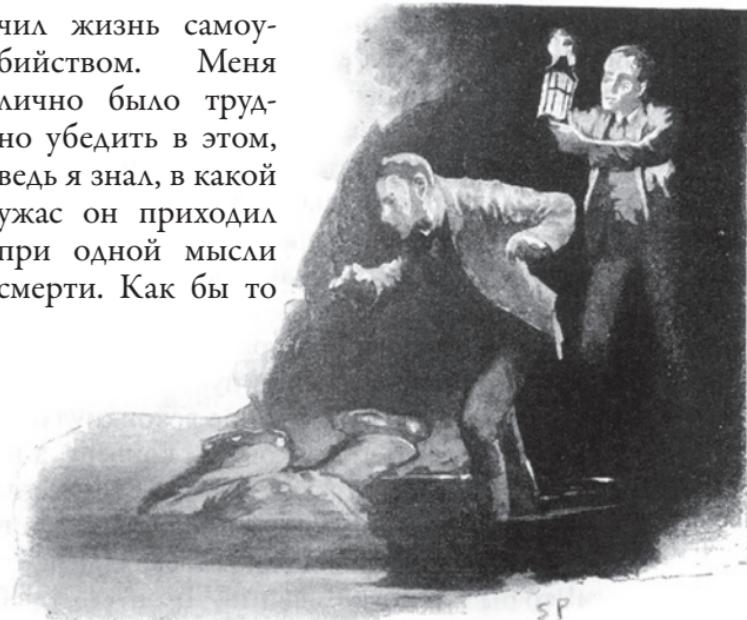
Я подписал бумагу, которую нотариус взял с собой. Вы можете себе представить, какое тяжелое впе-

чатление произвело на меня это удивительное происшествие. Я не мог забыть о нем и делал всевозможные предположения, но так и не пришел к определенному заключению. Я долго не мог избавиться от гнетущего страха, хотя он понемногу ослабевал, поскольку недели проходили за неделями, и ничто не нарушило обычного хода нашей жизни. Впрочем, в дяде я заметил большую перемену: он стал пить еще больше прежнего и сделался еще более нелюдимым. Большую часть времени он проводил у себя в комнате, запираясь изнутри на замок. Время от времени он выскакивал с револьвером в руке из дома в сад и как бы в припадке белой горячки кричал, что никого не боится и что даже сам дьявол, не сможет удерживать его взаперти, как стадо баранов на скотном дворе. Когда припадок проходил, он снова бросался в свою комнату и запирал за собою дверь с видом человека, который больше не в состоянии переносить угрызения совести. В такие часы даже в холодную погоду лицо его было покрыто потом.

Не желая злоупотреблять вашим нетерпением, мистер Холмс, я сразу перехожу к концу моей истории. Как-то раз ночью с ним снова случился припадок, во время которого он выбежал из дома, но больше уже не возвращался. Мы отправились на поиски, и нашли его в конце сада лежащим головой в маленьком заросшем тиной пруду. На теле не было следов насилия, глубина воды составляла всего два фута. Однако следствие, основываясь на чудачествах характера моего дяди, пришло к заключению, что он покон-

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

чил жизнь самоубийством. Меня лично было трудно убедить в этом, ведь я знал, в какой ужас он приходил при одной мысли смерти. Как бы то

SP

Мы нашли его в конце сада лежащим головой в маленьком заросшем тиной пруду

ни было, но мой отец унаследовал имение и четырнадцать тысяч фунтов стерлингов, которые были положены на его имя в банк.

— Одну минутку, — прервал его Холмс. — Ваша история является одной из самых необычных из тех, что мне доводилось слышать. Назовите мне день получения дядей того письма, а также день его предполагаемого самоубийства.

— Письмо было получено десятого марта 1883 года, а умер он семь недель спустя, в ночь на второе мая.

— Благодарю. Продолжайте, пожалуйста!

— Когда отец вступил во владение имением, он очень тщательно осмотрел по моей просьбе чулан, который всегда был на запоре. Мы нашли металлический ящик, хотя его содержимое было уничтожено. На внутренней стороне крышки был приkleен ярлык, опять-таки с буквами «К, К, К», под которыми была надпись: «Письма, записи, квитанции и список». Очевидно, это был перечень бумаг, уничтоженных дядей. Кроме того, мы не нашли в чулане ничего интересного; там было множество бумаг и записных книжек, относящихся к жизни полковника в Америке. Некоторые из них относились ко временам войны и указывали на то, что дядя честно исполнял воинский долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие относились ко времени преобразования Южных штатов и касались политики. По-видимому, дядя примкнул к оппозиции, выступая против присланных с севера агитаторов, ратовавших за переселение.

В начале 1884 года отец мой переехал в Хоршем, и ничто не нарушило нашей совместной жизни вплоть до января 1885 года. На четвертый день после Нового года мы сидели за завтраком, как вдруг я услышал возглас изумления из уст моего отца. Я взглянул на него; в одной руке он держал распечатанный конверт, другая была протянута ко мне, и на ее ладони я увидел пять сухих апельсинных зернышек. Он обыкновенно смеялся над моим рассказом, который называл «сказкой про полковника», но теперь, когда с ним случилось то же самое, он призадумался.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

В одной руке он держал распечатанный конверт, другая была протянута ко мне

— Ради бога. Джон, что это значит? — пролепетал он.

Сердце у меня так и застыло от ужаса.

— Это «К, К, К», — ответил я.

Он посмотрел внутрь конверта.

— Так и есть! — воскликнул он. — Те же буквы!

— Тут еще что-то написано под ними.

«Положите бумаги на солнечные часы», — прочитал я, заглядывая через его плечо.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Какие бумаги? Какие солнечные часы? — спросил он.

— Солнечные часы, которые в саду, других нет, — ответил я, — бумаги, должно быть, те самые, которые скажет дядя.

— Пустяки, — сказал он, стараясь приободрить себя, — мы живем в цивилизованной стране и не можем придавать значение таким дурачествам. Откуда это письмо?

— Из Данди, — ответил я, взглянув на почтовый штемпель.

— Какая-нибудь глупая шутка и больше ничего, — заметил он, — что у меня общего с какими-то бумагами и солнечными часами? Я не стану и думать о такой бессмыслице.

— Не лучше ли сообщить полиции? — предложил я.

— Чтобы меня осмеяли! Нет, не надо!

— В таком случае позволь мне это сделать.

— Ни за что! Я тебе запрещаю! Из-за таких пустяков не стоить поднимать шум.

Дальнейшие разговоры были напрасны, поскольку мой отец был чрезвычайно упрям. Все осталось по старому, но меня угнетало какое-то тяжелое предчувствие. На третий день после получения письма, отец отправился к своему старому приятелю, майору Фрибоди, который является комендантом одного из фортиков в Портсдаун-Хилле. Я был очень рад. Что отец уехал, мне казалось, что вне дома он будет находиться в меньшей опасности. Увы, я ошибался. Через два дня

после его отъезда майор телеграфировал, чтобы я немедленно приехал. Мой отец упал в один из многочисленных меловых карьеров, которых много в той местности, и был найден там без чувств и с раздробленным черепом. Я бросился к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Ферхема в сумерках, не знал местности, а карьер не был огорожен, и следователь без колебаний решил, что это «смерть от несчастного случая». Я тщательно исследовал все обстоятельства, имеющие отношение к смерти отца, но не нашел решительно ничего, что бы указывало на убийство. Ни признаков насилия, ни чьих-нибудь следов. Отец не был ограблен, никто не видел незнакомых людей на дороге. И все-таки, как вы сами понимаете, вывод следствия меня не успокоил; я был убежден, что отец пал жертвой преступного заговора.

При таких мрачных обстоятельствах я и вступил во владение имением. Быть может, вы спросите, почему я не отказался от него? Потому, что был твердо убежден — наша судьба находится в связи с каким-то случаем из жизни дяди, и поэтому я буду подвергаться опасности не только в моем доме, но и в любом другом месте.

Мой несчастный отец умер в январе 1885 года. Следовательно, с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я спокойно жил в Хоршеме и начинал уже надеяться, что проклятие, тяготеющее над нашей семьей, прервалось на предыдущем поколении. Однако, я слишком рано успокоился. Вчера

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

утром меня настиг тот же роковой удар, какой постиг и моего отца.

Молодой человек достал из бокового кармана смятый конверт и высыпал из него на стол пять сухих апельсиновых зернышек.

— Вот конверт, — продолжил он. — Штемпель восточного отделения лондонского почтамта. На конверте внутри такая же надпись, как в письме к отцу: «К, К, К», а под ней: «положите бумаги на солнечные часы».

— Что же вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— Откровенно говоря, — он закрыл лицо своими белыми, тонкими пальцами, — я чувствую себя совершенно беспомощным, подобно несчастному кролику, на которого нацелился кровожадный удав. Мне кажется, что я нахожусь во власти непреодолимого, беспощадного рока, от которого не спасет ни предосторожность, ни осмотрительность.

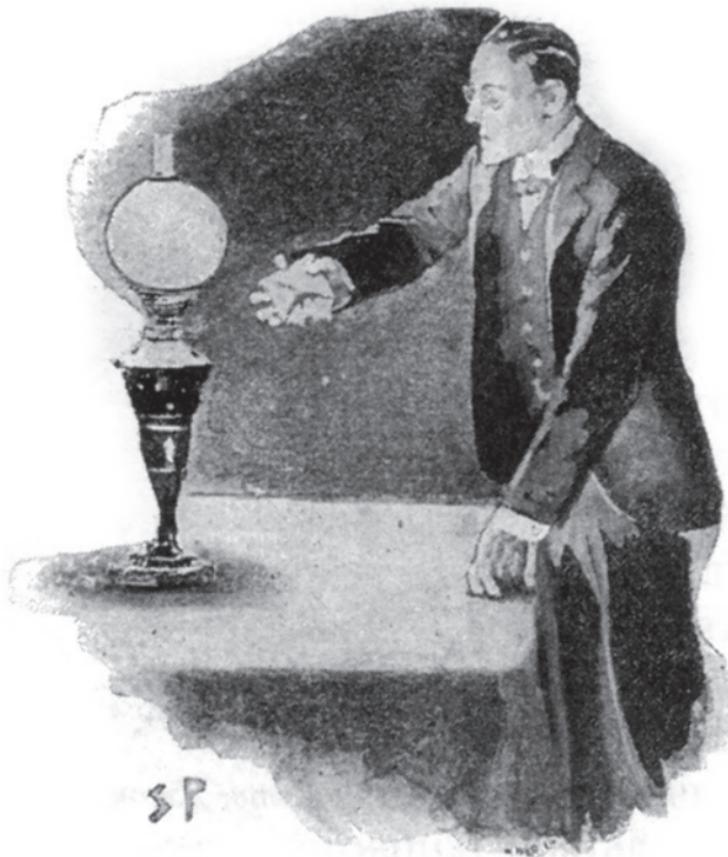
— Глупости! — воскликнул Шерлок Холмс. — Вы должны действовать, молодой человек, иначе вы погибли! Только энергия может спасти вас. Теперь не время отчаиваться!

— Я был в полиции.

— Ну и?

— Там меня выслушали с улыбкой. Я знаю, они считают письма глупой шуткой, а смерть моих родных приписывают несчастным случаям, не имевшим никакого отношения к угрозам.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

§P

Он достал смятый конверт и высыпал на стол пять сухих апельсиновых зернышек

Холмс с гневом поднял сжатые кулаки. — Неслы-ханная опрометчивость! — воскликнул он.

— Тем не менее, они дали мне полицейского, ко-торый должен дежурить в моем доме.

— Он приехал с вами сюда?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Нет, ему дано приказание оставаться у меня дома.

Холмс опять поднял руки и потряс ими в воздухе.

— Зачем только вы пришли ко мне? — спросил он. — А главное, почему вы не пришли сразу?

— Я ведь ничего не знал о вас. Только сегодня я поговорил с майором Предергастом, который и посоветовал мне обратиться к вам.

— Прошло уже два дня со времени получения письма. Нам следовало начать действовать раньше. У вас, вероятно, нет других фактов, кроме вот этих, каких-нибудь указаний, которые могли бы навести нас на нужный след?

— Есть еще кое-что, — сказал Джон Опеншоу. Он порылся в кармане сюртука, вытащил оттуда кусок голубоватой выцветшей бумаги и положил его на стол. — Я припоминаю, что когда дядя сжег бумаги, среди пепла были узкие несгоревшие полностью полоски такого же странного цвета. Этот единственный клочок я нашел в его комнате на полу. Подозреваю, что он случайно выпал из бумаг и поэтому не был уничтожен. Это, вероятно, страничка из дневника или записной книжки. В ней упоминается о зернах, но в остальном она вряд ли имеет для вас какую-нибудь ценность. Почерк, безусловно, моего дяди.

Холмс придинул к себе лампу, и мы оба наклонились над листком, рваный край которого ясно указывал, что он был вырван из тетради. Наверху была

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон прибыл. Та же старая платформа.

7-го. Зерна посланы Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.

9-го. Мак-Коули отчалил.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. Были у Парамора. Все хорошо.

— Благодарю вас, — сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее молодому человеку. — Теперь вы ни в коем случае не должны терять больше ни минуты. У нас даже нет времени подробно обсудить, что вы только что рассказали. Вы должны немедленно отправиться домой и действовать.

— Что же мне делать?

— Есть лишь одно дело, которое надо выполнить немедленно. Листок бумаги, который вы нам показали, нужно положить в металлический ящик. Затем вы вложите туда написанную вами записку, в которой объясните, что все прочие бумаги сожжены вашим дядей, и что осталась только эта. Постарайтесь написать так, чтобы правдивость ваших слов не подлежала никакому сомнению. Затем поставьте ящик на солнечные часы, как они этого требуют. Вы поняли?

— Вполне.

— Не думайте теперь ни о мщении, ни о чем-либо другом. Мы сможем достичь этого позже за-

конным путем. Нам еще нужно сплести свою собственную сеть, между тем как враг уже окружил своей жертву. Прежде всего, нужно избежать громадной опасности, которая над вами нависла. Затем мы должны приоткрыть завесу над этой тайной, и тогда виновные понесут наказание.

— Благодарю вас, — сказал наш гость, поднимаясь и надевая подсохший плащ. — Вы вернули меня к жизни. Я сделаю так, как вы говорите.

— Не теряйте время! И будьте бдительны. Нет сомнения, что вам угрожает реальная опасность. Каким образом вы намереваетесь возвратиться домой?

— Поездом с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти часов. Улицы пока оживленны, и я надеюсь, что вы будете в безопасности. И все-таки поостерегитесь.

— Я вооружен.

— Прекрасно. Завтра я займусь вашим делом.

— Значит, я буду ожидать вас в Хоршеме?

— Нет, ваша тайна в Лондоне, здесь я и буду ее искать.

— В таком случае, я навещу вас через несколько дней и сообщу о ящике и бумагах. Я во всем последую вашим советам.

Крепко пожав нам руки, он простился и вышел.

На дворе по-прежнему вил ветер, а дождь стучал в окна. Казалось, будто вырвавшаяся из оков стихия принесла нам эту удивительную историю подобно вырванному волнами пучку водорослей, которые бушующее море выкинуло на берег.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

Шерлок Холмс сидел молча, уставившись на яркое пламя в камине

Шерлок Холмс сидел молча, уставившись на яркое пламя в камине. Затем он зажег свою трубку, откинулся на спинку кресла и начал следить за кольцами дыма, которые медленно поднимались к потолку.

— Мне кажется, Ватсон, — сказал он наконец, — что такого фантастического случая у нас еще не было.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Разве только «Знак Четырех».

— Да, пожалуй, за исключением этого дела. Однако, я думаю, что Джон Опеншоу находится еще в большей опасности, чем угрожала тогда Шолто.

— Вы уже составили какое-нибудь мнение о характере этой опасности?

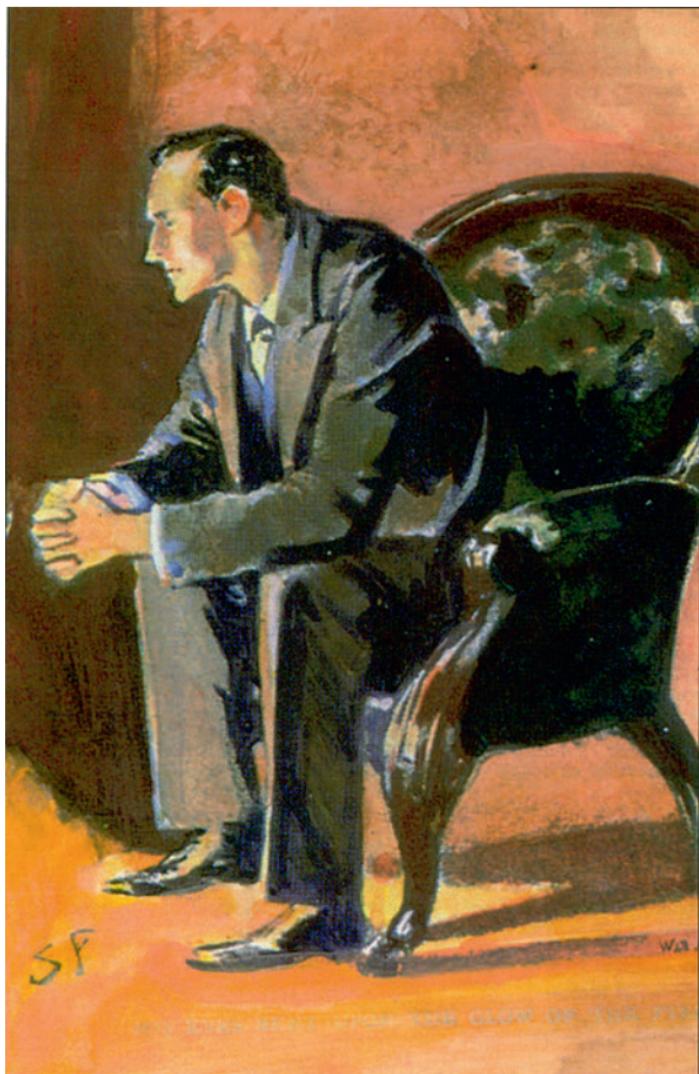
— В этом не может быть сомнений.

— Так скажите, ради бога, кто этот «К, К, К» и почему он преследует это несчастное семейство?

Шерлок Холмс закрыл глаза, облокотился на ручки кресла и сложил пальцы, как обычно он делал в минуты глубоких раздумий.

— Истинный мыслитель, — сказал он, — должен быть в состоянии по одному вполне для него ясному факту, вывести заключение как об обстоятельствах, которые из него вытекают, так и о событиях, ему предшествовавших, так же, как Кювье мог описать строение целого животного в результате изучения одной его кости. Мы слишком мало сознаем, что можно достичь умственной работой. С помощью науки можно решать задачи, которые невозможно решить только с помощью пяти чувств. Высшее же искусство достигается, когда исследователь умеет использовать все факты, доведенные до его сведения. Это требует, однако, таких универсальных знаний, которые даже в наше время свободного и всеобщего образования доступны лишь единицам. С другой стороны, я считаю возможным обладать всеми знаниями, которые могут быть полезными в моей профессии, и к достижению этой цели я энергично стрем-

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

Шерлок Холмс сидел молча, уставившись на яркое пламя
в камине

люсь. Насколько мне помнится, в первые дни нашей дружбы вы точно установили границы моих знаний и способностей.

— Как же, — ответил я, смеясь. — Это был забавный перечень. Философия, астрономия и политика, насколько я помню, были на нулевой отметке. По ботанике вы были образованы односторонне, зато в геологии знания были основательны, когда они имели отношение к следам грязи из любой местности в окрестностях Лондона. С химией дело обстояло блестящее, анатомия — без системы. Знания уголовной литературы — выдающиеся. Хороший боксер, фехтовальщик, юрист, — таковы, кажется, были главные результаты моего анализа.

Холмс засмеялся.

— Теперь я скажу то же, что и тогда: человек должен заполнять свою маленькую мозговую камеру тем, что ему может оказаться необходимым, все остальное он может спрятать в дальний уголок своей библиотеки, откуда доставать в случае надобности. Так дело обстоит и в случае, изложенном нам сегодня вечером — мы должны собрать все имеющиеся у нас сведения. Дайте мне, пожалуйста, том «Американской Энциклопедии» на букву «К»; он как раз стоит на полке позади вас. Благодарю! Ну-с, изучим это дело подробнее и посмотрим, что из него можно заключить.

Во-первых, мы имеем полное основание думать, что полковник Опеншоу имел серьезные причины покинуть Америку. Люди его возраста не меняют так

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

просто своих привычек и неохотно покидают прелестный климат Флориды, чтобы променять ее на уединенную жизнь в английском провинциальном городке. Его чрезмерная замкнутость и любовь к одиночеству в Англии дают основание предполагать, что он кого-то или чего-то боялся, и что именно этот страх заставил его уехать из Америки. Что это такое было, мы можем судить по ужасным письмам, которые получал он и его семья. Вы заметили почтовые штемпеля на конвертах?

— Первое было из Пондишери, второе — из Данди, а третье — из Лондона.

— Из Восточного Лондона. Какое заключение вы выводите из этого?

— Все это морские порты. Следовательно, автор писем находится на корабле.

— Превосходно! Вот у нас уже и есть одна нить. Безусловно, даже почти несомненно, что автор писем находился на корабле. Теперь второй пункт: после письма из Пондишери прошло семь недель между угрозой и ее исполнением. После письма из Данди — всего три или четыре дня. Что из этого следует?

— В первом случае нужно было проехать большее расстояние.

— Да, но это относится и к письму.

— Тогда я не понимаю, в чем дело.

— Следует с большой долей вероятности предположить, что этот человек или эти люди находятся на парусном судне. Насколько мне кажется, они посыпают свое странное предостережение или сигнал,

как только отправляются в путь для исполнения своего намерения. Вы видите, как быстро после письма из Данди последовала расправа. Если бы они отправились из Пондишери на пароходе, то прибыли бы почти в одно время с письмом. Однако, прошло семь недель. Мне кажется, что этот промежуток является разницей во времени между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и парусным судном, которое привезло его автора.

— Это возможно.

— Более чем возможно, это вероятно. Вы видите теперь, насколько безотлагательно наше новое дело, и почему я предупредил молодого Опеншоу, чтобы он был осторожен. Удар всегда настигает жертву по истечении того времени, какое требуется отправителю для переезда. Последнее письмо пришло из Лондона; следовательно, нельзя рассчитывать на отсрочку.

— Боже мой! — воскликнул я, — что же означает такое неумолимое преследование?!

— Бумаги, находившиеся у Опеншоу, по-видимому, весьма важны для лица или для лиц на судне. По всей вероятности, их несколько. Один человек вряд ли мог совершить два таких убийства. Это должны быть решительные и готовые на все люди. Они хотят получить бумаги, у кого бы они ни находились. Как мне кажется, эти три «К» являются не инициалами одного какого-нибудь лица, а скорее эмблемой целого общества.

— Какого общества?

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

— Вы никогда не слышали, — спросил Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос, о «Ку-клукс-клане»?

— Нет.

Холмс перевернул несколько страниц книги, лежавшей у него на коленях.

— Вот, что о нем пишут, — сказал он.

«Ку-клукс-клан. Слово этоозвучно со звуком взводимого затвора винтовки. Тайное общество, основанное несколькими военными Южной армии в Южных Штатах после гражданской войны. Быстро распространилось по всей стране, в особенностях в Теннесси, Луизиане, Каролине, Джорджии и Флориде. Оно служило политическим целям, главным образом, чтобы наводить ужас на избирателей негров, и тех, кто стремился к предоставлению неграм избирательных прав. Члены общества убивали или изгоняли из страны тех, кто действовали против их принципов. Их расправам предшествовало, обычно, предостережение, которое отправляли намеченной жертве. Это был странный, но легко узнаваемый знак. В одних штатах — пучок дубовых листьев, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получивший такое предостережение должен был или изменить свои убеждения, или немедленно покинуть страну. Если же он упорствовал, то неминуемо погибал, причем смерть настигала его самым удивительным и неожиданным образом. Организация общества была настолько совершенна, а его методы так продуманы, что почти не было слу-

чая, когда кому-нибудь удавалось безнаказанно ему воспротивиться. Никто не знал ни руководителей, ни исполнителей преступлений. В течение многих лет общество постепенно разрасталось, несмотря на все усилия правительства и влиятельнейших лиц Южных Штатов. Однако в 1869 году его деятельность прекратилась, и с того времени оно лишь изредка давало о себе знать отдельными вспышками насилия».

— Заметьте, — сказал Холмс, откладывая книгу в сторону, — что внезапное прекращение действий этого тайного общества совпадает с тем временем, когда Опеншоу уехал из Америки с бумагами. Как знать, быть может здесь и надо искать и причины, и следствия. Если это так, то нет ничего удивительного в том, что некоторые из наиболее непримиримых членов общества преследовали полковника и его родных. Вы понимаете, какое огромное значение могут иметь для некоторых из высокопоставленных людей Юга эти порочащие их заметки. Они не будут спокойно спать до тех пор, пока бумаги снова не окажутся в их руках.

— В таком случае страничка, которую мы видели, содержала...

— То, что и следовало ожидать. В ней было сказано, если не ошибаюсь, что зерна доставлены А, В и С. Это значит, что этим людям было послано предупреждение. Затем следовали примечания, судя по которым А и В уступили или выехали, а С, боюсь, кончил скверно. Итак, доктор, я надеюсь, что нам удаст-

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

ся приподнять завесу тайны над этой темной историей, а пока молодому Опеншоу остается лишь следовать моему совету. Однако, дальнейшие разговоры и дела сегодня излишни, а поэтому передайте мне, пожалуйста, скрипку! Постараюсь на полчаса забыть про ужасную погоду и еще более ужасные людские поступки.

К утру небо прояснилось, и яркое сияло сквозь серый туман, обыкновенно висящий над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился в столовую.

— Извините, пожалуйста, что я вас не подождал, — сказал он, — вероятно, мне предстоит сегодня много поработать по делу молодого Опеншоу.

— Каковы будут ваши первые шаги?

— Это зависит от результатов моих первых поисков. Быть может, мне все-таки придется съездить в Хоршем.

— Почему бы с этого и не начать?

— Нет, я начну свои поиски с Сити. Позвоните, пожалуйста. Пусть нам подадут кофе.

В ожидании завтрака я взглянул мельком на еще неразвернутую газету. Взор мой упал на заголовок, от которого на меня пахнуло холодом.

— Холмс! — воскликнул я, — вы опоздали!

— Что? — ответил он, ставя на стол свою чашку. — Я этого и боялся! Как это случилось? — Он говорил спокойно, но я видел, что он сильно взъерошен.

*Взор мой упал на заголовок, от которого на меня пахнуло
холодом*

Мне бросилась в глаза фамилия Опеншоу, я взглянул на заголовок и прочел: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было написано в статье:

«Вчера вечером, между девятью и десятью часами, констебль Кук, стоявший на своем посту близ моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была темная и бурная. Поэтому, несмотря на помощь нескольких прохожих, спасти упавшего в воду не удалось. Была вызвана речная полиция, которой удалось извлечь тело несчастно-

го. Утонувший — молодой человек, Джон Опеншоу, живущий в Хоршеме, как это выяснилось по конверту, который был найден в его кармане. Предполагают, что он хотел поспеть к последнему поезду, отходившему с вокзала Ватерлоо. Спеша, он попал в темноте на узкие мостки для речных пароходов, и, очевидно, оступился. На трупе не было найдено никаких следов насилия, так что покойный является, по-видимому, жертвой несчастного случая, который должен указать властям на небезопасное устройство речных пристаней».

Мы несколько минут сидели молча. Холмс был угнетен и подавлен, как никогда.

— Это удар по моему самолюбию, Ватсон,— сказал он, наконец.— Быть может это мелкое чувство, но, повторяю, моя гордость оскорблена. Теперь я смотрю на это, как на мое личное дело, и, если бог сохранит меня, шайка эта от меня не уйдет. Какой позор! Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть!

Холмс вскочил со стула и в страшном волнении начал ходить взад и вперед по комнате. Его обычно бледное лицо теперь горело, а длинные тонкие пальцы хрустели, когда он нервно сжимал и разжимал руки.

— Ловкие черти! — воскликнул он наконец. — И как только им удалось заманить его к реке? Пристань совсем не по пути на вокзал. Очевидно, на мосту даже в такую ночь было слишком оживленно для выполнения их замысла. Ладно, Ватсон, мы еще посмотрим, чья возьмет. Я ухожу.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В полицию?

— Нет. Я сам буду полицией. Когда я плету свою сеть, она может ловить в нее мух, но не раньше.

Целый день я был занят практикой и только поздно вечером вернулся на Бейкер-стрит. Шерлок Холмс еще не вернулся. Наконец, около десяти часов вечера он вошел, бледный и утомленный. Он подошел к буфету, отломил кусок хлеба, и начал с жадностью жевать его, запивая большими глотками воды.

— Вы голодны, — заметил я.

— Я ужасно проголодался. Совершенно забыл, что с самого утра ничего не ел.

— Ничего?..

— Ни крошки. Мне было некогда об этом думать.

— Что-нибудь узнали?

— Много.

— Напали на след негодяев?

— Они в моих руках. Джон Опеншоу скоро будет отомщен. Мы пошлем им, Ватсон, их собственный дьявольский знак. Разве не ловко придумано?

— Что вы задумали?

Холмс достал из буфета апельсин, разрезал его и выдавил косточки на стол. Затем он отобрал из них пять штук и вложил в конверт. На его внутренней стороне он написал: «Ш. Х. за Д. О.», затем запечатал конверт и написал на нем следующий адрес: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник „Одинокая звезда“, Саванна, Джорджия».

— Это письмо будет ждать Келгугна при входе в гавань, — сказал он, злорадно улыбаясь. — Оно за-

ПЯТЬ АПЕЛЬСИНОВЫХ ЗЕРНЫШЕК

ставит его провести бессонную ночь и послужит для него столь же верным предзнаменованием, как и его письмо к Опеншоу.

— Кто этот капитан Келгун?

— Предводитель всей шайки. Остальных я поймаю после. Первая очередь за ним!

— Каким образом вы напали на его след?

Холмс вынул из кармана большой лист бумаги, весь исписанный именами и числами.

— Я целый день просидел над актами и регистрационными журналами у Ллойда, прослеживая рейсы всех судов, прибывавших в Пондишери в январе и феврале 1883 года. В течение этого времени туда прибыло тридцать шесть крупнотоннажных судов, и один из них, «Одинокая звезда», тотчас же обратил на себя мое внимание. По регистру он значится прибывшим из Лондона, между тем как «Одинокая звезда» — это неофициальное название одного из штатов Америки.

— Кажется, Техаса.

— Я в этом не уверен. Несомненно лишь, что судно американское.

— И что было дальше?

— Затем я порылся в отчетах порта Данди, и когда выяснил, что «Одинокая звезда» была там в январе 1885 года, мое подозрение обратилось в уверенность. Я справился о судах, стоящих теперь в лондонской гавани. «Одинокая звезда» прибыла туда на прошлой неделе. Я отправился в доки Альберта и узнал, что судно ушло сегодня вниз по реке с утрен-

ним приливом, чтобы направиться обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что корабль уже прошел мимо, а так как теперь восточный ветер, то судно должно быть уже за мелью Гудуин, недалеко от острова Уайт.

— И что теперь делать?

— А то, что теперь Келгун в моих руках. На судне только он и два матроса уроженцы Америки; остальные — немцы и финны. Затем я узнал, что прошлой ночью всех трех не было на судне. Это мне сообщил грузчик, который грузил «Однокую Звезду». На подходе к Саванне почтовый пароход доставит письмо, а тамошняя полиция уже извещена по телеграфу, что эти три молодчика разыскиваются здесь по подозрению в убийстве.

Однако, как ни хитро строит человек свои планы, они порой рушатся. Убийцы Джона Опеншоу не получили и никогда не получат пяти зернышек апельсина, которые показали бы им, что человек, не менее ловкий и решительный, чем они сами напал на их след.

Равноденственные бури были в тот год особенно жестоки и продолжительны. Напрасно мы ждали известий из Саванны об «Однокой Звезде». Мы их не дождались. Лишь позже, мы, наконец, узнали, что где-то далеко в Атлантическом океане была найдена заливаемая волнами разбитая корма какого-то судна. На ней были вырезаны буквы «О» и «З». И это все, что до нас дошло о судьбе «Однокой Звезды».

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, доктора богословия и ректора духовной семинарии в Сент-Джордже, был страстным курильщиком опиума. Насколько мне известно, все началось еще в колледже. Начитавшись о чувствах и грезах де Күинси, он начал подмешивать к своему табаку опий, чтобы испытать, по возможности, такие же чувства. Тут с ним случилось то же, что и со многими другими: вскоре он убедился, что привыкнуть к чему-либо легче, нежели отвыкнуть. В результате он в течение многих лет был рабом этого яда, вызывая ужас и сожаление у своих друзей и родственников. Я и теперь как бы вижу его перед собой, с ногами на кресле, с желтым, одутловатым лицом, с отекшими веками и сузившимися до величины булавочной головки зрачками — жалкие развалины когда-то цветущего человека.

Однажды вечером в июне 1880 года, приблизительно в тот час, когда начинаешь зевать и смотреть на часы, в моей квартире раздался звонок. Я досадно вздохнул, а жена опустила с недовольным лицом свое шитье на колени.

— Пациент, — сказала она. — Тебе придется еще раз выйти из дома.

Я вздохнул, ибо только что вернулся домой после тяжелой работы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Послышался стук дверей и поспешные шаги по коридору. Затем распахнулась дверь и в комнату вошла дама в темном платье и под черной вуалью.

— Простите, пожалуйста, мой поздний визит, — начала она, но вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене и громко зарыдала, обняв ее за шею.

— Ах, я в ужасном положении! — воскликнула она. — Мне так необходимо чье-нибудь участие.

— Да это никак Кэти Уитни? — сказала моя жена, подняв вуаль нашей гостьи. — Как ты меня, однако, испугала, Кэти! Когда ты вошла, я не имела понятия, кто это.

— Ах, я не могла найти другого решения и примчалась к тебе.

Это была обычная история; люди, попавшие в затруднительное положение, устремлялись к моей жене, подобно тому, как птицы слетаются во время бури к маяку.

— Очень мило с твоей стороны, рада тебя видеть. Выпей, прежде всего, стакан воды с вином, отдохни здесь в кресле, а затем расскажи нам все. Или ты, быть может, хочешь поговорить со мной наедине, тогда мы отправим Джеймса спать.

— О нет, нет! Напротив, мне нужен также совет и участие доктора. Дело идет о моем муже. Вот уж два дня как он не возвращается домой, и я страшно волнуюсь за него!

Не в первый раз она говорила с нами о своем несчастном муже; со мной как с врачом, а с женой как со старой приятельницей и подругой по школе. Мы ста-

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

рались успокоить и утешить ее. Я спросил, знает ли она, где находится ее муж, и не можем ли мы помочь ей доставить его домой.

Именно об этом она и хотела нас попросить. Она узнала, что ее муж стал в последнее время посещать притон для курильщиков опиума, находящийся на восточной окраине города. До сих пор эти посещения всегда ограничивались одним днем, после чего онозвращался вечером домой, разбитый и усталый. Однако на этот раз он уже сорок восемь часов находится под игом своей страсти и валяется, без сомнения, среди различных отбросов общества, чтобы вдыхать ядовитые испарения и грезить под их влиянием. Она убеждена, что его можно, наверное, найти в «Золотой мечте» на Эппер-Суондем-стрит. Но что она может сделать? Не может же она, молодая и робкая женщина, зайти в такой вертеп и вытащить мужа из среды грубой черни, которая там собирается.

Да, это верно, и в действительности был только один исход. Не смогу ли я сопровождать ее? Или будет, в конце концов, лучше, если я отправлюсь туда один. Я был врачом у ее мужа и имел на него некоторое влияние. Один я буду менее стеснен в своих поступках. Я дал ей слово, что через два часа пришлю ее супруга в кэбе домой, если, конечно, найду его в указанном месте. Не прошло и четверти часа, как я покинул мое кресло и уютный кабинет, чтобы ехать по делу, которое заранее казалось мне довольно странным, хотя только впоследствии, выяснилось, насколько странным оно оказалось.

Вначале все шло без особых затруднений. Эппер-Суондем-стрит представляет собой грязный переулок, который проходит позади огромных пакгаузов. Они тянутся вдоль северной стороны Темзы на восток до Лондонского моста. Притон, который я искал, находился между лавчонкой, торгующей старыми платьями и кабачком. Крутая лестница вела вниз в какую-то дыру, темную, как угольная шахта. Я приказал кэбмену подождать меня и спустился вниз по ступенькам, которые от беспрестанной ходьбы пьяных ног были сильно стерты посередине. При мигающем свете керосинового светильника над дверью я отыскал щеколду и вошел в длинную низкую комнату, наполненную густым бурым дымом от опиума и уставленную деревянными койками, как на баке корабля, перевозившего эмигрантов.

Среди этого чада едва можно было различить человеческие фигуры, которые лежали вокруг в странных фантастических позах: с приподнятыми плечами, согнутыми коленями, откинутыми назад головами и с торчащими вверх подбородками. То тут, то там я замечал тусклый взгляд, безучастно смотрящий на вновь пришедшего посетителя. В некоторых местах, между темными силуэтами вспыхивали маленькие красноватые кружочки. Они становились светлее или более тусклыми, в зависимости от того, увеличивался ли или уменьшался тлеющий огонек в металлических трубках с ядом. Большинство людей лежали молча, некоторые, однако, что-то бормотали про себя, а другие разговаривали между собой какими-то

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Он смотрел неподвижно на огонь, подперев голову руками

странными, тихими, монотонными голосами, произнося отрывистые фразы и вдруг умолкая. Каждый предавался безотчетному течению своих мыслей и видений, мало интересуясь тем, что говорит сосед. На противоположной стороне комнаты стояла небольшая жаровня с тлеющими углами, возле нее на трехногом стуле сидел сухощавый старик; он смотрел неподвижно на огонь, подперев голову руками, его локти упирались в колени.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Когда я вошел, ко мне подскочил грязный малаец с трубкой и порцией опиума и хотел указать мне свободную койку.

— Благодарю вас, я не собираюсь тут оставаться, — сказал я. — Здесь находится мой друг, господин Айза Уитни, я хочу с ним поговорить.

При этих словах справа от меня что-то зашевелилось, и я услышал неопределенное восклицание. Я посмотрел в ту сторону и среди дыма увидел Уитни. Он сидел бледный, с всклокоченными волосами, его дикий блуждающий взор, устремился на меня.

— Боже мой, это вы, Ватсон! — сказал он. — Теперь у него наступило жалкое состояние реакции после наркотического опьянения, и каждый нерв его дрожал.

— Который час, Ватсон?

— Скоро одиннадцать.

— А день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Боже милостивый! Я думал, что сегодня среда... Конечно, среда. Зачем вы так подшутили надо мной? — Он закрыл лицо руками и громко зарыдал.

— Уверяю вас, что сегодня пятница, несчастный вы человек! Ваша жена ждет вас уже два дня. Стыдитесь самого себя!

— Я и стыжусь. Но вы ошибаетесь, Ватсон, потому что я всего два часа здесь... Три или четыре трубы... да, я уже не помню, сколько... Я поеду с вами домой, не хочу огорчать Кэт, мою бедную милую Кэт. Дайте мне вашу руку! Есть у вас кэб?

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Да. Он ждет у дверей.

— Так я поеду. Да? Кажется, я кое-кому здесь должен. Устройте это, Ватсон. Я ничего не соображаю и совершенно беспомощен.

Чтобы не вдыхать отвратительный одуряющий дым, я старался задерживать дыхание, когда пошел вперед по узкому проходу между двумя рядами спящих, чтобы отыскать хозяина. Проходя мимо худощавой фигуры, сидящей у жаровни, я вдруг почувствовал, что кто-то дернул меня за полу, и тихий голос прошептал: «пройдя мимо меня, обернитесь». Эти слова вполне отчетливо достигли моего слуха. Я посмотрел вокруг. Их мог произнести только сидящий у прохода сморщеный и согбенный стариk, а между тем он по-прежнему сидел неподвижно с безучастным видом. Его трубка лежала между коленями, как будто она только что выскользнула из его ослабевших пальцев. Я прошел вперед два шага, оглянулся и мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не вскрикнуть от изумления. Старик повернулся таким образом, чтобы кроме меня его никто не видел. Его фигура выпрямилась, морщины исчезли, тусклые глаза снова вспыхнули... Короче говоря, человек, сидевший у огня и потешавшийся над моим изумлением, был никто иной, как Шерлок Холмс! Он сделал незаметный знак рукой, чтобы я приблизился, и когда его лицо повернулось к соседям, он снова принял прежний вид расслабленного старика.

— Холмс! — прошептал я, — как вы попали в эту дыру?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Говорите как можно тише, — ответил он. — У меня отличный слух. Будьте так добры, постарайтесь избавиться от своего одуревшего приятеля; мне бы очень хотелось с вами поболтать.

— У входа меня ждет кэб.

— Так отправьте в нем вашего друга домой. Теперь это не опасно: он уже настолько осовел, что не выкинет никакого фокуса. Я посоветовал бы также уведомить через кэбмена вашу жену, что у нас с вами есть дело. Подождите меня немного на улице, через пять минут я выйду.

Отказать Шерлоку Холмсу в чем-нибудь было очень трудно, он излагал свои просьбы всегда так спокойно и решительно, как будто это были приказы. К тому же я сообразил, что, усадив Уитни в кэб, я исполню по отношению к нему все мои обязанности. У меня же появляется возможность поучаствовать в одном из удивительных приключений, которые были привычны для моего друга. Что могло быть интереснее? Я моментально написал записку жене, уплатил по счету Уитни и усадил его в кэб, который быстро скрылся в ночном мраке.

Вскоре после этого из притона показалась фигура старика, и рядом со мной зашагал Шерлок Холмс. Две улицы он прошел, с трудом двигаясь, сгорбившись и ковыляя. Затем он осмотрелся, выпрямился и громко расхохотался.

— Признайтесь, Ватсон, вы, наверное, думаете, — сказал он, — что к вспрыскиванию кокаина и всем прочим слабостям, по поводу которых вы мне

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Холмс! — прошептал я, — как вы попали в эту дыру? читали медицинские лекции, прибавилось еще и курение опиума.

— Во всяком случае, я был поражен, увидев вас в этом притоне.

— Не более, чем я, когда заметил вас.

— Я искал здесь друга.

— А я — врага.

— Врага?

— Да, одного из моих врагов или, правильнее сказать, мою добычу. Одним словом, Ватсон, я теперь занят удивительным делом, и я надеялся найти ключ к его разгадке в бессвязном бреду этих курильщиков опиума. Прежде мне не раз это удавалось. Однако, если бы меня узнали в этом притоне, я мог бы расстаться со своей жизнью, поскольку я и раньше извлекал из таких посещений кое-что для своих целей, и негодяй малаец, слуга владельца притона, поклялся мне отомстить. На задках этого дома возле верфи Святого Павла есть потайная дверь. Она могла бы рассказать многое ужасного про то, что из нее выбираются в реку в безлунные ночи!

— Неужели трупы?..

— Да, Ватсон. Мы с вами стали бы богачами, если бы получали по тысяче фунтов стерлингов за каждого несчастного, которого заставили умолкнуть навеки в этой трущобе. Это самое настоящее разбойничье гнездо на всем берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клер попал в него, чтобы больше никогда не возвратиться домой. — Холмс сунул в рот два пальца и громко свистнул. В ответ на этот сигнал издали раздался такой же свист, и вслед за ним послышался стук колес и топот лошадиных копыт. — Ну, Ватсон, что вы решили? — спросил Холмс, когда из темноты показалась двуколка, освещавшая дорогу двумя фонарями.— Вы едете со мной?

— С удовольствием, если смогу быть полезным.

— Верный друг всегда полезен, в особенности

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

если он в то же время и писатель. В моей комнате на вилле «Под Кедрами» две кровати.

— «Под Кедрами»?

— Да, это дом мистера Сент-Клера, я там живу, распутывая это дело.

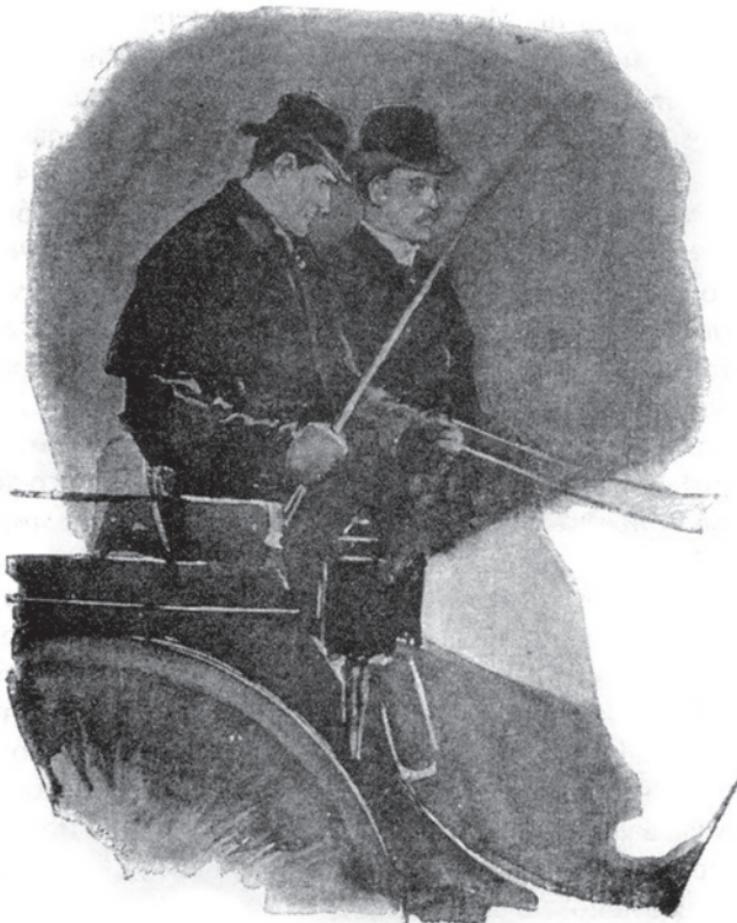
— Где это?

— Около Ли, в Кенте. Мы должны проехать семь миль.

— Но я ведь ничего не знаю об этом деле.

— Сейчас вы все узнаете. Садитесь! Ладно, Джон, мы будем править сами. Вы нам больше не нужны, вот вам полкроны. Завтра ждите меня около одиннадцати. Давайте вожжи. Вперед!

Холмс слегка ударила лошадь кнутом, и мы понеслись по бесконечным, темным, пустынным улицам, которые постепенно становились все шире. Наконец, мы переехали через широкий мост, под которым медленно текла мутная река. За мостом опять пошли пустынные улицы. Стояла мертвая тишина, изредка нарушенная лишь мерными шагами полицейских или пьяными возгласами, запоздавших гуляк. По небу плыли темные облака и только изредка сквозь них виднелись тусклые звезды. Холмс пра-вил молча, голова его была опущена на грудь; у него был вид человека, совершенно погруженного в свои мысли. Я сидел рядом и напряженно ожидал, когда он расскажет мне о новом случае, который, казалось, поглотил все его мысли. Однако я не решался прервать его размышлений. Мы уже проехали несколько миль и достигли границы, за которой на-

*Мы понеслись по бесконечным, темным, пустынным улицам
чинались загородные виллы, когда Холмс вдруг вы-
прямился, пожал плечами и закурил трубку с видом
человека, который доволен собой и делает все, что
в его силах.*

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Природа наделила вас великим даром: вы умеете молчать, Ватсон, — сказал он, — и это делает вас неоценимым помощником. Право, для меня чрезвычайно важно иметь рядом кого-нибудь, с кем я бы мог поговорить, поскольку мои собственные мысли меня не слишком развлекают. Я только что думал о том, что мне сказать этой милой женщине, когда она сегодня вечером начнет меня расспрашивать.

— Вы забываете, что я все еще ничего не знаю.

— Пока мы доедем до Ли, я как раз успею рассказать вам подробности этого дела. Оно кажется мне до смешного простым, и все-таки я не знаю, как мне за него взяться. Нитей у меня сколько угодно, но настоящего конца, за который нужно ухватиться, я найти не могу. Постараюсь ясно и подробно изложить все факты. Возможно, Ватсон, для вас блеснет луч света там, где для меня все темно.

— Начинайте же, прошу вас.

— Несколько лет тому назад, или, точнее говоря, в мае 1884 года, в Ли приехал один джентльмен, некто Невилл Сент-Клер, по всем признакам весьма состоятельный человек. Он приобрел большую виллу, разбил прекрасные сады и зажил во всех отношениях на широкую ногу. Мало-помалу он сблизился с соседями и женился в 1887 году на дочери владельца местного пивоваренного завода, от которой у него теперь уже двое детей. Определенной профессии у него не было, но он участвовал в различных предприятиях, уезжал каждое утро в город и возвращался домой вечером с поездом, прибывавшим в 5 ча-

сов 14 минут. Ему теперь тридцать семь лет; он человек солидный, примерный муж, заботливый отец; он любим всеми, кто его знает. К этому следует прибавить, что, на основании собранных мною справок, все его долги составляют в настоящее время 88 фунтов и 10 шиллингов, в банке же лежат 220 фунтов. Следовательно, нет оснований предполагать, что он находится в стесненных материальных обстоятельствах.

В минувший понедельник Невилл Сент-Клер уехал в город раньше обычного, предупредив, что у него есть два важных дела, и обещав привезти сыну ящик с кубиками. В то же утро, после его отъезда, его жена получила телеграмму о том, что в контору Эбердинского пароходства прибыла довольно ценная посылка, которую она давно ожидала. Если вы знаете Лондон, то вероятно помните, что контора этого общества находится на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-стрит, где мы с вами сегодня встретились. Мисс Сент-Клер позавтракала и затем уехала в город. Сделав несколько покупок, она взяла в конторе свою посылку и шла по направлению к вокзалу ровно в 4 часа 35 минут по Суондем-стрит. До сих пор вам все ясно, не так ли?

— Разумеется, тут нет ничего неясного.

— Если вы помните, в понедельник было очень жарко. Поэтому мисс Сент-Клер шла медленно и оглядывалась по сторонам, надеясь встретить кэбмена, этот район казался ей не вполне безопасным. И вот, идя по Суондем-стрит, она вдруг услыхала

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

крик и оцепенела от неожиданности, увидев своего мужа, который смотрел на нее из окна во втором этаже одного дома и, как ей показалось, подзывал ее рукой. Окно было открыто, и она ясно разглядела его лицо, которое по ее описанию казалось страшно взволнованным. Он сильно замахал руками и исчез из окна так быстро, как будто какая-то непреодолимая сила втащила его внутрь. И еще одно странное обстоятельство не скрылось от ее острого женского взора: хотя муж ее был в том же самом костюме, в котором уехал из дома, он стоял у окна без накладного воротничка и без галстука.

Убежденная в том, что с мужем случилось что-то неладное, она бросилась по ступенькам вниз, а этот дом был притоном для курильщиков опиума, пробежала через переднюю и хотела подняться по лестнице, ведущей на второй этаж. Однако навстречу ей бросился Лескар, тот негодяй малаец, о котором я уже вам говорил. Он остановил ее и вытолкнул с помощью своего подручного на улицу. Полная отчаяния и подозрений, она побежала по улице и, по счастливой случайности, встретила на Фреснострийт нескольких полицейских, которые в сопровождении инспектора совершали обход. Инспектор и двое констеблей возвратились с ней в дом и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, проникли в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Однако ни там, ни на всем этаже не оказалось никого, кроме уродливого калеки-нищего, который, очевидно, там жил. Хозяин клялся, что кроме этого калеки в ком-

нате с самого полудня никого не было. Уверения эти были так искренни и правдоподобны, что инспектор уже был склонен думать, что мисс Сент-Клер обозналась, как вдруг она с криком отчаянья подбежала к деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку; из ящика посыпались деревянные кубики. Именно такую игрушку муж обещал привезти из города своим детям.

Это открытие и явное смущение нищего убедили инспектора в серьезности дела. Все комнаты в доме были тщательно обысканы, и результаты этого обыска указали на ужасное преступление. Передняя комната представляла собой плохо обставленное помещение, нечто вроде гостиной. Она вела в небольшую спальню с окном, выходившим на задворки верфи. Между окном и верфью находится узкий канал. Во время прилива он заполняется водой, которая поднимается, по крайней мере, на четыре или пять футов. Окно это широкое, оно двигается снизу вверх. В гостиной за занавеской была найдена брошенная в кучу одежда Невилла Сент-Клера. Здесь было все: его сапоги, носки, шляпа, часы и прочее за исключением сюртука. Нигде не было видно признаков насилия, но не было и никаких следов присутствия Сент-Клера. По всей вероятности, он был выброшен через окно, так как другого пути не было, а подозрительные кровяные пятна на подоконнике оставляли мало надежды на то, чтобы он мог спастись вплавь, потому что вода во время этого ужасного происшествия стояла очень высоко.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Навстречу ей бросился Лескар

О двух негодяях, которые могли быть замешанными в этом деле, узнали следующее. Лескар известен как человек с темным прошлым. По рассказу мисс Сент-Клер, он уже через несколько секунд после появления ее мужа в окне уже стоял внизу, поэтому его можно было причислить лишь к соучастникам преступления. Он утверждает, что не имеет никакого отношения к этому делу. Малаец утверждает, что ничего не знает о своем жильце Хьюго Буне и не может дать никаких объяснений, каким образом в комнату попали вещи исчезнувшего джентльмена.

Вот все, что касается малайца. Об ужасном же калеке-нищем, который был, несомненно, последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера, выяснилось, что он живет во втором этаже над притоном. Его зовут Хьюго Бун. Всякий, кто бывает в Сити, знает его отталкивающее, ужасное лицо. Он профессиональный нищий, но для отвода глаз полиции делает вид, что торгует восковыми спичками. Недалеко, вниз по Тред-Нидл-стрит, с левой стороны у одного дома есть небольшая ниша. На этом месте он сидит каждый день, скрестив ноги, с небольшим запасом своего товара на коленях. Вид его возбуждает такую жалость у прохожих, что в его засаленную шапку, лежащую перед ним на земле, сыплятся обильный дождь подаяний. Я не раз наблюдал за ним еще до начала этого дела, и всегда удивлялся обильному сбору, который он получал в течение весьма короткого времени. Облик его настолько бросался в глаза, что заставлял каждого прохожего обращать на него

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Его зовут Хьюго Бун. Он профессиональный нищий

внимание. Вообразите себе шапку светло-рыжих волос, бледное лицо, обезображенное отвратительным шрамом, рассекшим верхнюю губу, бульдожий под-

бородок, хитрые проницательные глаза, резко отличающиеся своим темным цветом от светлых волос — вот что бросается в глаза каждому и выделяет Буна из числа обычных нищих. Кроме того, он популярен благодаря своему остроумию и умению ответить на каждое случайное словцо шутливой прибауткой. И этот человек является жильцом в притоне курильщиков опiumа и, вероятно, именно он последним видел человека, которого мы ищем.

— Но ведь он калека! — возразил я. — Что мог он сделать с сильным и крепким мужчиной?

— Мы судим о егоувечье исключительно по тому, что он ходит с костылем, однако во всем остальном он производит впечатление сильного мускулистого типа. Вам, как врачу, вероятно, известно, что слабость одной какой-нибудь конечности часто уравновешивается необычайной силой других.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Когда мисс Сент-Клер увидела на подоконнике пятна крови, она впала в полуобморочное состояние, и полиция увезла ее домой, тем более, что для дальнейшего расследования ее присутствие уже не требовалось. Это дело было поручено полицейскому инспектору Бартону, который после тщательного расследования всех обстоятельств так ничего и не выяснил. Правда, он совершил ошибку, не арестовав тотчас Буна, и у того была возможность переговорить со своим приятелем малайцем. Впрочем, эту ошибку сразу исправили, арестовав и обыскав его, но не нашли, однако, против него никаких улик. Пра-

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

вый рукав его рубашки был замаран кровью, но он объяснил это тем, что порезал четвертый палец около ногтя, и предположил, что пятна, замеченные на подоконнике, возникли именно из-за этого, поскольку он не так давно подходил к окну. Мистера Невилла Сент-Клерса он никогда не видел, а присутствие его одежды в комнате считал для себя так же непонятным, как и для полиции. Относительно показаний мисс Сент-Клер, будто она видела своего мужа у окна, он сказал, что она или помешанная, или все это ей пригрезилось. Буна, несмотря на его бурный протест, отправили в полицейский участок, а инспектор остался ожидать отлив в надежде найти новые улики. И действительно, отлив кое-что принес, хотя и не то, чего все ожидали и боялись. На дне в липкой грязи оказался не сам Невилл Сент-Клер, а лишь его пиджак. И как вы думаете, что нашли в его карманах?

— Не могу себе представить.

— Да я и не предполагал, что вы отгадаете. Все карманы были набиты мелкой монетой, — четыреста двадцать один пенни и двести семьдесят полупенни. Понятно, что вода не смогла унести пиджак; он был слишком тяжел, хотя между верфью и домом течение весьма быстрое. Пиджак остался на дне, а мертвое тело с отливом было унесено в реку.

— Но вы сказали, что остальная одежда была найдена в комнате. Неужели же на убитом был только один пиджак?

— Нет, но это легко объяснить. Предположим, что никто не видел, как Бун выбросил в окно тело

Невилла Сент-Клер. Что следовало ему делать после этого? Он должен был бы тотчас деть куда-нибудь его одежду. Он схватил пиджак, чтобы выбросить его в окно, но сообразил, что тот поплынет, а не пойдет ко дну. Времени оставалось мало; внизу уже был слышен голос мисс Сент-Клер, которая хотела ворваться в комнату. Кроме того, его приятель малаец, может быть, дал знать о приближении полиции. Тогда Бун бросился к тайному уголку, где хранятся его медяки, быстро набил ими карманы пиджака и выбросил его за окно, чтобы он наверняка пошел ко дну. Остальную одежду он выбросить не успел, внизу уже были слышны шаги, и у него едва хватило времени, чтобы захлопнуть окно.

— Это, конечно, весьма вероятно.

— Хорошо. Будем считать за неимением других, эту гипотезу рабочей. Как я уже сказал, Буна арестовали и отвели в участок, хотя раньше за ним не числилось никаких провинностей. Он всегда вел спокойную и трезвую жизнь, прося милостыню уже несколько лет. Вот положение дела в настоящее время, и вот вопросы, требующие ответов: что делал Невилл Сент-Клер в притоне для курильщиков опиума? Что с ним случилось? Где он теперь, и в чем заключается роль Хьюго Буна в этой истории? Эти вопросы с самого начала остаются неразрешенными, и я не припомню такого дела, которое сперва показалось бы мне столь простым, а позже вызвало бы столько затруднений.

Пока Шерлок Холмс излагал весь ход событий, мы уже миновали предместья громадного города и

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

58

Бун быстро набил медяками карманы пиджака

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

поехали по деревенской дороге, которая с обеих сторон была огорожена заборами. К концу его рассказа мы проехали мимо двух деревень, где в некоторых окнах уже светились огоньки.

— Мы въезжаем в Ли, — сказал мой спутник. — Во время нашей поездки мы побывали на территории трех графств. Мы выехали из Миддлсекса, пересекли Сэrrи и попали в Кент. Видите свет за деревьями? Это вилла «Под Кедрами»; там у лампы сидит женщина, которая своим чутким слухом, вероятно, уже уловила топот копыт нашей лошади.

— Почему вы не ведете это дело, живя на Бейкерстрит? — спросил я.

— Потому что мне необходимо большую часть расследования проводить именно здесь. Мисс Сент-Клер была весьма любезна, предоставив две комнаты в мое полное распоряжение. Можете быть уверены, что и вас она примет радушно, как моего друга и приятеля. Пока мне нечего сообщить ей что-либо о ее муже, мне тяжело с ней встречаться. Вот, мы и приехали!..

Мы остановились перед большим домом, окруженным лугами и садом. Из конюшни выбежал конюх и увел нашу лошадь, взяв ее под уздцы. Я пошел за Холмсом к дому по дорожке, усыпанной щебнем. В это время на пороге входной двери показалась небольшого роста блондинка. На ней было светлое летнее платье, украшенное розовым шифоном. Ее фигурка резко выделялась на ярко освещенном фоне. Придерживая одной рукой ручку двери, она подня-

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

ла другую ко лбу, слегка нагнувшись вперед и вытянув шею. Ее испытующий взор и полуоткрытые губы были олицетворением вопроса.

— Ну, что? — громко воскликнула она.

У нее вырвалось радостное восклицание, когда она заметила, что нас двое. Однако это восклицание перешло в стон, когда она увидела, что мой друг отрицательно покачал головой и пожал плечами.

— Хороших новостей нет?

— Нет.

— Значит, нет и дурных?

— Тоже нет.

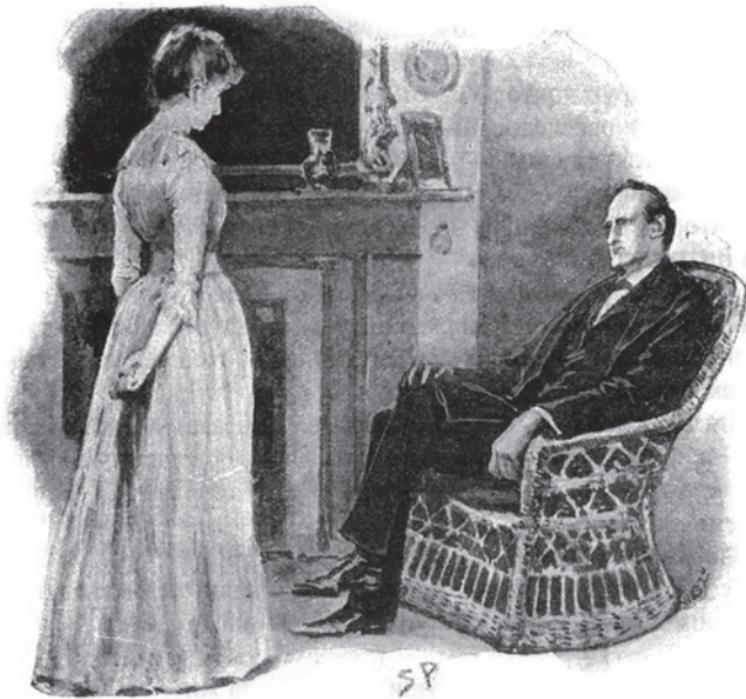
— Слава Богу и за это! Входите, пожалуйста. Наверное, вы устали после такого утомительного дня.

— Это мой друг, доктор Ватсон. Много раз он помогал мне в важных делах, и я, случайно встретив его сегодня, привез сюда, предварительно ознакомив с нашим делом.

— Очень рада познакомиться, — проговорила она, дружески пожимая мне руку. — Не взыщите, пожалуйста, за беспорядок. Вы ведь знаете, какой страшный удар поразил нас.

— Уверяю вас, — ответил я, — вам не нужно извиняться, и я буду вполне счастлив, если смогу хоть сколько-нибудь помочь вам или моему товарищу.

— Теперь, мистер Холмс, я хотела бы задать вам два вопроса, причем прошу ответить на них просто и откровенно, — сказала она, когда мы вошли в ярко освещенную столовую, где был приготовлен холодный ужин.

58

*Я хотела бы задать вам два вопроса, прошу ответить на них
просто и откровенно*

— Хорошо, я отвечу, если вы этого хотите.

— За меня можете не беспокоиться. Со мной не случается истерик, и в обморок я не упаду. Я хочу знать ваше настоящее искреннее мнение.

— О чём?

— Твердо ли вы уверены, что Невилл жив?

Шерлок Холмс явно смутился от этого вопроса; он откинулся на спинку своего стула.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Говорите откровенно! — повторила она, стоя у камина и с волнением глядя на него.

— Говоря откровенно, я так не думаю.

— Вы полагаете, что он умер?

— Откровенно говоря, да.

— Он убит?

— Я этого не утверждаю.

— Когда вы думаете, он умер?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, объясните мне, пожалуйста, каким образом я могла получить сегодня от него письмо.

Шерлок Холмс, точно ужаленный, вскочил со стула.

— Когда? — воскликнул он.

— Да, сегодня.

Улыбаясь, она держала в руке маленькую записочку.

— Вы мне позволите взглянуть?

— Конечно.

Холмс быстрым движением взял из ее рук письмо и, разложив его на столе, стал внимательно рассматривать. Я также подошел взглянуть через его плечо. Конверт из обычной грубой почтовой бумаги был помечен штемпелем почтовой конторы в Гревезенде сегодняшним или, точнее, вчерашним числом, ведь уже было за полночь.

— Какой грубый почерк! Наверное, это не почерк вашего мужа, — пробормотал Холмс.

— Да, на конверте не его, но письмо внутри написано им.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Видно, что человек, написавший ваш адрес, сначала узнавал о нем.

— Почему вы так решили?

— На имени и фамилии чернила черные, остальная часть адреса сероватого цвета. Это указывает, что использовали пресс-папье. Если бы весь адрес был написан сразу, и затем была приложена промокательная бумага, то он весь был бы сероватым. Человек, адресовавший это письмо, сперва написал имя и фамилию, потом немного подождал, и лишь затем закончил писать адрес. Это доказывает, что он не твердо его знает. Конечно, это мелочь, но и мелочи важны. Теперь посмотрим на письмо! А! Внутри конверта было что-то вложено.

— Да, его кольцо, кольцо с печатью.

— Вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Да, один из его почерков.

— Как один из почерков?!

— При спешной работе у него такой почерк, он совершенно не похож на обычновенный, но я его знаю.

Письмо гласило следующее:

«Милая, не бойся! Все кончится хорошо. Произошла громадная ошибка; чтобы исправить ее, нужно время. Вооружись терпением, Невилл».

— Письмо написано карандашом на листе, вырванном из блокнота, — сказал Холмс. Гм... Послано сегодня из Гревезенда человеком с грязным большим пальцем, а заклеил конверт человек, жующий табак... Вы твердо уверены, что это почерк вашего мужа?

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Да, эти строки написал Невилл.

— Оно было отправлено сегодня из Гривезенда...

Что же, мисс Сент-Клер, для нас наступает, кажется, более благоприятное время, хотя утверждать, что опасность миновала, нельзя.

— Но ведь он жив, господин Холмс?

— Если только это не ловкая подделка, с целью навести нас на ложный след. Кольцо еще не доказательство. Его могли у него отнять.

— Нет, нет! Это, безусловно, его собственный почерк!

— Допустим, что это так; но письмо лишь отправлено сегодня, а написано оно могло быть еще в понедельник.

— Да, это возможно.

— Если же это так, то за это время многое могло случиться.

— Зачем вы отнимаете у меня надежду, мистер Холмс? Я убеждена, что с ним не случилось несчастья. Наверняка я почувствовала бы, если бы он был в опасности: ведь мы так близки. В день его последнего отъезда, он наверху порезал себе палец; а я, находясь тогда в столовой, бросилась к нему, чувствуя, что с ним что-то случилось. Неужели я не почувствовала бы его смерти, если чувствую такие мелочи.

— Я и сам часто наблюдал, что женская чувствительность бывает вернее выводов рассудочного анализа, и поэтому охотно верю вам. Конечно, это письмо довольно сильное доказательство в пользу вашего утверждения. Однако, почему же ваш муж не воз-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

вращается домой, если он жив и в состоянии написать письмо?

— Это мне совершенно непонятно.

— Он ничего не говорил вам перед отъездом в понедельник?

— Ничего.

— Вас сильно поразило, когда вы увидели его на Суондем-стрит?

— Чрезвычайно!

— Окно было открыто?

— Да.

— Значит, он мог бы позвать вас?

— Да, мог бы.

— А он, как вы сказали, только вскрикнул?

— Да.

— Вам показалось, что он звал на помощь?

— Да, он поднял кверху руку.

— Быть может, он вскрикнул от удивления при вашем внезапном появлении и при этом взмахнул руками?

— Может быть.

— Возможно, вам только показалось, что его кто-то оттащил от окна?

— Он исчез так внезапно!

— Но ведь он мог и сам отскочить назад. Вы никого больше не видели в комнате?

— Нет, но ведь этот ужасный человек сознался, что Невилл был там, а Лескар стоял внизу, у лестницы.

— Это верно. Муж ваш, насколько вы могли заметить, был одет, как обыкновенно?

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— Да, только без воротника и галстука; я ясно видела его голую шею.

— Говорил он вам когда-нибудь о Суондем-стрит?

— Никогда.

— Не замечали ли вы когда-нибудь его пристрастия к опиуму?

— Нет.

— Благодарю вас, мисс Сент-Клер! Это самые главные моменты, которые я хотел выяснить возможно детальнее. Теперь разрешите нам поужинать, а затем мы пойдем спать, поскольку завтра нам предстоит тяжелый день.

Нам отвели большую удобную комнату, и я тотчас же лег, потому что был очень утомлен. Что касается Шерлока Холмса, то он мог без устали работать целые дни напролет и даже всю неделю, до тех пор, пока его занимала какая-нибудь неразрешенная проблема. Он рассматривал ее со всех точек зрения, выстраивал по-разному факты, разрушал созданную им теорию и вновь неутомимо строил новую до тех пор, пока не находил решение или не убеждался, что имеющихся данных для этого недостаточно. Для меня было ясно, что и сегодня он проведет ночь за работой. Он снял сюртук и жилет, завернулся в свой широкий синий халат и стал отовсюду собирать подушки: сначала с кровати, затем с дивана и с кушетки. Из них он устроил себе нечто вроде турецкой тахты, на которую опустился, поджав под себя ноги и положив пред собой пачку табаку и коробку спичек. При ту-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

склом свете лампы я несколько минут разглядывал очертания его фигуры. С глиняной трубкой в зубах, с отрешенным взором, устремленным в потолок, окруженный облаком голубого дыма, он сидел безмолвно, неподвижно, как статуя. Таким я его видел, когда засыпал, и так же он сидел, когда я, открыв глаза, увидел, что комната залита солнечным светом. Трубка по-прежнему торчала в его зубах, дым клубился вокруг него, наполняя комнату густым табачным туманом; от пачки табаку, которую я видел вчера, ничего не осталось.

— Вы проснулись, Ватсон? — спросил он.

— Да.

— Готовы совершить утреннюю поездку?

— Разумеется.

— Так одевайтесь! Все еще спят, но я знаю, где ногует конюх, и сейчас мы раздобудем повозку.

При этом он самодовольно улыбнулся, его глаза блестели, он совершенно преобразился и не имел ничего общего с мрачным мыслителем вчерашнего вечера. Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что все еще спали. Было только двадцать пять минут пятого. Не успел я одеться, как Холмс вернулся с известием, что лошадь уже подана.

— Я должен проверить на практике одну из моих теорий, — сказал он, натягивая сапоги. — Ватсон, по моему мнению, вы видите перед собой одного из величайших ослов в Европе! Мне следует дать такой пинок, чтобы я полетел отсюда до Чаринг-Кросса. И все-таки я думаю, что нашел ключ к этой истории.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

*С глиняной трубкой в зубах он сидел безмолвно, неподвижно,
как статуя*

— Где же он? — спросил я, улыбаясь.

— В ванной, — ответил он. — Да, да, я не шучу, — продолжил он, заметив мой недоверчивый взгляд. — Только что я был там, взял его и положил вот в этот чемоданчик. Едемте, дорогой Ватсон, и посмотрим, не подойдет ли он к замку.

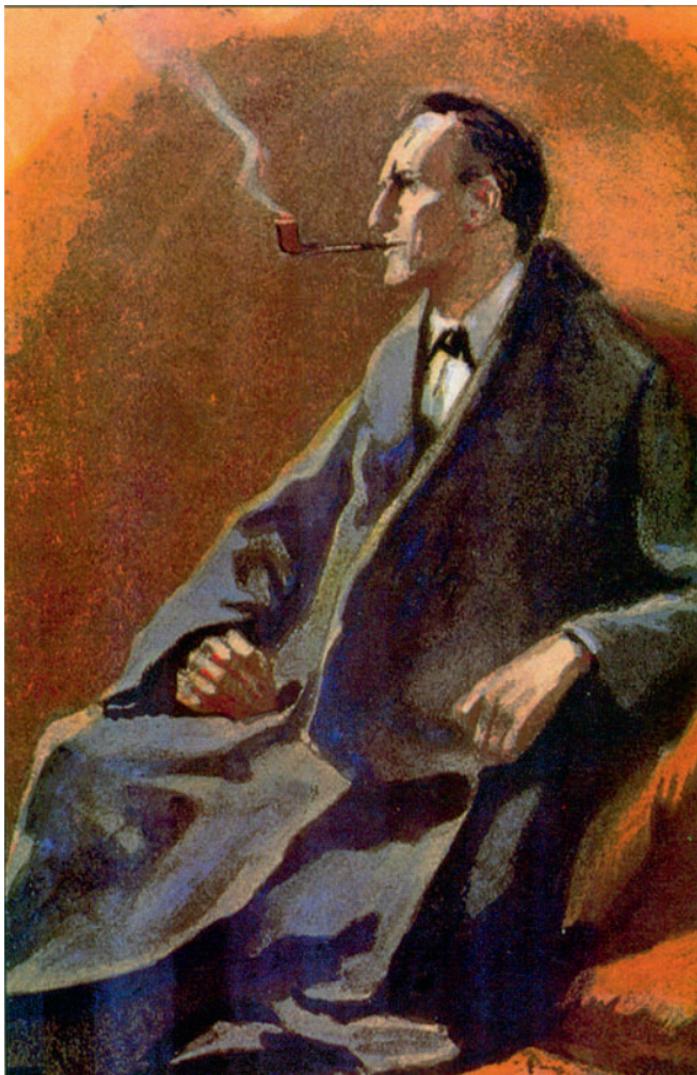
Мы тихонько спустились по лестнице и вышли во двор. Было чудесное солнечное утро. На улице стояла наша коляска, и полуодетый конюх держал запряженную лошадь. Мы быстро вскочили в экипаж и покатали по лондонской дороге. Несколько повозок, направлявшихся в город с зеленью, производили некоторый шум, но многочисленные виллы с обеих сторон дороги были молчаливы и безжизненны. Все еще спало, словно в заколдованным городе.

— Этот случай в некотором отношении действительно замечателен, — сказал Холмс, пустив лошадь в галоп. — Я был слеп, как крот, должен в этом сознаться, но теперь все ясно... Лучше поздно, чем никогда!

Когда мы проезжали через улицы квартала Сэри, некоторые заспанные обыватели уже выглядывали из окон. Проехав мост Ватерлоо, мы свернули направо и достигли Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полиции, и оба полицейских у ворот почтительно приветствовали его. Один остался поддержать лошадь, а другой проводил нас внутрь здания.

— Кто дежурный? — опросил Холмс.
— Инспектор Бредстрит.
— А, Бредстрит, здравствуйте, как поживаете? — обратился Холмс к высокому, стройному полицейскому в форменной фуражке и тужурке, вышедшему к нам из коридора, выложенного каменными плитами. — Хочу сказать вам пару слов, Бредстрит.
— К вашим услугам. Прошу в мою комнату.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

*С глиняной трубкой в зубах он сидел безмолвно, неподвижно,
как статуя*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Это была небольшая комната, похожая на копию; на столе лежала громадная книга учета, а на стене висел телефон.

— Чем могу служить, мистер Холмс? — сказал инспектор, заняв место за столом.

— Мне нужно кое-что узнать о том нищем Буне, которого обвиняют по делу об исчезновении мистера Невилла Сент-Клера.

— Да, его перевели сюда и оставили до следующего допроса.

— Мне об этом говорили. Значит, он здесь?

— Да, в отдельной камере.

— Не буйният?

— Нет, он никого не тревожит, вот только очень он грязен, каналья.

— Грязен?

— Ужасно. Мы едва добились, чтобы он помыл руки. Лицо же у него черно, как у трубочиста. Пусть только окончится следствие, мы его тогда засадим в ванну, как следует по тюремным правилам. Вот увидите его и сами скажете, что он очень в ней нуждается.

— Очень бы хотел его увидеть.

— Правда? Ну, это нетрудно устроить. Пожалуйте со мной. Свой чемоданчик можете оставить здесь.

— Нет, благодарю, я лучше возьму его с собой.

— Как угодно. Сюда, пожалуйста!

Он повел нас по коридору, отпер дверь с железной решеткой, спустился по витой лестнице и направ-

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

вился по длинному коридору, с целым рядом дверей по обеим сторонам.

— Дверь его камеры третья справа, — сказал инспектор. — Вот эта. — При этих словах, он открыл смотровое окошко в верхней части двери и заглянул внутрь.

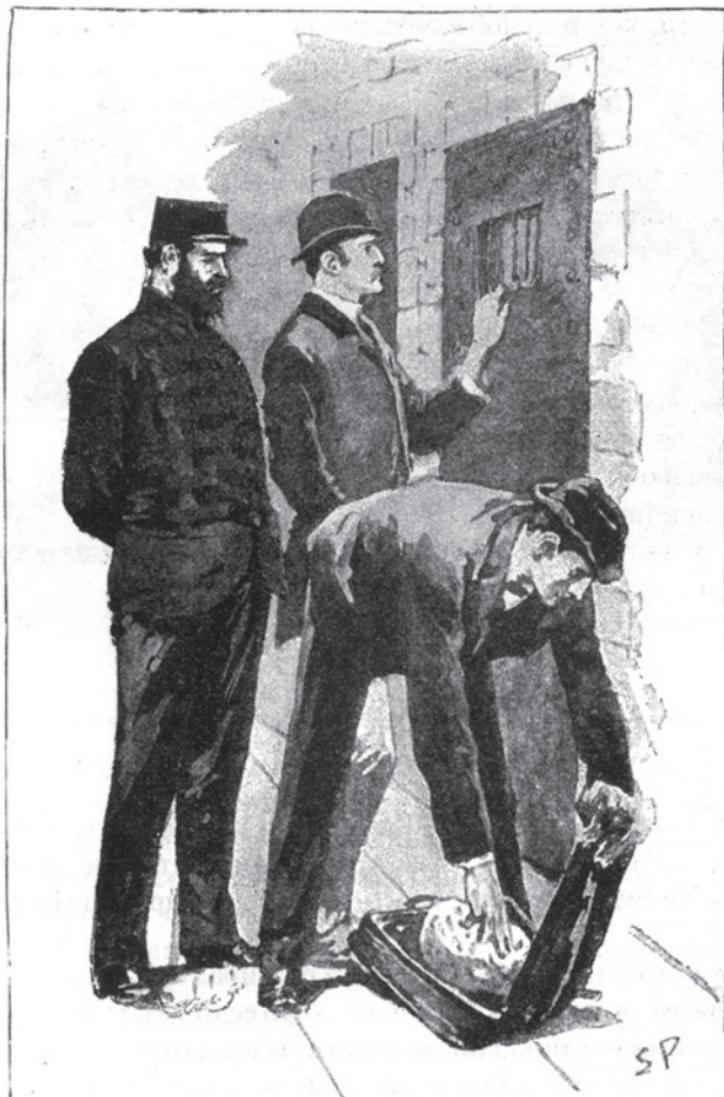
— Спит, — сказал он. — Вы можете его теперь хорошо рассмотреть. Мы приблизились к двери и приникли к окошку. Арестант лежал, повернувшись к нам лицом, и крепко спал, медленно и тяжело дыша. Это был человек среднего роста, бедно одетый, как подобало его профессии; из прорех его изорванной куртки выглядывала цветная рубаха. Инспектор был прав: он был ужасно грязен. Однако слой грязи, покрывавший его лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел багрово-синей полосой от глаза к подбородку. Он приподнял, очевидно при рубцевании, верхнюю губу, обнажив три зуба. При этом возникало впечатление, что человек этот вечно скалит зубы. Густая копна светло-рыжих волос падала ему на лоб и на глаза.

— Красавчик, не правда ли? — пошутил инспектор.

— Да, во всяком случае, его следует вымыть, — заметил Холмс, — и вот я, предвидя это, позволил себе запастись всем необходимым для такой операции. — При этом он открыл свой саквояжик и, к великому моему удивлению, вынул оттуда большую губку.

— Ха, ха! — рассмеялся инспектор, — какой же вы шутник!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Он открыл свой саквояжик и вынул оттуда большую губку

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

— А теперь, если вы будете так любезны, как можно тише откроите дверь, и я сейчас придам его физиономии более приличный вид.

— Пожалуйста, ведь повредить это ему не может. В таком виде он не оказывает большой чести нашей тюрьме.

Инспектор вынул ключ, повернулся в замке, и мы осторожно вошли в камеру. Спавший слегка шевельнулся, но тотчас же снова погрузился в глубокий сон. Холмс подошел к кувшину с водой, погрузил в него губку и два раза с усилием провел ей по лицу арестанта.

— Господа, позвольте представить вам мистера Невилла Сент-Клера из Ли в графстве Кент, — громко крикнул он.

Никогда в жизни я не видел ничего подобного. Лицо нищего слезало под губкой как кора с дерева! Бесследно пропал темный загар, ужасный шрам и уродливая верхняя губа, которая придавала лицу такой безобразный отталкивающий вид! Одним взмахом была удалена копна спутанных рыжих волос, и пред нами на кровати возник бледный, грустный, господин с тонкими чертами лица, с черными волосами и нежной кожей. Он протирал глаза и с сонным видом озирался кругом.

Но вдруг он понял, в чем дело и уткнулся лицом в подушку.

— Великий Боже! — воскликнул инспектор, — да ведь это пропавший человек! Я узнал его по фотографии.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Арестант приподнял голову с равнодушным видом человека, покорившегося своей судьбе.

— Будь что будет, — сказал он. — Но скажите, пожалуйста, в чем же меня обвиняют?

— В убийстве Невилла Сент-Клер... Тьфу! Право, в этом вас нельзя обвинять. Ведь это все равно, как если бы суд хотел вас судить за покушение на самоубийство, — со смехом ответил инспектор. — Вот уж двадцать семь лет как я на службе, но такого случая еще никогда не встречал.

— Если я действительно Невилл Сент-Клер, то ясно, как Божий день, что я не совершил никакого убийства. Почему же меня противозаконно держат в тюрьме?

— Преступления здесь не было, зато было крупное недоразумение, — сказал Холмс. — Было бы гораздо лучше, если бы вы доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях, — вздохнул арестант. — Боже милостивый, я хотел только одного, чтобы они не стыдились своего отца. Господи, какой позор! Что мне теперь делать?

Шерлок Холмс присел к нему на кровать и дружески положил руку на его плечо.

— Если вы предоставите суду разбирать это дело, — сказал он, — то, конечно, не избегнете огласки. Но если вы сможете доказать полицейским властям, что для привлечения вас к ответственности нет никаких оснований, то я не думаю, что эта история попадет в газеты. Инспектор Бредстрийт может записать все, что вы нам расскажете.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

57

Позвольте представить вам мистера Невилла Сент-Клерса

жете, а затем передаст ваши показания своему начальству. Таким образом, дело вовсе не дойдет до суда.

— Да благословит вас Господь! — с жаром воскликнул Сент-Клер. — Я согласен на тюремное заключение и даже на смертную казнь, лишь бы не выдать своей ужасной тайны и не опозорить своих детей! Вы первые, кому я расскажу историю своей жизни! Мой отец был школьным учителем в Честерфилде, где я получил отличное образование. В дни моей юности я много путешествовал, был некоторое время на сцене и сделался, наконец, репортером в одной лондонской вечерней газете. Редактор выразил как-то желание помещать в газете статьи о нищенстве в

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

столице, и я взялся вести этот раздел. С этого и начались мои приключения.

Для получения фактического материала, я решил познакомиться с этой средой, временно лично занявшись нищенством. Как бывший актер, я был, конечно, посвящен во все тайны гримировки и переодевания и даже отличался в этом искусстве среди своих товарищей по сцене. Теперь мне эти навыки вновь пригодились. Я загримировал лицо и, чтобы придать ему возможно более жалкий вид, нарисовал себе громадный шрам и приподнял верхнюю губу с помощью пластиря телесного цвета. Затем, надев рыжий всклокоченный парик и подходящую рваную одежду, я расположился в самой оживленной части города, делая вид, что продаю спички, но на самом деле прося милостыню. Семь часов я просидел таким образом, а вернувшись вечером домой, насчитал, к моему удивлению, двадцать шесть шиллингов и четыре пенса собранной милостыни.

Я занялся дальше своей литературной работой и совсем позабыл о моем временном ремесле, пока мне вскоре после этого не понадобилось уплатить 25 фунтов по векселю, который я подписал для своего приятеля. Я был в затруднении и не мог придумать, где достать такую сумму, но вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. Первым делом я попросил у своего кредитора отсрочить платеж на две недели, затем получил отпуск и провел это время в городе, снова переодевшись нищим. Через десять дней деньги были собраны, и долг уплачен.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Можете себе представить, каким тяжелым мне показался после этого мой репортерский труд, за который я получал каких-нибудь два фунта в неделю, между тем как стоило мне только загримировать лицо, положить на мостовую шапку и сидеть спокойно, и я мог заработать столько же за один день. Долго во мне происходила борьба между чувством собственного достоинства и стремлению к легким деньгам, но, в конце концов, деньги одержали верх. Я бросил репортерскую работу и стал проводить ценные дни, сидя на избранном мною еще раньше месте в нише, возбуждая своей жуткой внешностью сострадание и наполняя свои карманы медяками. Только один человек был посвящен в мою тайну. Это был владелец притона на Суондем-стрит, где я снимал комнату, чтобы отправляться оттуда каждое утро под видом грязного урода-нищего, и возвращаться вечером домой, снова превращаясь в благопристойного обывателя. Я хорошо платил хозяину малайцу и поэтому был покоен, что моя тайна не будет разглашена.

Скоро я увидел, что собираю довольно значительные суммы. Не думаю, чтобы всякий уличный нищий в Лондоне мог собрать в течение года семьсот фунтов, а эта сумма была меньше моего среднего годового дохода. Такой удачей я, по всей вероятности, был обязан своему умению гримироваться, а также быстро давать остроумные ответы на шутки прохожих. С течением времени я усовершенствовал этот талант, так что, в конце концов, сделался популярною личностью во всем Сити. Масса медяков с при-

месью и серебряных монет сыпалась каждый день в мою шапку, и я считал неудачным день, когда зарабатывал менее двух фунтов. Чем богаче я становился, тем на более широкую ногу я жил. Я приобрел виллу, успел даже жениться, и никто не имел никакого понятия, чем я собственно занимаюсь. Моя милая жена знала, что у меня в городе есть какие-то дела, но в чем именно они заключаются, она и не подозревала.

В минувший понедельник я только что закончил свою работу и переодевался в комнате, находящейся над курительной. Случайно взглянув в окно, к своему удивлению и ужасу я увидел, что жена моя стоит на улице и пристально смотрит на меня. Я вскрикнул от неожиданности, поднял руку, чтобы скрыть свое лицо, и бросился к хозяину с просьбой никого не впускать. Хотя я уже слышал ее голос внизу, но знал, что она не сможет войти. Быстро сбросив свою одежду, я надел прежний костюм нищего, загrimировался и напялил парик. Даже жена не могла опознать меня в таком виде. Тут у меня мелькнула мысль, что в комнате будет обыск и одежда может меня выдать. Я быстро отодвинул оконную раму, второпях задев раненый дома палец. Затем я схватил пиджак, наполнил его карманы медяками, взятыми из сумы, в которой я обыкновенно уносил свой дневной сбор, и выбросил его за окно. Пиджак мгновенно исчез в водах Темзы. За ним должны были последовать и остальные вещи, но в эту минуту я услышал, что по лестнице поднимаются полицейские, и вскоре был арестован как убийца Сент-

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Клера, что, откровенно говоря, было для меня лучше, чем разоблачение.

Остальное вам, вероятно, известно. Я твердо решил возможно дольше не смывать грим, вот отчего мое нежелание вымыть лицо. Зная, конечно, что жена сильно беспокоится, я снял мое кольцо и успел передать его малайцу в тот момент, когда за мной не следили, вместе с насико исписанным лоскутком бумаги, в котором я сообщал жене, чтобы она не беспокоилась.

— Она получила эту записку только вчера, — сказал Холмс.

— Боже мой, какую ужасную неделю она провела!

— Полиция следила за малайцем, — пояснил инспектор, — и я думаю, что он не мог раньше незаметно отправить письмо на почту. Вероятно, он передал его какому-нибудь матросу из посетителей, который вспомнил о нем только через два дня.

— Да, да, — сказал Холмс, одобрительно кивая головой, — без сомнения это было именно так. Скажите, однако, неужели вас никогда не преследовали за нищенство?

— Конечно, и не один раз, но что значил для меня один денежный штраф?!

— Однако, с этим надо теперь раз навсегда покончить, — сказал Бредстрит. — Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, то Хьюго Бун должен исчезнуть с лица земли.

— Клянусь вам в этом всем, что для меня свято!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В таком случае я полагаю, что полиция прекратит это дело. Однако, предупреждаю, что если вы опять попадетесь за прежним занятием, то все выплывет наружу. А вам, мистер Холмс, мы все очень благодарны за расследование этого дела. Мне было бы очень интересно узнать, каким образом вы дошли до своих удивительных выводов?

— В данном случае, — ответил мой друг, — я просидел всю ночь на пяти подушках и выкурил порядочную порцию табака. А теперь, Ватсон, мы поедем на Бейкер-стрит. Я думаю, что мы как раз успеем туда к завтраку.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На второй день Рождества я зашел поздравить моего друга Шерлока Холмса. Он лежал в ярко-красном халате на софе и курил трубку. Рядом лежала целая куча утренних газет, которые он, вероятно, просматривал. У софы стоял деревянный стул, на спинку которого была повешена старая и весьма потрепанная фетровая шляпа. Увеличительное стекло и щипчики на стуле указывали на то, что Шерлок Холмс недавно внимательно ее рассматривал.

На спинку которого была повешена старая фетровая шляпа

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Вы заняты? — сказал я. — Надеюсь, я не помешал?

— Вовсе нет, напротив, мне очень приятно будет поговорить со своим добрым знакомым о результатах моего исследования. Это совершенно обычный предмет, — при этом он указал на старую шляпу, — но связанные с ним обстоятельства небезинтересны, и даже некоторым образом поучительны.

Я присел к камину и начал греть руки, на дворе было очень холодно и окна были покрыты толстой ледяной корочкой.

— Наверное, с этой вещью связана какая-нибудь кровавая история, и она является для вас исходной точкой для раскрытия преступления и наказания преступников?

— Нет, нет, о преступлении тут нет и речи, — ответил со смехом Холмс. — Мы имеем дело с незначительным происшествием, которое всегда может случиться в многомиллионном человеческом улье на пространстве всего в несколько квадратных миль. В нем постоянно возникают разнообразные комбинации событий и фактов, но ничего криминального в них нет. Мы уже сталкивались с подобными случаями.

— Конечно, — ответил я. — В некоторых случаях, которые я описывал, не было ничего противозаконного.

— Вы имеете в виду, к примеру, мое общение с королем Богемии? Думаю, и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете посыльного Питерсона?

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он ее нашел. Собственник неизвестен.

Я теперь попрошу вас увидеть в этой вещи не старую выцветшую шляпу, а своеобразный пробный камень для нашей дальновидности. Однако вначале послушайте, каким образом она попала сюда в первый день Рождества вместе с жирным гусем, который наверняка теперь поджаривается у Питерсона на кухне. На Рождество, около четырех часов утра, Питерсон, — а вы знаете, что он очень приличный человек, — возвращался из гостей домой, причем шел он по улице Тоттенхем-роуд. Впереди него шел, как он рассмотрел при свете газовых фонарей, пошатываясь, высокий человек, который нес на плече белого гуся. На углу Гудж-стрит он вступил в ссору с двумя уличными мальчишками. Один из них сбил с него шляпу, после чего незнакомец поднял свою палку для защиты, при этом случайно разбив магазинное окно. Питерсон поспешил к нему на помощь, но тот, вероятно испугавшись бежавшего к нему посыльного, форма которого похожа на полицейскую, бросил гуся и пустился бежать. Мальчишки последовали его примеру, так что на поле сражения остался один Питерсон, причем ему в добычу достался рождественский гусь и помятая старая шляпа.

— Которую он, конечно, вернул собственнику?

— Мой дорогой друг, в этом-то и загадка. Правда, к левой лапе гуся была прикреплена карточка, на

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

которой было написано «Для мистера Генри Бейкера», и на подкладке шляпы стояли инициалы «Г. Б.», но так как в Лондоне несколько тысяч Бейкеров, и несколько сотен Генри Бейкеров, то найти собственника этих вещей нелегко.

— Что же сделал Питерсон?

— Он передал мне шляпу и гуся, так как он знает, что я интересуюсь самыми незначительными загадочными случаями. Гуся я сохранил до сегодняшнего утра, но заметил, что, несмотря на холод, он скоро начнет портиться. Поэтому я отдал его Питерсону, а шляпу оставил у себя.

— Собственник ее не заявлял о себе?

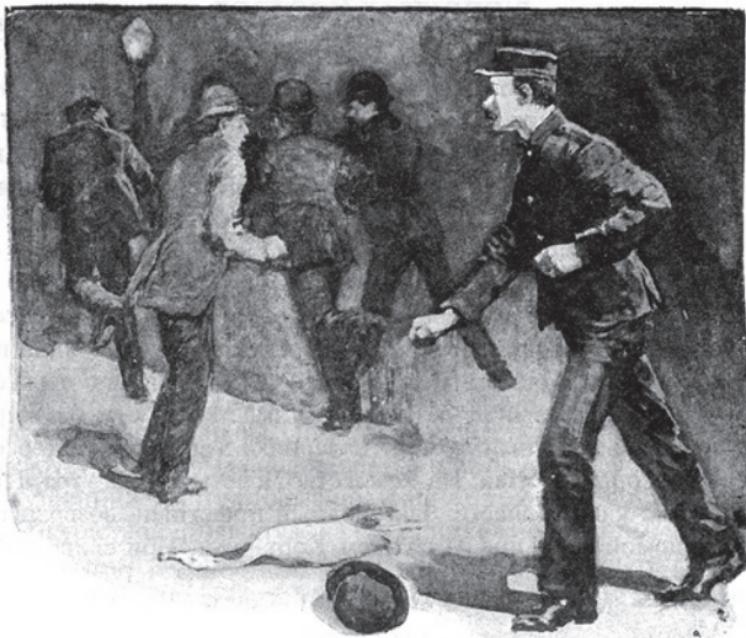
— Нет.

— Каким же образом вы можете составить представление о его личности?

— Вот вам моя лупа, посмотрите сами, что вам скажет шляпа о личности человека, который ей обладал.

Я взял в руки старую измятую шляпу и начал ее рассматривать. Это была обыкновенная черная круглая шляпа на красной шелковой подкладке, теперь уже изрядно выцветшей. Фамилии производителя на ней не было, и, как совершенно верно заметил Холмс, на ней были инициалы «Г. Б.». С краю было отверстие для резинового шнурка, но сам шнурок отсутствовал. Шляпа была покрыта пылью и в нескольких местах запачкана. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что пятна старались скрыть — они были замазаны чернилами.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

Испугавшись посыльного, форма которого похожа на полицейскую, он бросил гуся и пустился бежать

— Я ничего не замечаю, — сказал я, возвращая шляпу моему другу.

— Напротив, Ватсон, замечаете, но не можете сделать заключение.

— В таком случае, скажите, пожалуйста, что вы можете заключить по этой шляпе?

Холмс взял ее в руки и стал рассматривать.

— Вполне определенно можно установить два факта и с большей или меньшей вероятностью сделать два предположения. Сразу видно, что обладатель этой шляпы человек очень умный, и что он в

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

течение трех последних лет находился в благоприятных материальных обстоятельствах, хотя за последнее время они ухудшились. Раньше он обращал большое внимание на свою наружность, теперь же с некоторого времени он в депрессии и поэтому предается пьянству, а может быть и потому, что к нему охладела жена.

— Но, дорогой Холмс...

— Тем не менее, он еще сохранил долюуважения к самому себе. Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит на улицу, не привык к движению. Он средних лет, у него волосы с проседью, он недавно их стриг, он их подкрашивает — мажет помадой. Вот факты и предположения, которые можно вывести вполне определенно. К тому же я почти уверен, что в доме у владельца шляпы нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс?

— Нисколько. Неужели вы не понимаете, каким путем я дошел до этих предположений?

— Я, без сомнения, очень глуп, поскольку положительно ничего не понимаю. Например, из чего вы заключили, что обладатель этой шляпы очень умный человек?

Вместо ответа Холмс надел шляпу, которая покрыла чуть ли не всю его голову.

— У кого такая большая голова, он, несомненно, умен.

— Ну, а его материальные обстоятельства?

— Этой шляпе три года — это видно по фасону. Шляпа эта высшего качества, взгляните только

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

на шелковую ленту и подкладку. Если этот человек три года тому назад был в состоянии купить себе такую дорогую шляпу, и с того времени не приобрел себе новой, значит, его материальные обстоятельства ухудшились.

— Ну ладно, это достаточно ясно. Но из чего вы заключили, что он раньше обращал внимание на свою наружность, а теперь опустился?

Холмс засмеялся.

— Он приделал к шляпе резиновый шнурок, так как шляпы продают без шнурка, но затем, когда он оборвался, он не дал себе труда пришить новый. С другой стороны, он старался замазывать пятна чернилами, и это указывает, что он не потерял к себе всякое уважение.

— Против этого трудно возразить.

— Остальные пункты, а именно то, что он средних лет, что волосы у него с проседью, что он их недавно стриг, что он подкрашивает, можно установить при рассмотрении подкладки. В лупу видно массу остриженных волосков, пахнущих помадой. Пыль, покрывающая шляпу, не уличная — серая и жесткая, а комнатная — бурая и пушистая, что доказывает, что шляпа большей частью висит дома, а следы пота указывают с достоверностью на то, что этот человек не привык много ходить.

— Но его жена? Вы ведь говорили, что она его больше не любит.

— Шляпу эту уже давно не чистили, значит, о нем не заботятся.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Но он может быть холостяком...

— Нет, он нес гуся домой, а значит, дома была его жена.

— Ну, ладно. Но с чего вы решили, что у него в доме нет газового освещения?

— От газа на шляпе не бывает сальных пятен. Они возникают, когда человек часто поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой — оплавившую сальную свечку. Вы согласны?

Холмс хотел продолжать, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату вбежал раскрасневшийся Питерсон. Видимо, он был сильно взъярен.

— Гусь, мистер Холмс, гусь! — пролепетал он.

— Ну? Что с ним? Он ожил и вылетел в окно? — Холмс повернулся на софе, чтобы лучше рассмотреть лицо Питерсона.

— Посмотрите, вот что нашла моя жена у него в зобу!

При этом он протянул ладонь, на которой лежал чудный блестящий голубой камень чуть меньше горошины. Он был такой чистой воды, что сиял как бы электрическим светом. Холмс вскочил.

— Вы нашли целое сокровище, Питерсон! Я полагаю, вы знаете, что это такое?

— Брильянт! Драгоценный камень! Он режет стекло, как масло!

— Это не просто драгоценный камень, это бриллиант, который...

— Неужели это голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

SP

— Посмотрите, вот что нашла моя жена у него в зобу!

— Конечно, это он! Я отлично знаю, как он выглядит, ведь о нем каждый день пишут в «Таймс». Ценность его колоссальна. Тысяча фунтов стерлингов вознаграждения, которое предлагают нашедшему этот брильянт, едва ли составляет двадцатую часть его стоимости.

— Тысяча фунтов! Всемогущий Боже!

Питерсон опустился на стул и уставился на нас.

— К тому же у меня есть основания думать, что графиня готова отдать половину своих богатств, только чтобы вернуть этот камень, — добавил Холмс.

— Если я не ошибаюсь, кража эта была совершена в отеле «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, пять дней тому назад. В краже обвинили некоего Джона Хорнера, паяльщика. Улики против него были основательны, и дело отправили в суд. Да вот подробности.

Холмс порылся в газетах, отыскал нужный номер газеты, разгладил его и громко прочел:

КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

«Жестяник Джон Хорнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца украл из шкатулки графини Моркар драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, главный лакей гостиницы, заявил, что он вместе с Горнером 22-го числа был в комнате графини, где нужно было поправить каминную решетку. Через некоторое время его вызвали по делу, а когда же он вернулся в кабинет, то Хорнера там уже не было, письменный стол оказался взломанным, и находившийся в нем ящичек, в котором хранились драгоценности графини, оказался пустым. Райдер тотчас же поднял тревогу, и Хорнера арестовали в тот же вечер, но камня у него не нашли. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б», арестовавший Хорнера, заявил, что тот отчаянно защищался, уверяя в своей невинности. Так как Хорнер уже раз был осужден за кражу, то следователь направил его дело в суд, где оно будет разбираться присяжными заседателями. Хорнер, выказывавший сильное волнение во время следствия, при объявлении реше-

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

ния следователя упал в обморок, так что его вынесли из залы».

— Хм! Вот и все, что напечатано по этому делу, — задумчиво сказал Холмс и отложил газету. Теперь наша задача состоит в том, чтобы найти нить, ведущую от взломанной шкатулки к гусиному зобу. Видите, Ватсон, наши рассуждения оказались не такими уж пустяковыми. Теперь мы должны определить роль, которую играл Генри Бейкер в этой таинственной истории. Попробуем самое простое средство и дадим объявление в вечерние газеты.

— Что вы напишите в этом объявлении?

— Дайте мне карандаш и бумагу «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная мягкая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить эти вещи сегодня вечером в половине седьмого в доме 221-б на Бейкер-стрит». Коротко и ясно.

— Но попадется ли ему на глаза это объявление?

— Он, наверное, внимательно будет читать газеты, человек он бедный, и для него это немаловажная потеря. Его до того напугал звон разбитого стекла и вид бегущего Питерсона, что он бросился наутек, ни о чем не думая. Потом он наверняка пожалел, что бросил гуся. В объявлении значится его имя, и любой его знакомый обратит на это внимание. Сбегайте-ка, Питерсон, в газетную контору и дайте это объявление во все вечерние газеты.

— В какие именно, сэр?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс», «Ирвинг ньюс стандарт», «Эхо» — во все, какие припомните.

— Слушаюсь, сэр. А что с камнем?

— Я пока оставлю его у себя. Благодарю. На обратном пути, Питерсон, купите гуся. Мы должны его отдать вместо того, который жарится теперь у вас на кухне.

Когда посыльный ушел, Холмс взял камень и поднес его к огню.

— Прелестная вещь! Смотрите, как переливается! Как и всякий драгоценный камень, он манит к себе преступников. Настоящая сатанинская ловушка. Каждая грань любого стариинного бриллианта может рассказать о каком-нибудь кровавом преступлении. Этому всего двадцать лет. Его нашли в Китае, на берегу реки Амоу. Камень замечателен тем, что он имеет свойства карбункула, но цвет его не рубиново-красный, а голубой. За ним уже тянутся весьма печальные истории. Из-за сорока граней кристаллического углерода произошли два убийства, одно самоубийство и несколько краж. Кто бы мог подумать — такая красивая безделица приводит людей в тюрьму и на эшафот. Я его спрячу в несгораемый шкаф и напишу графине, что алмаз у нас.

— Считаете, что Хорнер невиновен?

— Не могу этого сказать.

— А Генри Бейкер?

— Всего вероятнее, что он тут совершенно ни при чем. Бейкер и не подозревал об истинной ценно-

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

сти этого гуся. Надеюсь, все выяснится, когда мы получим ответ на наше объявление.

— А до этого вы не предпримите никаких действий?

— Нет.

— Тогда я пойду проведать своих пациентов, а вечером снова приду к вам. Очень хочется знать, чем кончится ваше расследование.

— Буду рад. Ужин в семь. Кажется, подадут куропатку. Кстати, в связи со всей этой историей не попросить ли миссис Хадсон проверить ее зоб?

Я рас прощался с Холмсом, и мы условились, что я зайду к шести часам вечера после обхода. Я немножко запоздал, и была половина седьмого, когда я подходил к дому Холмса. У дома в полукруге света стоял какой-то высокого роста человек в шотландской шапочке и застегнутом до горла сюртуке. Когда отворили входную дверь, мы оба одновременно перешагнули порог и через пару мгновений вошли в комнату Холмса.

— Вы, вероятно, мистер Генри Бейкер? — проговорил Шерлок с необычайной любезностью, которую он умел на себя напускать. — Садитесь, пожалуйста, к камину, мистер Бейкер. Сегодня холодный день, и мне кажется, что вы жару переносите легче холода... А, Ватсон, вы как раз пришли вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, несомненно, это моя шляпа.

Бейкер был высокого роста и широк в плечах. У него была крупная голова, широкое умное лицо за-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

канчивалось остроконечной каштановой бородкой. Легкая краснота носа и щек, а также дрожание рук доказывали справедливость предположения о его пристрастии к вину. Его сальный черный сюртук был застегнут доверху, а воротник приподнят. Манжет на нем не было. Он говорил медленно, видимо, обдумывая слова, и производил впечатление образованного, но впавшего в бедность человека.

— Мы несколько дней держали у себя ваши вещи, — проговорил Холмс. — Надеялись, что вы дадите объявление о пропаже. Почему вы это не сделали?

Посетитель смущенно рассмеялся.

— Я был уверен, что мальчишки стащили и гуся, и шляпу, и не хотел... и признаться откровенно, не хотел рисковать деньгами за объявление.

— Я вас понимаю. Что касается гуся, то нам пришлось его съесть.

— Съесть? — наш посетитель в волнении поднялся.

— Да, ведь он скоро испортился бы. Но я думаю, что вот этот гусь, такой же свежий и жирный, вполне вас удовлетворит.

— О да, конечно! — ответил со вздохом облегчения мистер Бейкер.

— Конечно, мы сохранили перья, ноги, голову и зоб вашего гуся, и если вы желаете...

Бейкер рассмеялся.

— Что я буду с ними делать? Разве что на память о моем приключении... Честно говоря, не знаю, на что

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

мне его *disjecta membra*¹. Нет, с вашего позволения я обращаю все свое внимание на этот превосходный экземпляр.

Холмс бросил на меня многозначительный взгляд и при этом едва заметно пожал плечами.

— Вот ваша шляпа и гусь. Не можете ли вы мне сказать, где вы достали этого гуся? Я кое-что в этом смысле. Мне еще никогда не приходилось видеть такой чудной откормленной птицы.

— Видите ли, — ответил Бейкер, поднявшись и взяв под мышку гуся. — Я обычный посетитель трактира «Альфа», что у Британского музея. С друзьями нередко я провожу в музее целый день. В этом году славный хозяин трактира Уиндгейт организовал «Гусиный клуб». При условии уплаты нескольких пенсов в неделю каждый из его членов получает к Рождеству гуся. Я аккуратно производил свои взносы, а остальное вы сами знаете. Я очень вам благодарен, сэр, что смог найти свою шляпу, ибо шотландская шапочка к моим годам совсем не подходит.

С комической важностью он нахлобучил свою шляпу, отвесил нам торжественный поклон и удалился.

— С мистером Генри Бейкером все ясно, — проговорил Холмс, притворив за ним дверь. — Он и понятия не имеет о драгоценном камне.

— Да, он тут не причем.

— Вы голодны, Ватсон?

— Не очень.

¹ Останки (*лат.*).

— Вот ваша шляпа и гусь

— В таком случае, я предлагаю отложить ужин.
А теперь немедленно направимся по свежим следам.

— Ладно.

Вечер был очень холодный. Нам пришлось надеть пальто и накрутить шарфы. На ясном безоблач-

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

ном небе мерцали звезды, дышки прохожих на морозе были похожи на дымки от пистолетных выстрелов. Наши шаги звенели на замерзшей улице. Мы прошли по Уимпол-стрит и Харли-стрит, вышли к Оксфорд-стрит по Уитмор-стрит и через четверть часа мы были в Блумсбери, возле трактирчика «Альфа», который располагался на углу улицы, ведущей к Холборну. Холмс заказал две кружки пива и обратился к краснощекому хозяину в белом переднике.

— Если ваше пиво так же вкусно, как и ваши гуси, то оно должно быть превосходно.

— Мои гуси? — хозяин был, видимо, удивлен.

— Да. Полчаса тому назад я говорил с мистером Генри Бейкером, который принадлежит к вашему «Гусиному клубу».

— Ах, да, теперь я понимаю. Но это были не мои гуси.

— А чьи же?

— Я купил две дюжины в Ковент-Гарден.

— У кого именно? Я знаю кое-кого из тамошних торговцев.

— У Брекинриджа.

— А, вот как! Нет, он мне незнаком. За ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего дома! До свидания.

— А теперь к Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на улицу и застегивая пальто. Помните, Ватсон, что на одном конце нашей цепочки всего лишь гусь, а на другом — человек, которому грозит по меньшей мере семь лет каторги, если мы не докажем его

невиновность. Впрочем, может он и виновен. В любом случае мы держим в руках нить, ускользнувшую от внимания полиции и по воле случая попавшую к нам в руки. Доберемся же до ее конца, каким бы он ни был. Вперед, повернем на юг и пошли!

Мы пересекли Холборн, прошли по Энделлстрийт и какими-то закоулками вышли к рынку Ковент-Гарден. Над одной из самых больших лавок красовалась вывеска «Брекинридж». Хозяин, человек с лошадиным лицом и пышными бакенбардами закрывал ставни с помощью мальчишки помощника.

— Добрый вечер! Холодная погодка, — проговорил Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего спутника.

— Как я вижу, вы продали всех ваших гусей? — продолжал Холмс, указывая на пустые мраморные столы.

— Можете получить завтра утром хоть пятьсот штук.

— Мне нужно сейчас.

— Зайдите в лавку напротив, там еще найдется несколько штук.

— Совершенно верно. Но мне рекомендовали именно вас.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— Ах, да! Я ему продал две дюжины.

— Это были чудные гуси! Где вы их купили?

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

К моему удивлению, этот вопрос привел торговца в ярость.

— К чему вы клоните? — крикнул он, уперев руки в боки. — Говорите прямо, без обињаков.

— Да я прямо говорю. Я бы хотел знать, кто вам продал гусей, поставленных вами в трактир «Альфа».

— Ну, а я вам это не скажу. Вот и все!

— Я не понимаю, почему вы кипятитесь из-за такого пустяка?

— Кипячусь? Вы бы сами кипятились на моем месте! Я заплатил деньги за товар, и кончено дело. А то: «где гуси?», «кому вы продали гусей?», «что вы хотите за гусей?». Можно подумать, что на них свет клином сошелся, и других гусей на свете не существует!

— Я не имею ничего общего с теми людьми, которые расспрашивали вас о гусях! — заметил как бы мимоходом Холмс. — Видите ли, если вы не хотите отвечать, то мое пари не состоится. Я знаток живности и держал пари на пять шиллингов, что гусь доставлен из деревни.

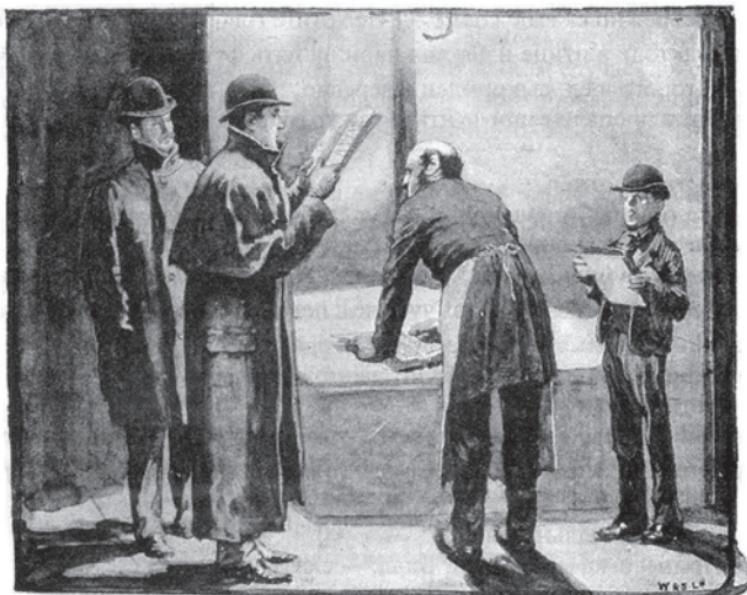
— Но, в таком случае, вы проиграли пять шиллингов, — ответил торговец. — Гусь был городской!

— Не может быть!

— А вам я говорю, что это так!

— А я этому не верю! Я большой знаток.

— Хотите держать пари?

Мальчишка принес маленькую тетрадку и толстую книгу

— Ведь я знаю, что вы проиграете, так как я прав. Все равно, я ставлю соверен, только чтоб проучить вас.

Торговец злобно ухмыльнулся.

— Принеси мне книги, Билл, — крикнул он.

Мальчишка принес маленькую тетрадку и толстую книгу, переплет которой был весь в жирных пятнах. Он положил их на освещенный прилавок.

— Вот смотрите, мистер Упрямец, — сказал торговец. — Я думал, что сегодня уже не буду иметь дела с гусями, но бог прислал мне в лавку под вечер еще одного! Видите эти записи?

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

— И что же?

— Это список всех моих поставщиков. Видите?

Вот тут имена поставщиков из деревни, цифра после каждой фамилии указывает на страницу в бухгалтерской книге, где ведутся их счета. А здесь красными чернилами записаны мои городские поставщики. Прочтите третью фамилию.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд 117, страница 249», — прочел Холмс.

— Так. А теперь откройте 249-ю страницу. Видите?

Холмс нашел указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд 117, поставщица яиц и дичи».

— Что в последней записи?

— «Двадцать четвертого декабря. Двадцать четыре гуся по семь с половиной шиллингов».

— Так. А что написано под этим?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Холмс выглядел совершенно смущенным. Он вынул соверен, бросил его на стол и вышел с недовольным видом. Отойдя некоторое расстояние от магазина, он остановился возле фонаря от души расхохотался своим веселым и почти беззвучным смехом.

— Ну, Ватсон, у человека с такими бакенбардами и красном платке в кармане с помощью пари можно выудить что угодно. А иначе из него и за сто фунтов информацию не выудишь. Теперь наша загадка должна скоро разрешиться. Вопрос в том, пойдем

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ли мы сейчас к миссис Окшотт или отложим это до завтрашнего дня. Из слов этого грубияна ясно видно, что кроме меня, гусями интересовались и другие люди. И я бы...

Вдруг громкий крик донесся из только что оставленного нами магазина. Мы вернулись и увидали у магазина какого-то невысокого краснолицего человека. Брекинридж, стоя в дверях своей лавки, потрясал в воздухе кулаками.

— Убирайтесь вы к черту с вашими гусями! Если вы еще раз вернетесь, я спущу на вас собаку. Пускай придет сама миссис Окшотт, я ей дам ответ. А вас это не касается!

- Ведь один гусь был мой, — захныкал человек.
- Обратись к миссис Окшотт!
- Она послала меня к вам.

— Обращайтесь к кому хотите, хоть к прусскому королю, мне до этого дела нет! Вон отсюда! — Он сделал угрожающее движение, и человечек скрылся в темноте.

— Вероятно, нам не придется идти на Брикстон-роуд к этой торговке, — шепнул Холмс. — Пойдемте-ка. Может быть, этот тип будет нам полезен.

Быстро проскользнув мимо ротозеев, которые таращились на освещенные ларьки, Холмс догнал человека и хлопнул его по плечу. Тот быстро обернулся, и я увидал при свете фонаря, что краска сошла с его лица.

— Кто вы такой? Что вам нужно? — спросил он нетвердым голосом.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

— Извините, — вежливо ответил Холмс, — но я случайно был свидетелем вашего разговора с торговцем и, пожалуй, могу вам оказать пользу.

— Вы? Кто вы такой? Как вы можете знать об этом?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя специальность — знать то, чего не знают другие.

— Но об этом вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю все. Вы бы хотели найти пару гусей, проданных миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, а этим последним хозяину трактира «Альфа» Уиндигейту, а Уиндигейтом — некоторым клиентам, к числу которых принадлежит мистер Генри Бейкер.

— О, мистер, вы не можете представить, какое значение имеет для меня все это! — воскликнул маленький человек.

Холмс подозвал проезжавшего извозчика.

— В таком случае, самое лучше будет, если мы это обсудим в уютной комнате, а не на промозглой улице, — сказал он. — Но прежде всего, скажите мне, пожалуйста, с кем я имею удовольствие говорить?

Человек замялся.

— Меня зовут Джон Робинсон, — ответил он, отведя взгляд в сторону.

— Нет, нет, ваше настоящее имя, — проговорил вежливо Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который выступает от своего имени.

Краска залила бледное лицо незнакомца.

— Хорошо, мое настоящее имя Джеймс Райдер.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— А, главный лакей в гостинице «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб и я вам дам все необходимые справки.

Маленький человек не двигался, бросая на нас то испуганные, то недоумевающие взгляды. Затем он все-таки сел в кэб, и через полчаса мы очутились в квартире моего друга.

По дороге мы не обменялись ни одним словом; однако порывистое дыхание нашего спутника и нервное подергивание его рук выдавали его волнение.

— Вот мы и приехали! — проговорил весело Холмс, входя в комнату. — В камине горит огонь. Отлично! Вы продрогли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в кресло. Позвольте мне только надеть туфли. Вот так! Значит, вы хотели бы знать, какая участь постигла гусей?

— Вот именно.

— Или, вернее, одного гуся? Ведь вы интересуетесь одним гусем — белым, с черными полосами на хвосте.

Райдер задрожал от волнения.

— Ах! — воскликнул он. — Можете вы мне сказать, куда он попал?

— Он попал сюда.

— Сюда?

— Да, это был чудный гусь. То есть, вернее, гусыня. Я нисколько не удивляюсь, что вы ей так интересуетесь. После того, как ее зарезали, она снесла голубое яйцо. Чудное яичко, оно здесь, в моей коллекции!

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

— *O, мистер, вы не можете представить, какое значение имеет для меня все это!*

Наш гость приподнялся и схватился правой рукой за край камина. Холмс открыл несгораемый шкаф, вынул шкатулку и достал из нее голубой кар-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

бункул, который сверкал, словно мерцающая звезда чудным переливчатым светом. Лицо Райдера исказилось. Он явно не знал, что делать — потребовать ли бриллиант или отказаться от него.

— Игра кончена, Райдер, — проговорил спокойно Холмс. — Помоги ему сесть, Ватсон, а то он рухнет в камин. Ему явно не хватает нервов, чтобы мешенничать. Дай ему глоток бренди. Вот так! Что за жалкая личность!

Райдер едва стоял на ногах, но от бренди его щеки порозовели, и он сел в кресло, испуганно глядя на нас с Холмсом.

— Мне известно почти все, так что вам почти ничего добавить, — сказал Холмс. — И все-таки рассказывайте, чтобы прояснить все нюансы этого дела. Откуда вы услышали о голубом алмазе графини Моркар, Райдер?

— Кэтрин Кьюсек, горничная графини рассказывала мне о нем, — ответил он хриплым голосом.

— Ага, искушение стать сразу богатым человеком было слишком велико, и вы нисколько не постеснялись в выборе средств. Так неоднократно случалось и с более достойными людьми. Мне кажется, из вас со временем мог бы получиться настоящий негодяй. Вы знали, что этот паяльщик Хорнер раз попался на воровстве и поэтому подозрение падет, прежде всего, на него. Что же вы сделали? Вы с вашей сообщницей — горничной графини — сломали прут каминной решетки и устроили так, чтобы для ее исправления был позван именно Хорнер. После его ухода вы

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

Райдер бросился перед моим другом на колени

взломали шкатулку, подняли шум и указали на Горнера, которого арестовали. Затем...

Райдер бросился перед моим другом на колени.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Ради Создателя, сжалтесь! — воскликнул он. — Подумайте о моем отце, о моей матери. Ведь они умрут с горя. Я еще никогда не совершил преступления! И клянусь вам, я всегда буду честным! Клянусь вам на Библии и всем, что для меня свято! О, только ради Создателя, не предавайте меня суду!

— Садитесь, — ответил строго Холмс. — Сейчас вы ползаете на коленях, а о чем вы думали, отправляя невинного человека на скамью подсудимых?

— Я могу исчезнуть, мистер Холмс! Я навсегда уеду из Англии, и тогда подозрения с него будут сняты!

— Мы еще поговорим об этом. А пока расскажите мне, что случилось дальше. Каким образом камень оказался в гусе, и как этот гусь попал на рынок? Говорите нам одну только правду, в этом все ваше спасение.

Райдер повел языком по засохшим губам.

— Я вам расскажу, как все произошло, — начал он. — Когда Хорнера арестовали, я решил, что надо немедленно спрятать камень, так как полиции может прийти мысль обыскать меня и мою комнату. Поэтому я отправился к своей сестре. Она замужем за Окшоттом, живет на Брикстон-роуд и откармливает живность на продажу. Я был в страшном волнении. По дороге каждого встречного я принимал за полицейского, и холодный пот выступал на моем лбу. Сестра спросила меня, что случилось, и почему я так бледен. Я ей сказал, что у нас в гостинице слу-

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

чилась кража. Затем я вышел на двор, закурил трубку и начал размышлять о том, что же мне теперь делать.

У меня был раньше друг по имени Мозли, который сошел с прямой дорожки. Он только что вышел из Пентонвилльской тюрьмы. Он мне не раз рассказывал об уловках воров, прячущих украденные вещи. Я знал, что он меня не выдаст, так как я кое-что знал о нем, поэтому я решил довериться ему. Он наверняка смог бы научить меня как обратить камень в деньги. Но каким образом попасть к нему в Килберн? На улице меня могли каждую минуту арестовать, обыскать, и тогда я пропал. Я прислонился к стене, передо мной ходили вразвалку гуси; вдруг мне пришла в голову блестящая мысль. Сестра обещала мне подарить к Рождеству самого жирного гуся, а она держит свои обещания. Я решил взять его теперь и скрыть камень в его зобу. Я поймал одного гуся, раскрыл ему клов и протолкнул ему в горло драгоценный камень. Но он начал так гоготать, что моя сестра вышла и спросила, что случилось. Только что я ей собирался ответить, как гусь вырвался из моих рук и смешался с другими.

«Что ты делаешь, Джеймс?» — спросила она.

«Ведь ты же обещала подарить мне на Рождество гуся. Вот я и смотрел, какой из них жирнее».

«Для тебя мы уже выбрали гусыню, вон ту большую, белую. У нас их двадцать шесть штук — одна для тебя, другая для нас, и двадцать четыре для продажи».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

«Благодарю тебя, Маджи, — сказал я. — Но я предпочитаю взять ту, которая только что была у меня в руках».

«Но твоя тяжелее фунта на три, мы специально ее для тебя откармливали».

«Ничего страшного, мне приглянулась другая».

«Как хочешь, — ответил сестра слегка обиженно. — Какую же ты выбрал?».

«Вот ту белую, с черными полосами, которую я поймал».

«Отлично, возьми ее».

Я взял гуся и отправился в Килберн к Мозли. Я рассказал ему про свою выдумку, и он чуть не лопнул от хохота. Когда же мы разрезали гуся, камня в нем не оказалось. Очевидно, произошла страшная ошибка. Я тотчас же бросился к сестре, но на птичьем дворе гусей уже не было.

«Где гуси, Мэгги?», — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому?»

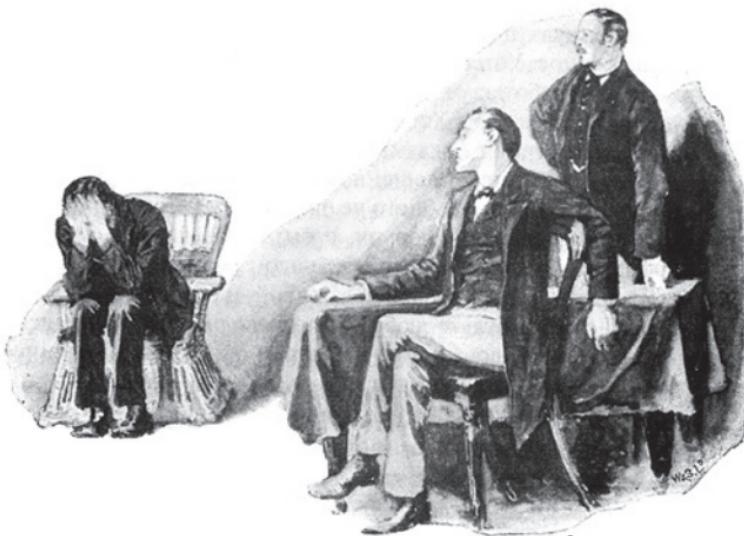
«Брекинриджу, на Ковент-Гарден».

«А среди них был один с черными полосами на хвосте?», — спросил я.

«Да, было два таких гуся, и я их вечно путала».

Я понял все и бросился к Брекинриджу, но он уже продал всю партию и ни за что не хотел мне сказать, кому именно. Вы его сегодня сами слышали. Сестра говорит, что я схожу с ума. Иногда мне это само-му кажется. Теперь я обесчещен на всю жизнь! Госпо-ди, спаси меня!

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

Он закрыл лицо руками и разразился рыданиями

Он закрыл лицо руками и разразился рыданиями.

Наступило молчание, прерываемое только тяжелым дыханием несчастного и стуком пальцев Шерлока Холмса по столу. Наконец Холмс встал и открыл дверь.

— Уходите! — проговорил он.

— Что? О, Господь вас за это вознаградит!

— Ни слова! Ступайте!

Райдер не заставил себя просить дважды, и через несколько секунд до нас донесся звук захлопываемой двери и быстрых шагов по улице.

— В сущности, Ватсон, — проговорил Холмс, принимаясь за трубку, — я вовсе не обязан помо-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

гать полиции. Если бы Хорнеру грозила реальная опасность, тогда иное дело. Но теперь Райдер не станет его обвинять, и дело рассыплется. Хорнер, конечно же, завтра же будет освобожден. Может быть, я должен был бы донести на Райдера, но я думаю, что своим молчанием спасаю от гибели человеческую душу. Больше преступлений Райдер не совершил — он слишком напуган. Если же он теперь сядет в тюрьму, то связет с ней всю свою жизнь. Кроме того, нынче Рождество, и надо прощать грехи. Случай же столкнул нас с забавной загадкой, и возможность ее решить уже была для нас наградой. А теперь, если позволите, давайте займемся новым «расследованием», в котором опять появляется птица, ведь на ужин у нас куропатка!

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Продолжая свои заметки о тех семидесяти с чем-то случаях, по которым я за последние восемь лет изучал способ расследований моего друга Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических, большое количество просто странных случаев, но ни одного заурядного или ничтожного дела. Однако из всех этих разнообразных расследований, я не помню ни одного, которое носило бы такой мрачный характер, как дело, связанное с хорошо известной в провинции Суррей семьей Ройлотт из Сток-Морана. События этого дела относятся еще к началу моей дружбы с Холмсом, когда мы оба жили вместе до моей женитьбы в нашей квартире на Бейкер-стрит.

Весьма возможно, что предлагаемый рассказ уже давно появился бы в печати, но я дал клятву, что в течение известного срока буду хранить его в тайне, и лишь недавно безвременная кончина леди, которой была дана эта клятва, позволила мне взяться за перо. Разъяснение этого темного дела будет особенно интересно теперь, когда таинственная смерть доктора Гrimеби Ройлотта возбуждает в обществе такие мрачные и ужасные подозрения.

В начале апреля 1883 года я, проснувшись как-то утром, увидел у своей кровати Шерлока Холмса совершенно одетого. Обычно он вставал поздно, на

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

часах же, стоявших на каминной полке, было только четверть восьмого, и поэтому я взглянул на него с удивлением и с некоторой досадой. Я не люблю, когда мои привычки нарушают.

— Мне очень жаль будить вас, Ватсон, — сказал Холмс, — но в это утро всем нам пришлось встать рано. Сперва разбудили миссис Хадсон, она пришла ко мне, а я к вам.

— Что случилось? Мы горим?

— Нет, но какая-то леди приехала сюда в большом волнении и потребовала меня. Она сидит и ждет в гостиной. Когда юные леди разъезжают по столице в такую рань и будят людей, следует предположить, что им надо сообщить что-то очень важное. Если же случай этот окажется интересным, вы, вероятно, пожелаете поучаствовать в нем с самого начала. Поэтому-то я на всякий случай и пришел разбудить вас.

— Вы правы, друг мой, я ни за что не упущу такую возможность.

Я не знал большего удовольствия, как сопровождать Холмса в его расследованиях, а потому поспешно оделся и через несколько минут был готов спуститься с ним в гостиную. У окна сидела дама, вся в черном, лицо ее прикрывала плотная вуаль; когда мы вошли, она встала.

— Здравствуйте, — весело сказал Холмс. — Я — Шерлок Холмс, а это мой близкий друг и товарищ доктор Ватсон, в присутствии которого вы можете говорить так же свободно, как и наедине со мной.

Хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Пожалуйста, подвиньтесь поближе к нему, сейчас я велю подать вам чашку горячего кофе: я вижу, что вы дрожите от холода.

— Я дрожу не от холода, — тихим голосом отвечала незнакомка, пересаживаясь ближе к камину.

— Отчего же?

— От страха, мистер Холмс, от ужасного страха.

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, что она действительно находилась в самом жалком состоянии душевного волнения. Ей нельзя было дать более тридцати лет, но волосы ее местами преждевременно поседели, а выражение лица было

Она подняла вуаль...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

утомленным и страдальческим. Шерлок Холмс окинул всю ее своим быстрым внимательным взглядом.

— Не бойтесь, — сказал он, нагнувшись к ней и успокаивающе гладя ее руку. — Мы скоро разберем, в чем дело, и, без сомнения, все уладим. Я вижу, вы приехали сегодня утром по железной дороге.

— Как вы узнали?

— Я вижу оставшуюся половинку обратного билета в вашей перчатке. Вы, вероятно, выехали из дома рано, и вам пришлось долго ехать в двухколке по разбитой грязной дороге до станции.

Леди заметно вздрогнула и с недоумением уставилась на Холмса.

— В этом нет ничего удивительного, — сказал он, улыбаясь. — Левый рукав вашего жакета забрызган грязью по крайней мере в семи местах. Грязь эта еще совсем свежа. Я не знаю другого экипажа, который бы так брызгал грязью, как двухколка, в которой приходится сидеть по левую сторону от кучера.

— Каким бы путем вы это ни узнали, во всяком случае, это верно, — сказала она. — Я выехала из дома в шестом часу утра, была на станции Летерхед в двадцать минут седьмого и приехала сюда с первым же поездом. Я пришла сказать вам, что не могу дольше так жить, что непременно сойду с ума, если все это будет продолжаться. Мне не к кому обратиться. У меня никого нет, кроме одного человека, который любит меня всей душой, но в этом случае он ничего не может сделать. Я слыхала о вас, мистер Холмс, от миссис Фаринтош, которой вы так помогли в тя-

желую минуту ее жизни. Это она дала мне ваш адрес. Умоляю вас, помогите мне! Только вы можете осветить тот густой мрак неизвестности и тайны, который окружает меня! В настоящее время мне нечем отблагодарить вас за ваши услуги, но через месяц или два я выйду замуж и буду сама располагать своим состоянием, и тогда вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к письменному столу, вынул из ящика маленькую записную книжку и внимательно стал перелистывать ее.

— Фаринтош, — сказал он. — Ах да, помню! Дело с опаловой диадемой. Это, кажется, было еще до вас, Ватсон. Могу сказать, что я буду чрезвычайно счастлив приложить к вашему делу такие же старания, как и к делу вашей приятельницы миссис Фаринтош. Что же касается вознаграждения за мои труды и покрытия возможных издержек, то вы можете чувствовать себя совершенно свободно и заплатить, когда вам представится такая возможность. Теперь же я попрошу вас сообщить нам все, что вы знаете об этом деле.

— К сожалению, — отвечала наша посетительница, — весь ужас моего положения и заключается в том, что страхи мои так неопределены, а мои подозрения возбуждают такие мелочи, что посторонний легко может счесть их совершенно ничтожными. Даже мой суженый, к кому я прежде всех имею право обратиться за советом и помощью, смотрит на все, что я ему говорю, как на фантазии нервной

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

женщины. Он не говорит этого вслух, но я вижу это по его взгляду и по ответам, которыми он старается меня успокоить. Однако я слышала, мистер Холмс, что вы чрезвычайно опытны и способны проникать в темные глубины преступных людских сердец. Может быть, вы дадите мне совет, как мне избегнуть той опасности, которая мне грозит.

— Я весь к вашим услугам.

— Меня зовут Элен Стоунер, я живу со своим отчимом, последним потомком одного из древнейших саксонских родов Англии, Ройлоттов из Сток-Морана, что на западной границе провинции Суррей.

Холмс кивнул головой.

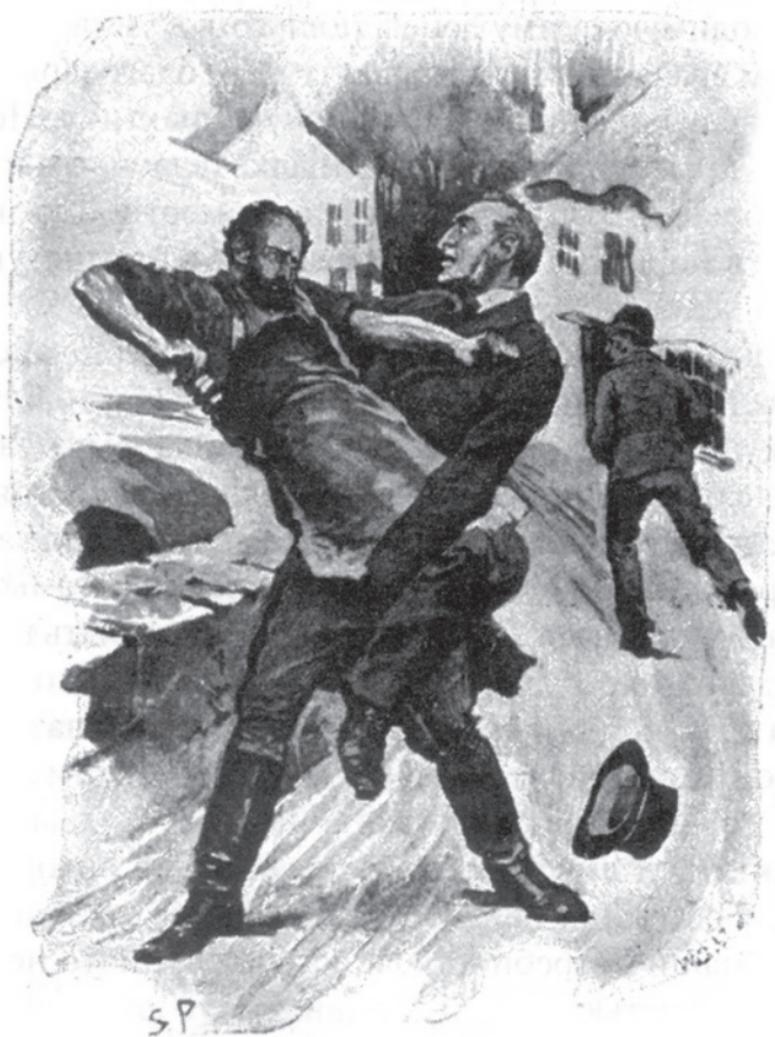
— Фамилия эта мне известна, — сказал он.

— Эта семья в свое время была одной из самых богатых в Англии, владения ее простирались за границы Суррея в Беркшир на севере и в Хэмпшир на западе. Однако в прошлом столетии четыре их владельца оказались один за другим людьми весьма расточительными и неспособными грамотно вести дела. Начатое ими разорение довершено было еще и игроком, унаследовавшим имение Ройлоттов во времена регентства. В результате от обширных владений не осталось ничего, кроме нескольких акров земли и двухсотлетнего дома, который уже заложен на весьма обременительных условиях. Последний владелец имения прожил там свой век в грустном положении нищего лендлорда. Единственный его сын, мой отчим, сознавая необходимость изыскивать средства к суще-

ствованию, получил взаймы некоторую сумму денег от родственника, посвятил себя медицине и, окончив курс, отправился в Калькутту. Там, благодаря своим научным познаниям и силе воли, он приобрел обширную практику. Однако как-то раз в припадке гнева, вызванного воровством, совершенным в его доме, он до смерти избил своего буфетчика-туземца и с трудом избежал смертного приговора. Ему пришлось долго просидеть в заключении, после чего он вернулся в Англию мрачным и разочарованным человеком.

Во время своего пребывания в Индии доктор Ройлott женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора Стоунера, служившего в бенгальской артиллерией. Мы с сестрой Джуллией близняшки, и нам было всего два года, когда наша мать вступила во второй брак. У нее было порядочное состояние, с которого она получала не менее тысячи фунтов годового дохода. По ее завещанию в случае ее смерти этими деньгами должен был распоряжаться доктор Ройлott, пока мы будем жить вместе с ним, с условием, чтобы он выплачивал нам известную сумму в год, если мы выйдем замуж. Вскоре после нашего возвращения в Англию, наша мать погибла во время железнодорожного крушения недалеко от Кру. Доктор Ройлott после этого отказался от всех попыток приобрести практику в Лондоне и уехал жить с нами в свой родовой дом в Сток-Моране. Деньги, оставленные матерью, вполне обеспечивали нашу жизнь, и будущее казалось нам безоблачным.

Однако примерно в это время в характере нашего отчима произошла резкая перемена. Вместо того, чтобы познакомиться с нашими соседями, которые от души были рады, что последний потомок семьи Ройлотов из Сток-Морана поселился в своем имении, он заперся в своем доме. Если он изредка и выходил из него, то дело обычно кончалось свирепой ссорой с первым встречным, попадавшимся ему на глаза. Необузданно гневный нрав, доходящий почти до помешательства, наследовался по мужской линии в его семье, и мне кажется, что продолжительное пребывание моего отчима в тропическом климате лишь усугубили эту черту его характера. Вскоре вслед за этим последовал целый ряд самых унизительных ссор, из которых две закончились в полицейском участке. Он сделался страшилищем для всей деревни; люди бегут от него при его появлении, тем более, ведь мой отчим обладает большой физической силой и совершенно теряет всякую власть над собой, когда рассердится. На прошлой неделе он швырнул деревенского кузнеца с моста в реку, и мне пришлось отдать все деньги, какие я смогла собрать, чтобы оградить его от нового публичного скандала. У него совсем нет друзей, кроме кочующих цыган. Им он то и дело позволяет располагаться табором на необработанных, поросших терновником полях своего имения. Сам он ходит к ним в шалаши, проводит с ними целые дни, а иногда даже уходит с табором кочевать и пропадает неделями. Кроме того, он большой любитель разных индийских животных, которых ино-

Он швырнул деревенского кузнеца с моста в реку

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

гда присыпает ему один его приятель из Индии. Так, например, в настоящее время у нас по полям и саду бегают на свободе гепард с павианом, которые наводят на окрестных жителей почти такой же страх, как и их владелец.

Из того, что я вам рассказала, вы можете себе представить — нам с моей бедной сестрой жилось не очень-то весело. Прислуга не хотела оставаться у нас в доме, и нам подолгу приходилось выполнять самим всю домашнюю работу. Сестре моей было не более тридцати лет, когда она умерла; а волосы ее уже начали седеть, так же, как теперь мои.

— Разве сестра ваша скончалась?

— Она умерла ровно два года тому назад. Именно о ее смерти мне и хочется поговорить с вами. Вы легко можете понять, что, живя такою жизнью, мы редко виделись с людьми нашего возраста и положения. У нас есть тетя, незамужняя сестра моей матери, мисс Гонория Бестфайл, которая живет в Харроу; нам изредка позволялось навещать ее на несколько дней. Джуллия ездила к ней на Рождество два года тому назад. Там она познакомилась с одним морским офицером и сделалась его невестой. Мой отчим узнал об этой помолвке, когда сестра вернулась домой, и не отказал ей в своем согласии. Однако за две недели до свадьбы, случилось именно то страшное событие, которое лишило меня единственного близкого мне человека.

Шерлок Холмс все время сидел, прислонившись к спинке стула, закрыв глаза и оперев голову на подушку.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

шку, теперь он слегка приподнял веки и взглянул на свою посетительницу.

— Пожалуйста, будьте точны в подробностях, — сказал он.

— Это будет нетрудно, потому что все мельчайшие обстоятельства этих страшных минут накрепко врезались в мою память. Наш дом, как я уже говорила вам, очень стар, жить можно еще лишь в одном его флигеле. Все спальни находятся в первом этаже этого флигеля, а гостиные — в средней части здания. Из этих спален первая — комната доктора Ройлотта, вторая — комната моей сестры, а крайняя — моя. Между ними нет сообщения, но все они выходят в один коридор. Достаточно ясно я объясняю?

— Вполне.

— Окна всех трех комнат выходят на луг перед домом. В тот роковой вечер доктор Ройлотт рано ушел к себе в спальню, но он не ложился спать; моя сестра это знала по сильному запаху его крепких индийских сигар, дым которых проникал в ее комнату и беспокоил ее. Она ушла из своей спальни и пришла ко мне посидеть и поболтать о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов она встала и хотела уйти, но остановилась у двери и оглянулась.

— Скажи мне, Элен, — спросила она, — ты никогда не слышишь ночью какой-то странный свист?

— Никогда, — отвечала я.

— Ведь не ты же это посвистываешь во сне?

— Конечно, нет. А что?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В последние две или три ночи я всегда около трех часов слышу негромкий, но ясный свист. У меня легкий сон, и это будит меня. Не могу сказать, откуда идет этот свист, из другой комнаты или с луга перед домом.

— Нет, я ничего не слышала. Вероятно, это глупые цыгане свистят в поле.

— Должно быть. Но если свист доносился со двора, удивительно, что ты ничего не слышала.

— Я сплю крепче тебя.

— Во всяком случае, это не имеет большого значения, — сказала она, улыбаясь. Выходя, она затворила дверь моей комнаты и через несколько минут я услышала, как она повернула ключ в замке своей двери.

— Вот как, — спросил Холмс. — Разве вы привыкли на ночь запираться на ключ?

— Всегда.

— Почему?

— Ведь я, кажется, говорила вам, что у доктора бегают на свободе гепард и павиан. Мы не могли бы спать спокойно, не заперев дверь на ключ.

— Хорошо. Пожалуйста, продолжайте.

— Я не могла заснуть в эту ночь. На меня давило неопределенное предчувствие грозящего несчастия. Если помните, мы с сестрой близняшки, а вы знаете, как неуловима и тесна бывает связь между двумя душами, так близко сродными между собой. Ночь была бурная. За окнами выл ветер, дождь хлестал и бил в стекла. Вдруг среди шума бури раздался дикий крик испуганной женщины. Я узнала голос сестры. Вско-

59

Я увидела сестру, стоявшую в проеме двери

чив с постели, я накинула платок и бросилась в коридор. В ту минуту, как я отворила свою дверь, мне показалось, что я услышала негромкий свист, тот самый, о котором говорила мне сестра, и с минуту после этого раздался звенящий звук как бы упавшего металлического предмета. Выбежав в коридор, я услыхала, как отперлась дверь комнаты моей сестры, и увидела, что она медленно отворяется. Я в ужасе смотрела на дверь, не зная, что покажется за ней. При свете лампы в коридоре я увидела сестру, стоявшую в проеме двери. Она протянула вперед руки, как будто ища опоры, при этом она шаталась, как пьяная. Я подбежала к ней и охватила ее обеими руками, но

в ту же минуту ноги ее подкосились, и она упала на пол. Она начала биться, как от страшной боли, ее руки и ноги судорожно скривились. Сперва я подумала, что она не узнала меня, но когда я нагнулась к ней, она вдруг вскрикнула таким голосом, какого я никогда не слышала: «О, Боже мой, Элен. Это лента! Пестрая лента!» Она хотела сказать еще что-то и указала пальцем в направлении комнаты доктора, но ее опять свела судорога, перекрыв ей дыхание. Я побежала по коридору и громко позвала отчима. Он выбежал из своей спальни в халате. Когда он подошел к моей сестре, она была уже без сознания. Он влил ей в горло водку и послал за деревенским врачом, но все усилия оказались тщетными: она умерла, не приходя в сознание. Такова была страшная кончина моей дорогой сестры.

— Позвольте спросить, — прервал ее Холмс, — вполне ли вы уверены, что слышали свист и металлический звук. Можете вы присягнуть в этом?

— Это было первое, что спросил меня судебный следователь! У меня в памяти осталось очень ясное впечатление от этих звуков, но среди гула и рева бури я могла, конечно, и ошибиться.

— Сестра ваша была одета?

— Нет, она была в ночной сорочке. В ее правой руке нашли обгорелый кончик спички, а в левой — коробочку со спичками.

— Это доказывает, что она успела зажечь огонь и оглядеться кругом после испуга. Это очень важно. К каким заключениям пришло следствие?

— Судебный следователь очень тщательно вник во все подробности дела, поскольку поведение доктора Ройлотта и без того уже возбуждало всеобщее внимание, но не смог найти ничего, чем можно было бы объяснить смерть моей сестры. Из моих показаний узнали, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окно закрыто старинными ставнями с толстыми железными перекладинами, которые накрепко запирались каждый вечер. Стены были тщательно обысканы, они оказались вполне крепкими во всех местах. То же было сделано и с полом, и с тем же отрицательным результатом. Камин, правда, очень просторен, но он перекрыт четырьмя крепкими железными прутами. Нет сомнения в том, что сестра моя была совершенно одна, когда ее настигла смерть. К тому же на ее теле не было ни малейшего следа насилия.

— А что вы скажете о яде?

— Доктора, осмотрев тело, не нашли никаких признаков отравы.

— От чего же, вы думаете, умерла эта бедная девушка?

— По-моему, она умерла просто от страха и нервного потрясения, но я решительно не могу представить себе, что же могло ее так испугать.

— Были в то время в имении цыгане?

— Да, они почти всегда живут там.

— А как вы объясняете себе слова сестры о ленте, — о пестрой ленте?

— Иногда мне кажется, что это был просто бред, а иногда я думаю, что они, может быть, относились к

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

пестрому головному убору, который носят женщины в цыганском таборе.

Холмс покачал головой, как будто неудовлетворенный этим объяснением.

— Это очень темное дело, — сказал он. — Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

— С тех пор прошло два года. Жизнь моя стала еще более одинокой, чем прежде. Однако, месяц тому назад, один мой близкий друг, которого я знала уже давно, попросил моей руки. Его фамилия Армитедж, — Пэрси Армитедж. Он второй сын мистера Армитеджа из Крейн-Уотера, что недалеко от Рединга. Отчим мой дал свое согласие на этот брак, и свадьба наша должна состояться весной. Между тем дня два тому назад в западном флигеле нашего дома начали делать какие-то починки. В результате проломили стену моей спальни, так что мне пришлось перейти в ту комнату, где умерла моя сестра, и мне пришлось спать на ее кровати. Вообразите себе мой ужас, когда прошлой ночью, лежа в постели и думая о страшной ее кончине, я вдруг услышала в ночной тишине тот же самый тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с постели и зажгла лампу, но не заметила в комнате ничего особенного. Я была слишком испугана, чтобы снова лечь. Поэтому я оделась и, как только рассвело, вышла из дома, наняла двухколку в находящейся напротив нас гостинице «Корона» и поехала в Летерхед, на станцию, откуда и приехала сюда, с намерением повидать вас и попросить вашего совета.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

— И хорошо сделали, — сказал мой друг. — Все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Мисс Ройлott, это неправда. Вы бережете своего отчима.

— То есть как. Что вы хотите сказать?

Вместо ответа Холмс приподнял черное кружево рукава, которое отчасти закрывало руку, лежавшую на колене нашей посетительницы. Пять маленьких синеватых пятнышек, следы пальцев, ясно виднелись на белой кисти руки.

— Он мучает вас, — сказал Холмс. Девушка густо покраснела и поспешно прикрыла руку.

— Он вспыльчивый человек, — заметила она, — и, вероятно, сам не знает меру своей силе.

Наступило долгое молчание; Холмс опустил подбородок на руки и уставился на огонь в камине.

— Дело это очень темно, — сказал он, наконец.

— Тут еще тысяча подробностей, которые мне непременно надо узнать прежде, чем решить, как нам действовать. Вместе с тем, нам нельзя терять времени. Если бы, например, мы приехали сегодня в Сток-Моран, можно было бы нам осмотреть ваши комнаты без ведома вашего отчима?

— По счастливой случайности он говорил мне, что именно сегодня ему надо быть в городе по какому-то важному делу. Вероятно, он до вечера не вернется домой; в таком случае вам ничто не помешает. У нас теперь в доме экономка, но она стара и глупа, я легко могу удалить ее на время.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Отлично. Вы согласны на эту поездку, Ватсон?

— Разумеется.

— Так значит, мы приедем оба. А что вы сами намерены делать?

— Мне надо сделать еще кое-какие покупки в городе; но я вернусь домой уже с двенадцатичасовым поездом, чтобы быть там, когда вы приедете.

— Вы можете ждать нас вскоре после вашего возвращения. У меня у самого еще есть дело до тех пор. Не хотите ли позавтракать?

— Нет, мне некогда. Мне уже стало легче на сердце после того, как я рассказала вам о своих опасениях; я с нетерпением буду ждать вас.

Она опустила черную вуаль на лицо и вышла из комнаты.

— Что вы думаете обо всем этом, Ватсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку своего кресла.

— Дело это кажется мне очень темным и страшным.

— Вы абсолютно правы.

— Однако, если наша гостья не ошибается, говоря, что пол и стены комнаты совершенно крепки и невредимы, и что ни в дверь, ни в окно, ни в камин нельзя было проникнуть, то сестра ее непременно была одна, когда ее постигла таинственная смерть.

— Чем же тогда объяснить ночной свист и странные слова умирающей девушки?

— Не знаю.

— Если сопоставить все обстоятельства: повторявшийся ночью свист, табор цыган, водивших близкую дружбу со старым доктором, и принять во внимание, что для него очень выгодно было помешать браку падчерицы, потом предсмертные слова девушки, относившиеся к каким-то лентам, и, наконец, металлический звук, который слышала Элен Стоунер и который, вероятно, шел от одной из железных перекладин, закрывающих ставни, все наводит на мысль, что этому делу можно дать объяснение.

— Что же могли сделать с ней эти цыгане?

— Не могу себе представить!

— Я нахожу в этой истории много противоречий.

— Я тоже. Для этого мы и едем в Сток-Моран сегодня. Я хочу проверить все лично. Но, черт возьми, что это такое?

Восклицание моего друга было вызвано тем, что дверь в нашу комнату вдруг с шумом распахнулась, и в проеме показался человек громадного роста. Костюм его представлял странное смешение одежды джентльмена и простолюдина. На нем была высокая шляпа, длинный черный сюртук и пара высоких штиблет, в руке он держал хлыст. Он был так высок ростом, что верх его шляпы задевал за верхнюю перекладину двери, а его плечи, казалось, заполняли весь дверной проем. Его большое лицо, изрезанное мелкими морщинами, загорелое, темно-желтое, со следами порочных страстей, поворачивалось то к одному, то к другому из нас, между тем как глубоко впалые

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

глаза с желтоватыми белками и высокий, изогнутый, тонкий нос придавали ему сходство со старой свирепой хищной птицей.

— Который из вас Холмс? — спросил появившийся господин.

— Это я, — спокойно отвечал мой друг. — Однако, я не знаю, кто вы.

— Я доктор Гrimеби Ройлott из Сток-Морана.

— Очень рад, доктор, — хладнокровно сказал Холмс. — Пожалуйста, присядьте.

— Нисколько и не намереваюсь. Моя падчерица была здесь, — я проследил за ней. О чем она говорила с вами?

— Сегодня на дворе холодно, не правда ли? — проговорил Холмс.

— О чём она говорила с вами? — сердито закричал старик.

— Однако, я слыхал, что крокусы уже начинают расцветать, — продолжал Холмс все в том же тоне.

— Ага! Вы не хотите отвечать? — воскликнул наш новый посетитель, делая шаг вперед и поднимая хлыст. — Я знаю вас, вы — негодяй! Я давно слыхал про вас, вы — Холмс, сыщик.

Друг мой улыбнулся.

— Суete нос повсюду!

Улыбка Холмса стал еще шире.

— Вы — Холмс, доносчик Скотленд-Ярда. Холмс от души захохотал.

— Который из вас Холмс? — спросил
появившийся господин

— Вы необыкновенно забавный собеседник, —
проговорил он. — Пожалуйста, затворите дверь, уходя,
из нее пренеприятно дует.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Я уйду, когда выскажу все, что хотел сказать. Не смеите вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь: я выследил ее. Меня опасно злить. Вот, смотрите!

Он поспешил подошел к камину, взял из него стальную кочергу и согнул ее в дугу своими большими смуглыми руками.

— Смотрите, не попадитесь мне в руки! — проворчал он и, бросив согнутую кочергу в камин, вышел из комнаты.

— Очень любезный господин, — проговорил Холмс, смеясь. — Я не такой великан, как он, но если бы он подождал минутку, я показал бы ему, что и я не слабее его.

Говоря это, он поднял искривленную кочергу и резким движением выпрямил ее.

— Какая дерзость смешивать меня с полицейскими сыщиками! Однако, это свидание придает нашему делу еще больший интерес. Надеюсь только, что наша маленькая клиентка не поплатится за свою небдительность, дав этой скотине возможность проследить за ней. А теперь, Ватсон, мы велим подать завтрак, а потом я пойду в главную нотариальную контору, где надеюсь навести кое-какие справки для этого дела.

Было около часу, когда Шерлок Холмс вернулся домой. В руке он держал лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание умершей жены, — сказал он. — Чтобы точнее с ним разобраться, я должен был

сделать перерасчет по текущему курсу всех составляющих его ценных бумаг. Общая сумма годового дохода с них на момент ее смерти была приблизительно равна 1100 фунтам, теперь же, благодаря упадку цен на сельскохозяйственные продукты, она составляет не более 750 фунтов в год. Каждая из дочерей, вступив в брак, имеет право на 250 фунтов годового дохода. Если бы обе девушки вышли замуж, то на долю этого прелестного господина осталась бы пустяшная сумма. Даже одна из них, выйдя замуж, нанесла бы ему значительный убыток. Как видите, расчеты эти не были простой тратой времени: они убедили меня в том, что он имеет веское основание помешать браку падчерицы. Ну, а теперь, Ватсон, не будем мешкать, дело слишком серьезное, тем более, что старик знает, что мы им интересуемся. Если вы готовы, мы возьмем кэб и поедем на вокзал. И, кстати, засуньте-ка к себе в карман револьвер. Револьвер — очень веский довод в глазах человека, который гнет стальные кочерги. Оружие и зубная щетка, — вот и все, что нам нужно.

На вокзале Ватерлоо нам удалось успеть на поезд. Приехав в Летерхед, мы наняли на маленьком постолям дворе у станции повозку и поехали по дороге среди зеленых лугов Суррея. Мой спутник сидел рядом со мной, глубоко задумавшись, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза и опустив голову на грудь. Вдруг он поднял голову и дотронулся до моего плеча, указывая вдаль.

— Посмотрите! — сказал он.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

За лугами по отлогому холму подымался густой, заросший парк. На вершине холма он превращался в нечто, похожее на рощу. Между деревьями виднелись серые стены и верх остроконечной крыши старинного дома.

— Это Сток-Моран? — спросил он.

— Да, сударь, это дом доктора Гrimеби Ройлотта, — заметил кучер, правивший лошадью.

— Там делают перестройку, — сказал Холмс, — мы едем туда.

— Вон там деревня, — продолжал наш кучер, указывая налево на маленькую кучу крыш, видневшихся на некотором расстоянии от нас, но если вам надо в усадьбу, короче будет пройти пешком вон через ту каменную ограду и дальше по тропинке, где барышня гуляет.

— Эта барышня, вероятно, мисс Стоунер, — заметил Холмс, прикрывая глаза от солнца. — Я думаю, нам лучше дойти пешком.

Мы слезли, заплатили возничему, и повозка покатила назад в Летерхед.

— На всякий случай, — проговорил Холмс, пока мы перелезали через ограду, — я сказал этому человеку, что мы приехали сюда для перестройки, пусть думает, что мы архитекторы, или что-нибудь в этом роде. Это пресечет сплетни. — Здравствуйте, мисс Стоунер. Вы видите, мы сдержали свое обещание.

Девушка, посетившая нас утром, радостно поспешила нам навстречу.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Мы заплатили возничему, и повозка покатила назад в Летерхед

— Я с таким нетерпением ждала вас, — воскликнула она, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось отлично: доктор Ройлott уехал в город и, вероятно, не вернется до вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с ним, — сказал Холмс, и в нескольких словах передал ей все, что случилось.

Мисс Стоунер побледнела так, что губы ее победели.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он гнался за мной.

— Должно быть так.

— Он так хитер, что я не знаю, что он может предпринять. Что он скажет теперь, когда вернется!

— Ему следует быть осторожным, не то он может попасться в руки людям хитрее его самого. Вам надо будет запереться в своей комнате на весь вечер. Если он будет груб с вами, мы отвезем вас к вашей тете в Харроу. Теперь же не надо терять время. Пожалуйста, будьте так добры отвести нас в комнаты, которые нам надо осмотреть.

Дом был серым, каменным; он весь порос мхом. Здание состояло из высокой средней части и двух флигелей, раскинувшихся полукругом по его сторонам словно клешни краба. В одном из этих флигелей окна были разбиты и заколочены досками. Крыша частично провалилась, что придавало всему зданию вид полного разорения. Средняя часть дома была в немного лучшем состоянии. Правый флигель был относительно новый, занавески на окнах и дым, подымавшийся из труб, показывали, что это жилая часть дома. Угол левого флигеля был забран лесами, стена была местами проломлена, но рабочих во время нашего осмотра мы не видели. Холмс стал медленно прохаживаться по неухоженному лугу перед домом и с большим вниманием осматривать окна.

— Должно быть, это окно комнаты, в которой вы спали прежде. Посередине окно вашей сестры, а это, ближе всех к средней части дома, вероятно, окно доктора Ройлотта?

— Совершенно верно. Но я теперь сплю в средней комнате.

— По причине перестройки, да. Впрочем, кажется,чинить эту стену особенной надобности не было?

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

— Ни малейшей! Я думаю, это был только предлог, чтобы выселить меня из моей комнаты.

— Вот как... Это очень важно! На другой стороне в этом узком флигеле находится коридор, в который выходят все три комнаты. В нем, конечно, тоже есть окна?

— Да, но очень узкие. В них никто не сможет пролезть.

— Если вы обе запирали ваши двери на ключ, то не было, конечно, никакой возможности проникнуть к вам с той стороны. Теперь, будьте так добры, войдите в вашу комнату, закройте ставни изнутри и заприте их железной перекладиной.

Когда мисс Стоунер исполнила желание Холмса, он тщательно осмотрел ставни снаружи, попробовал всевозможными способами взломать их, но это ему не удалось. Не было ни малейшей щели, в которую можно было бы просунуть нож. С помощью увеличительного стекла он внимательно осмотрел петли, они были сделаны из крепкого железа и глубоко вбиты в толстую массивную стену.

— Гм, — проговорил он в некотором недоумении, потирая подбородок. — Теория моя, как я вижу, встречает некоторые затруднения; через эти ставни, когда они заперты перекладиной, никто пролезть не может. Увидим, что покажут нам комнаты внутри.

Маленькая боковая дверь вела в выбеленный коридор, куда выходили двери из всех трех спален. Холмс не считал нужным осматривать крайнюю ком-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

нату, и мы прямо вошли во вторую спальню, в которой теперь жила мисс Стоунер, и где сестру ее постигла страшная участь. Это была уютная комната с низким потолком и большим камином. Комод из темного дерева стоял в одном углу, узкая, покрытая стеганым одеялом кровать — в другом. Туалетный столик располагался слева от окна. Эти предметы, вместе с двумя плетеными стульями, составляли всю меблировку этой комнаты, — середину пола покрывал четырехугольный простой ковер. Пол и деревянные панели на стенах были из темного поеденного червями дуба. Они были такими старыми, что, казалось, являлись ровесниками первоначальной постройки. Холмс пододвинул один из стульев в угол и, сев на него, молча стал осматриваться, водя глазами по стенам, потолку и полу, и стараясь не пропустить ни малейшей подробности.

— Куда ведет этот звонок? — спросил он наконец, указывая на толстый шнурок, висевший около самой кровати. Кисть этого шнурка лежала на подушке.

— В комнату экономки.

— Шнурок этот, как будто, новее остальных вещей в комнате?

— Да, этот звонок недавно устроен здесь, года два или три тому назад.

— Вероятно, сестра ваша просила об этом?

— Нет. Я никогда не слыхала, чтобы она им пользовалась. Мы привыкли все делать сами.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

— Да, правда... Казалось даже жалко было вешать сюда такой красивый шнурок. Извините меня, мне надо осмотреть пол.

Холмс опустился на пол и с увеличительным стеклом в руке поспешно стал двигаться назад и вперед, тщательно осматривая щели между половицами. Приподнявшись, он так же внимательно осмотрел деревянные панели на стенах. Наконец, он подошел к кровати и, встав около нее, начал оглядывать стену сверху вниз. Взяв в руку шнурок, он сильно дернул его.

— Да ведь звонок фальшивый, — сказал он.

— Разве он не звонит?

— Нет, он даже не соединен с проволокой. Как интересно! Видите, шнурок висит просто на крючке под маленьким вентиляционным отверстием.

— Как глупо! Я никогда не замечала этого.

— Очень странно! — пробормотал Холмс, держа шнурок. — В этой комнате есть две-три несообразности. Например, зачем дурак-архитектор провел вентиляционное отверстие в другую комнату, когда правильнее было бы сделать его в наружной стене?

— Оно тоже было сделано недавно.

— Должно быть, в одно время со звонком, — заметил Холмс.

— Да, в то время было сделано несколько изменений в доме.

— Кажется, это очень интересные изменения, — фальшивые звонки и вентиляционные отверстия, которые не пропускают свежий воздух. Теперь, с ваше-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

го позволения, мисс Стоунер, мы перейдем в соседнюю комнату.

Спальня доктора Гrimеби Ройлотта была больше комнаты его падчерицы, но так же просто меблирована. Походная кровать, небольшая деревянная полка с книгами, большей частью научного содержания, кресло у кровати, простой деревянный стул у стены, круглый стол и большой железный шкаф были главными предметами в этой комнате. Холмс медленно прошелся по ней, с особенным вниманием осматривая каждую вещь.

— Что в этом шкафу? — спросил он, стукая пальцем в железную дверцу.

— Деловые бумаги моего отчима.

— Вы, значит, заглядывали в него?

— Только раз несколько лет тому назад, помню, что он был полон бумаг.

— И в нем не может быть спрятана, к примеру, кошка?

— Нет. Какая странная мысль!

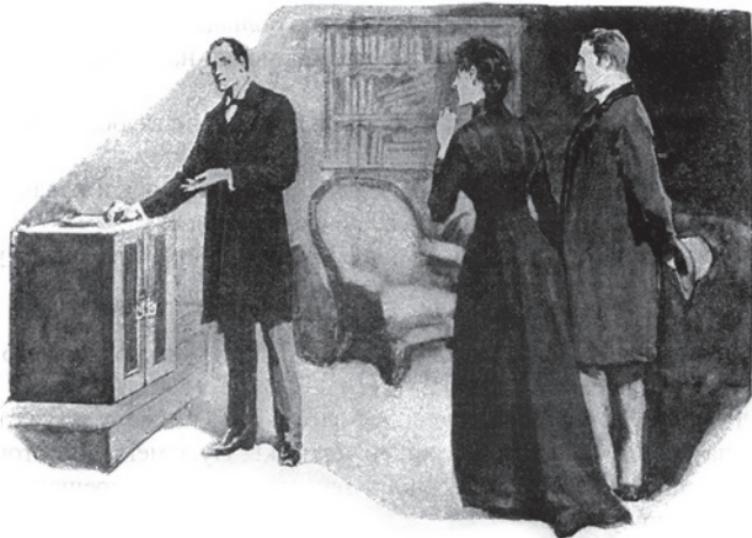
— Посмотрите сюда!

Холмс снял со шкафа блюдечко с молоком.

— Нет, у нас нет кошки; только гепард и павиан.

— Да, конечно. Но ведь гепард это очень большая кошка; блюдечко с молоком вряд ли удовлетворит его аппетит. Есть еще одно обстоятельство, которое мне хотелось бы прояснить.

Он присел на корточки перед стулом и стал рассматривать его сидение.

— Посмотрите сюда!

— Благодарю вас. Все ясно. — сказал он, подымаясь и кладя увеличительное стекло в карман. — А это что? Вот интересная вещь!

Предмет, бросившийся ему в глаза, был маленьким собачим хлыстиком, висевшим на углу кровати. Кончик хлыстика был свернут петлей.

— Что вы думаете об этом, Ватсон?

— Совершенно обыкновенный хлыстик. Не знаю только, зачем он завязан?

— Это довольно необыкновенно, не правда ли? Как ужасен этот мир, когда начинаешь к нему присматриваться, постепенно отыскивая нити преступлений. Я думаю, что видел уже довольно, мисс Стоунер; с вашего позволения мы выйдем на лужайку.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Я никогда еще не видел лица моего друга таким серьезным и мрачным, как в эту минуту, когда мы покидали осмотренные им комнаты. Мы несколько раз прошлись по лугу взад и вперед, но ни мисс Стоунер, ни я не прерывали его раздумий.

Наконец, он заговорил сам.

— Теперь главное, мисс Стоунер, чтобы вы с абсолютной точностью следовали моим советам.

— Я так и сделаю.

— Это слишком серьезное дело. От вашей точности и послушания теперь зависит ваша жизнь.

— Уверяю вас, что готова исполнить ваши приказания.

— Во-первых, я и мой друг должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я с удивлением посмотрели на Холмса.

— Это необходимо. Позвольте мне объяснить вам. То, что виднеется там, постоянный двор, не так ли?

— Да, это гостиница «Корона».

— Хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется домой, вы запретитесь в своей комнате под предлогом головной боли. Как только вы услышите, что он пошел к себе спать, вы отворите ставни, отодвинете задвижку у вашего окна и поставите лампу на подоконник для сигнала нам. Затем, взяв с собой все, что может понадобиться вам на ночь, вы уйдете в соседнюю комнату, кото-

ную занимали прежде. Я думаю, что, несмотря на начатую там перестройку, вы все-таки сможете провести в ней одну ночь?

— О, да, легко могу.

— Остальное предоставьте нам.

— Что же вы намерены делать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и постараемся узнать причину тех звуков, которые вас так обеспокоили.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже составили себе ясное представление об этом деле, — сказала мисс Стоунер, положив руку на рукав моего друга.

— Может быть.

— Тогда прошу вас, сжалитесь надо мной и скажите, что было причиной смерти моей сестры?

— Мне хотелось бы иметь более определенные доказательства, прежде чем сообщить вам это.

— Скажите, мне, по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла просто от испуга?

— Нет, не думаю. Тут, вероятно, были более существенные причины. Теперь же, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас. Если доктор Ройлott вернется домой и застанет нас, — поездка наша сюда окажется совершенно бесполезной. Прощайте, и не бойтесь; если вы сделаете все, о чем я просил вас, вы можете быть уверены, что мы скоро устраним всякую грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без затруднения наняли себе комнату в деревенской гостинице «Корона». Она находилась на верхнем этаже, и нам из окна

видны были ворота и обитаемый флигель дома Сток-Моран. Когда начало смеркаться, мы видели, как доктор Гrimеби Ройлott проехал мимо нас. Громадная фигура его казалась еще больше по сравнению с мальчиком, сидевшим рядом с ним и правившим лошадью. Мальчик замешкался, отворяя тяжелые железные ворота, и мы слышали сердитый голос доктора, бравившего его, и видели, как он гневно грозил ему кулаком. Тележка поехала дальше, и несколько минут спустя между деревьями блеснул свет, вероятно, зажгли лампу в гостиной дома.

— Знаете что, Ватсон, — сказал мне Холмс, сидя со мной в густевых сумерках комнаты. — Я не решаюсь брать вас сегодня с собой. Дело положительно очень опасное.

— Но я же могу быть вам полезен?

— Ваше присутствие может быть весьма полезным.

— В таком случае я, разумеется, пойду с вами.

— Я очень благодарен вам.

— Вы говорите об опасности; значит, в этих комнатах вы видели что-то такое, чего я не заметил.

— Нет, но мне кажется, что я сделал несколько выводов из того, что и вы видели вместе со мной.

— Я ничего особенного не видел кроме шнурка, и, должен признаться, не понимаю, зачем он там повешен.

— Вы видели также и вентиляционное отверстие.

— Да, но я не вижу ничего необыкновенного в том, что между двумя комнатами проделано малень-

58

— Тогда прошу вас, скажите, что было причиной смерти моей сестры?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

кое отверстие. Оно так мало, что в него не пролезет и крыса.

— Еще до моего приезда в Сток-Моран, я уже знал, что мы найдем отверстие в этой комнате.

— Неужели?

— Помните, она рассказывала нам, что ее сестру беспокоил дым сигар Ройлотта? Это очевидно указывало, что между обеими комнатами было какое-то сообщение. Отверстие могло быть только очень небольшое, иначе его непременно заметили бы при обыске комнаты; из этого я заключил, что это вентиляционное отверстие.

— И что же в этом особенного?

— Согласитесь, что тут странное сочетание обстоятельств. Делают вентиляционное отверстие, вешают шнурок, и девушка, спящая в кровати, внезапно умирает. Разве это вас не поражает?

— Я не вижу тут никакой связи.

— Вы не заметили ничего особенного в этой кровати?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы прежде когда-нибудь видели, чтобы кровати накрепко фиксировали к полу?

— Нет.

— Кровать эту нельзя сдвинуть с места; она всегда остается в том же положении относительно вентиляционного отверстия и веревки, — мы можем назвать так шнурок, поскольку он, по-видимому, никогда и не предназначался для звонка.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

— Холмс, — вскрикнул я. — Теперь я начинаю смутно понимать, на что вы намекаете. Мы должны сегодня предотвратить какое-то вероломное и ужасное преступление.

— Да, хитрое и страшное. Когда врач делается преступником, он становится самым ужасным из всех злодеев. У него есть и смелость, и знание. Пальмер и Причард¹ были первоклассными специалистами; а этот, кажется, еще замечательнее их. Однако надеюсь, что нам с вами, Ватсон, удастся перехитрить его. Кто знает, какие ужасы предстоят нам в эту ночь! А пока выкурим по сигаре и поговорим о чем-нибудь более веселом.

Около девяти часов вечера свет между деревьями исчез, и старинный дом погрузился в полный мрак. Медленно прошло еще два часа; ровно в одиннадцать ночи в одном из окон флигеля засветился яркий огонек.

— Наш сигнал, — вскрикнул Холмс, вскакивая со стула. — Он горит в среднем окне.

Выходя, он сказал пару слов хозяину гостиницы, объяснив, что мы отправляемся к знакомому и, может быть, проведем ночь у него. Минуту спустя мы были уже на дороге. Холодный ветер дул нам в лицо, а мы спешили по направлению к желтоватому огоньку, маячившему в ночном мраке и указывавшему нам путь к месту готовящегося преступления.

¹ Уильям Пальмер и Эдуард Притчард — два английских врача, первый отравил стрихнином своего знакомого, второй отравил жену и тещу; оба были казнены в середине XIX века.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Проникнуть в сад было нетрудно. В каменной ограде старого парка было много проломов. Пробираясь между деревьями, мы дошли до лужайки, перешли ее и собирались уже влезть в открытое окно, как вдруг из группы лавровых кустов выскочило что-то, похожее на отвратительного кривляющегося ребенка. Существо это прыгнуло на траву и торопливыми вихляющими шагами скрылось в темноте.

— Боже мой! — прошептал я.

— Вы видели?

Холмс на мгновение тоже испугался. Пальцы его, словно клещи, стиснули мою руку. Потом он тихонько засмеялся.

— Приятная встреча! — пробормотал он. — Это павиан.

Я совсем позабыл про своеобразных любимцев доктора. Поблизости мог быть и гепард; в любую минуту он мог прыгнуть нам на плечи. Признаюсь, я почувствовал большое облегчение, когда, следуя примеру Холмса, сбросил башмаки и очутился внутри спальни. Мой спутник бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и огляделся. В комнате все было совершенно в том же положении, как и днем. Подкравшись ко мне и приложив свою согнутую ладонь к моему уху, он шепнул так тихо, что я едва мог рассышать слова:

— Малейший звук погубит все.

Я кивнул головой в знак того, что понял.

— Нам надо потушить лампу; а то он увидит свет через отверстие.

Я опять кивнул.

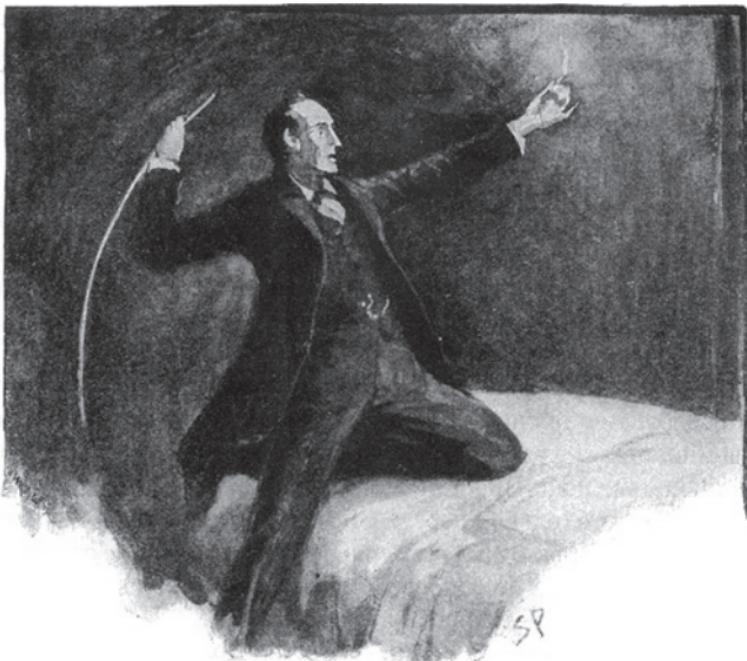
— Не засните, от этого зависит ваша жизнь. Приготовьте на всякий случай револьвер, может быть, он понадобится. Я сяду на кровать, а вы на этот стул.

Я вынул оружие и положил его на угол стола.

Холмс захватил с собой длинную тонкую трость, он положил ее рядом с собой на постель. Здесь же он оставил коробку спичек и маленький огарок свечки. Потом Холмс потушил лампу, и мы очутились в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эти страшные часы бдения во мраке! В отдалении слышался низкий звук церковных колоколов, отмечавших каждую четверть часа. Какими невыносимо долгими казались мне эти четверти часа! Пробило двенадцать, потом час, два и три; а мы все еще сидели и ждали, что будет.

Вдруг из вентиляционного отверстия блеснул свет и сейчас же исчез, затем стал распространяться запах горевшего керосина и разогретого металла. Кто-то в соседней комнате, очевидно, зажег по-тайной фонарь. Я услышал тихий звук движения, потом все опять затихло, только запах все усиливался. С полчаса я просидел, напрягая слух. Вдруг мне послышался новый звук. Это было похоже на тихое шипение тонкой струйки пара, выходившего из маленького котелка. В то самое мгновение, как раздался этот звук, Холмс вскочил с постели, поспешно зажег спичку и бросился изо всех сил бить тростью по висевшему на стене шнурку.

58

*Холмс бросился изо всех сил бить тростью по висевшему на
стене шнурку*

— Видите, Ватсон, — кричал он, — видите?

Но я ничего не видел. В ту минуту, когда Холмс зажег огонь, я ясно услышал негромкий свист, но внезапный свет ослепил мои глаза и лишил меня возможности ясно разглядеть то, на что друг мой набросился с такой яростью. Я видел только, что его смертельно бледное лицо выражало ужас и отвращение. Холмс перестал бить по веревке и теперь смотрел вверх на вентиляционное отверстие. Вдруг в ночной тишине раздался самый страшный крик, который я когда-либо слышал. Он становился все громче и

громче; в этом хриплом звуке слышались боль, ужас, гнев, соединенные вместе в один отчаянный вопль. Говорили, что в деревне и даже дальше, в доме пастора, крик этот разбудил спавших жителей. Мы как будто окаменели от ужаса, я смотрел на Холмса, а он на меня, пока последнее эхо этого звука не замолкло в ночной тишине.

— Что это может быть? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено, — отвечал Холмс. — Может быть, и к лучшему. Возьмите ваш пистолет, мы войдем в комнату Ройлотта.

Он зажег лампу и со строгим выражением лица повел меня по коридору. Постучавшись в дверь два раза и не получив ответа, он повернул ручку и вошел, я следовал за ним, держа в руке пистолет со взвешенным курком. Нам представилось странное зрелище. На столе стоял полуоткрытый глухой фонарь. Яркий свет лился из него на железный шкаф, дверца которого была отворена. У стола, на деревянном стуле, сидел доктор Ройлотт, одетый в длинный серый халат, из-под которого виднелись его босые ноги, всунутые в турецкие туфли без кабуков. На коленях его лежал тот самый короткий хлыстик, который мы видели в его комнате днем. Подбородок его был поднят кверху, и неподвижный, ужасный взгляд широко раскрытых глаз был устремлен в угол потолка. Вокруг его головы была обернута какая-то странная желтая лента, покрытая темными пятнами. Казалось, она плотно облегала голову. Когда мы вошли, Ройлотт не обернулся и не двинулся.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

У стола сидел доктор Ройлотт

— Вот она лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В ту же минуту странный головной убор доктора зашевелился, и над волосами Ройлотта поднялась плоская, угловатая головка ядовитой змеи.

— Это болотная гадюка! — воскликнул Холмс, — самая опасная змея Индии. Он умер через десять секунд после укуса. Вот как зло наказывает злодея, и как он попадает в яму, вырытую им для другого! Поместим это отвратительное существо опять в его жилище, а потом отвезем мисс Стоунер в более надежное место и уведомим местную полицию о том, что случилось.

Говоря это, Холмс быстрым движением схватил хлыстик с колен мертвеца, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с головы доктора и, держа руку по дальше от себя, бросил змею в железный шкаф, который тотчас же запер за ней.

Вот достоверные факты, касающиеся смерти доктора Гrimеби Ройлотта из Сток-Морана. Нет надобности удлинять этот без того уже длинный рассказ подробными описаниями того, как мы сообщили грустное известие испуганной девушке, как отправили ее с утренним поездом к ее тетке в Харроу, и как полиция после долгого и сложного следствия пришла к заключению, что доктора постигла смерть во время опасной игры с прирученной ядовитой змеей. Все, что мне хотелось еще узнать об этом деле, Шерлок Холмс объяснил мне на следующий день, когда мы ехали домой.

— Сперва, — сказал он, — я составил совершенно ошибочное представление об этом деле, что доказывает, мой дорогой Ватсон, как опасно выводить заключения из недостаточных данных. Присутствие цыган и слово «лента», которым бедная умершая девушка хотела вероятно объяснить, что поразило ее взгляд, когда она зажгла спичку, навели меня на совершенно ложный след. В мое оправдание могу только сказать, что я немедленно отказался от своих предположений, когда мне стало ясно, что опасность не могла проникнуть к жильцу комнаты ни через дверь, ни через окно. Внимание мое, как я уже говорил вам, прежде всего привлекло вентиляцион-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ное отверстие и шнурок звонка, висевший у постели. Открытие, что этот звонок не настоящий, и что кровать привинчена к полу, сейчас же внушило мне подозрение, что веревка служила проводником для чего-то, что могло пролезть через отверстие и достигнуть постели. Тут я и подумал о змее, вспомнив, что доктору присыпали разных животных из Индии. Так я напал на истинный след. Мысль употребить яд, который нельзя было бы обнаружить с помощью химических реакций, могла прийти в голову умному, злозненному человеку, знающему восточные уловки. Быстрота, с которой действует такой яд, была с его точки зрения большим преимуществом. У судебного следователя должны быть очень зоркие глаза, чтобы рассмотреть на теле умершей две маленькие темные точки — следы ядовитых зубов. Тут я вспомнил и о свисте. По всей вероятности, доктор призывал к себе таким способом змею, чтобы ее не застали на месте преступления. Он приучил ее возвращаться на его свист, с помощью молока, которое мы видели. В определенное время ночью он спускал змею через вентиляционное отверстие, и она по шнурку скользила на постель. Змея могла спокойно провести несколько ночей на постели, не укусив спавшую, но рано или поздно жертва должна была погибнуть. Я пришел к этим заключениям еще прежде, чем вошел в его комнату. Осмотрев его стул, я увидел, что он имел привычку становиться на него ногами, что, разумеется, было нужно ему, чтобы достать до вентиляционного отверстия. Вид железного шкафа, блю-

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

дечка с молоком и петли на хлыстике окончательно рассеяли все мои сомнения. Металлический звук, который слышала мисс Стоунер, очевидно, был произведен дверцей шкафа, поспешно захлопнутой за своей ужасной жилицей. Решив все это про себя, я решил проверить свои предположения. Услышав шипение змеи, которое без сомнения слышали и вы, я сейчас же зажег огонь и напал на нее.

— И этим заставили ее вернуться назад в вентиляционное отверстие.

— Вследствие чего враг обратился в бегство и бросился на своего же хозяина в его собственной комнате. Несколько ударов моей трости достигли цели, вызвали ярость змеи, и она напала на первого человека, которого увидала. Я, конечно, косвенно виноват в смерти доктора Гrimеби Ройлотта, но не могу сказать, что это сознание тяготит мою совесть.

ПАЛЕЦ ИНЖЕНЕРА

Из всех загадочных дел, которые расследовал мой друг Шерлок Холмс, только два случая попали в его руки с моей помощью. Одно дело было о пальце инженера Хэдерли, а другое — о сумасшествии полковника Уорбертона. Последнее было чрезвычайно благодарным материалом для такого талантливого аналитика, как Холмс. Зато первое оказалось с самого начала столь многообещающим и столь трагичным по своим подробностям, что я считал интересным поместить его в свои записки, хотя таланты моего друга, благодаря которым он неоднократно добивался выдающихся результатов, и не могли здесь развернуться во всем своем блеске. История эта, как и все сенсационные дела, не раз появлялась в газетах, но каких-нибудь полстолбца не производят на читателя должного впечатления по сравнению с более или менее подробным изложением всей драмы, последовательно развертывающейся пред глазами благодаря рассказу участника трагедии. Это позволяет с напряженным вниманием следить, как шаг за шагом поднимается темная завеса тайны, и мало-помалу проясняется истина. На меня, по крайней мере, это происшествие произвело такое глубокое впечатление, что и теперь, через два года, я не могу вспоминать о нем без содрогания.

События, о которых я хочу рассказать, произошли летом 1889 года, вскоре после моей женитьбы.

Я снова занялся частной практикой и не жил уже, конечно, вместе с Холмсом на Бейкер-стрит, но посещал его довольно часто и убеждал его бросить хоть на один день свое затворничество и заглянуть к нам. Моя практика постепенно увеличивалась, и поскольку я жил неподалеку от Паддингтонского вокзала, то ко мне часто обращались железнодорожные служащие. Одного из них я вылечил от продолжительной и тяжелой болезни, и с тех пор он при каждом удобном случае расхваливал меня на все лады и посыпал ко мне всякого больного, которого только был способен уговорить обратиться к врачу.

Как-то раз утром, когда еще не было семи часов, ко мне в дверь постучалась служанка и сообщила, что из Паддингтона пришли два джентльмена, которые ждут меня в приемной. Зная по опыту, что травмы на железной дороге носят, большей частью, тяжелый характер, я поспешил одеться и сбежал вниз. На лестнице меня встретил мой старый приятель, который плотно закрыл за мной дверь приемной.

— Я его привел к вам, — прошептал он, указывая пальцем на дверь, — он уже не уйдет.

— Что с ним такое? — спросил я, чувствуя по его поведению, что с человеком, которого он так заботливо охранял в приемной, произошло что-то неладное.

— Новый пациент, — шепнул он мне на ухо. — На всякий случай я сам привел его к вам, чтобы он не улизнул. Теперь он уже ваш. Простите, доктор, я должен спешить на службу. — И мой верный поклонник удалился, прежде чем я успел поблагодарить его.

В приемной у стола сидел джентльмен в легком коричневом костюме; его мягкая суконная кепка лежала на моих книгах. Рука его была обмотана носовым платком, сплошь покрытым кровяными пятнами. На вид ему было около двадцати пяти лет; его энергичное мужественное лицо было покрыто смертельной бледностью, так что казалось, что он только что перенес серьезное нервное потрясение, от которого не мог еще оправиться, несмотря на все усилия воли.

— Простите, доктор, что побеспокоил вас в такой ранний час, — сказал он, — но сегодня ночью со мной произошел довольно серьезный несчастный случай. Я только что приехал утренним поездом в Паддингтон и спросил на станции, где могу найти врача. Один из служащих был настолько добр, что проводил меня к вам. Я передал вашей девушке свою визитную карточку, но она, как я вижу, позабыла ее здесь на столике.

Я взял карточку и прочитал на ней: «Мистер Виктор Хэдерли, инженер-гидравлик. Виктория-стрит, 16-а». Таковы были имя, профессия и адрес моего утреннего пациента.

— Весьма сожалею, что заставил вас ждать, — сказал я, садясь в кресло у письменного стола. — Настолько я вас понял, вы ехали ночь напролет; обыкновенно это очень скучное занятие.

— О, в данном случае это далеко не так, скучной эту ночь назвать нельзя, — сказал он и вдруг расхохотался. Откинувшись на спинку кресла, он буквально

зашелся от смеха. И я тотчас же заметил, что в этой чрезмерной веселости есть что-то нездоровое.

— Перестаньте, — воскликнул я, — возьмите себя в руки. — Я дал ему воды, но это не помогло. С ним сделался истерический припадок, как это часто бывает с очень сильными натуралами после серьезного нервного потрясения. Постепенно он успокоился и покраснел от смущения.

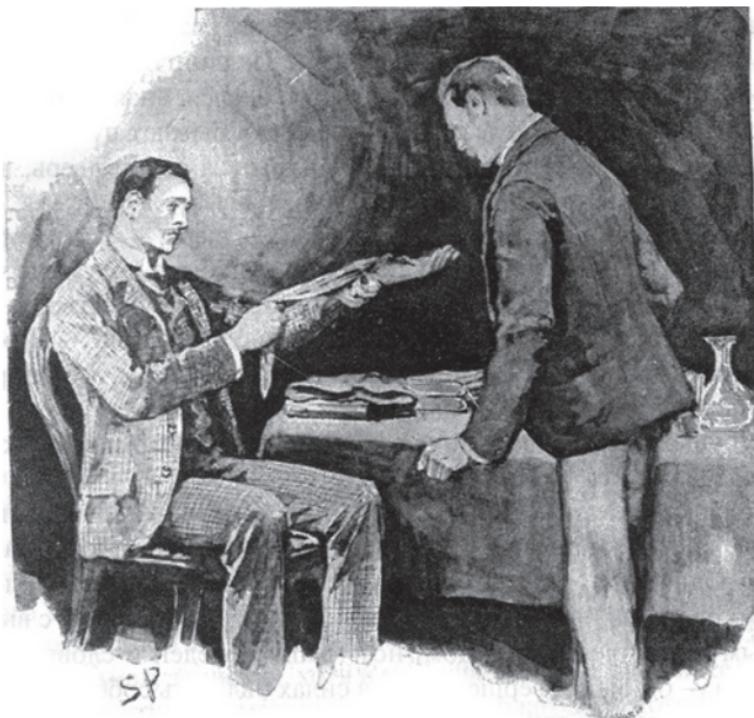
— Каким дураком я должен вам показаться, — сказал он, тяжело дыша.

— Нисколько. Выпейте, пожалуйста, глоток воды.— Он выпил поданную мной воду с примесью коньяка, и краска снова появилась на его лице.

— Теперь мне лучше, — сказал он. — Будьте так добры, доктор, посмотрите, пожалуйста, мой большой палец или, вернее, то место, где он был. — Он развязал платок и протянул мне руку, вид которой потряс даже мои притупившиеся нервы. Рядом с четырьмя вытянутыми пальцами вместо пятого большого, виднелась красная кровоточащая распухшая поверхность. Он был до корня отрублен или оторван.

— Боже праведный! — воскликнул я. — Да ведь это ужасная рана. Вы вероятно потеряли много крови?!

— О, да! Я даже упал в обморок, как только это случилось, и был, вероятно, долгое время в бессознательном состоянии. Когда я пришел в себя, кровь все еще сочилась из раны, поэтому я обмотал кисть носовым платком, закрутив его возможно крепче с помощью деревянного колышка.

Он развязал платок и протянул мне руку,

— Превосходно! Человечество потеряло в вашем лице хорошего хирурга. Рана нанесена каким-нибудь очень тяжелым и острым орудием?

— Похожим на нож мясника.

— Вероятно, несчастный случай?

— Ни в коем случае.

— Как? Значит, покушение на убийство?

— Совершенно верно.

— Это ужасно!

Я промыл рану и наложил антисептическую повязку. Он не моргнул и глазом, и только время от времени кусал себе губы.

— Как вы теперь себя чувствуете?

— Великолепно. Ваш коньак и повязка воскресили меня. Я был близок к обмороку, мне пришлось немало пережить за эту ночь.

— Лучше, если вы не будете говорить об этом. Вас это сильно волнует.

— О, теперь уже нет. Я хочу как можно скорее дать знать полиции о моем приключении. Впрочем, если бы не такое ясное доказательство, как моя рана, то моему рассказу, вероятно, не поверили бы, тем более, что у меня нет почти никаких доказательств.

— Вот как! — воскликнул я. — Если ваше дело так загадочно и требует расследования, то я советую вам обратиться сначала к моему другу Шерлоку Холмсу, а затем уже в полицию.

— Я уже слышал об этом господине, — сказал мой пациент, — и охотно поручу ему мое дело, хотя полицию все-таки уведомить надо. Не будете ли вы так любезны дать мне рекомендательное письмо к нему?

— Я думаю, лучше, если я сам отвезу вас к нему.

— Буду вам весьма благодарен.

— Мы тотчас же пошлем за кэбом, и как раз успеем к его завтраку. Но, чувствуете ли вы себя достаточно окрепшим?

— Вполне. Я не успокоюсь, пока не расскажу обо всем, что со мной приключилось.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В таком случае я прикажу служанке позвать кэбмена и сейчас же вернусь.

Взбежав наверх, я вкратце рассказал жене, в чем дело, и через пять минут сидел рядом с моим новым знакомым в кэбе, который доставил нас на Бейкер-стрит.

Шерлок Холмс сидел, как я и ожидал, в своей рабочей комнате в халате и читал уголовную хронику в «Таймс», покуривая свою обычную утреннюю трубку, набитую табаком из окурков и обрезков сигар, которые он обычно хранил на каминной полке. Он принял нас очень радушно и приказал приготовить яичницу с ветчиной, так что вскоре мы позавтракали, чувствуя себя совершенно непринужденно. Когда завтрак кончился, он усадил нашего нового знакомого на диван, положил ему под голову подушку и поставил возле него стакан воды с коньяком.

— Приключение ваше, мистер Хэдерли, не принадлежит, как мне кажется, к числу обыденных, — сказал он.— Устраивайтесь поудобнее и будьте, как дома. Расскажите нам все возможно подробнее, но, пожалуйста, останавливайтесь при малейшем признаке усталости и подкрепляйтесь вот этой живительной влагой.

— Благодарю вас, — сказал мой пациент. — После того как доктор сделал мне перевязку, я положительно воскрес, а ваш завтрак завершил мое лечение. Постараюсь не отнимать у вас много времени и сразу приступаю к рассказу о моем удивительном приключении.

58

Он усадил нашего нового знакомого на диван, положил ему под голову подушку и поставил возле него стакан воды с коньяком

Холмс расположился в своем кресле, полузакрыв, словно от усталости, глаза. Я знал, что за этим выражением мнимого равнодушия скрывается жадное любопытство. Я расположился напротив него, и мы начали молча слушать необыкновенный рассказ нашего посетителя.

— Прежде всего, должен вам сказать, — начал он, — что я круглый сирота, холостяк и живу в лондонской квартире совершенно один. По специальности я инженер-гидравлик, и в настоящее время, после семи лет службы в известной фирме «Винер и Мейсон», считаю себя более или менее опытным в

инженерном искусстве. Два года тому назад я окончил практику у Винера и Мейсона и получил после смерти отца довольно солидное наследство. Тогда я решил начать собственное дело и открыл контору на Виктория-стрит. Вероятно, каждому из нас первые шаги на поприще независимой деятельности даются нелегко. Так было и со мной. За три года ко мне обращались за советом всего три человека, и только один раз я кое-что заработал. Весь мой заработка на сегодняшний день составляет всего 27 фунтов 10 шиллингов. Ежедневно с девяти часов утра и до четырех пополудни я торчал в своей конторе и, наконец, стал падать духом, перестав надеяться на то, что из организованного мной дела выйдет что-либо путное.

И вот вчера, когда я уже собирался уйти из конторы, клерк сообщил мне, что какой-то джентльмен желает меня видеть. При этом он подал мне визитную карточку, на которой я прочел: «Полковник Лизандер Старк». Вслед за этим вошел и сам Старк, человек выше среднего роста и страшно худощавый. Не помню, видел ли я когда-нибудь ранее такого тощего человека. Его лицо состояло, собственно говоря, только из носа и подбородка, все остальное представляло собой сухую кожу,натянутую на торчащие скулы. Однако эта худоба не была, по-видимому, следствием болезненного состояния; его глаза блестели живым огнем, походка была упругой, и вся его фигура дышала самоуверенностью. Одет он был скромно, но вполне прилично; по виду ему было около сорока лет.

— Мистер Хэдерли? — спросил он с ясно выраженным немецким акцентом. — Мне рекомендовали вас не только как очень дельного инженера, но и как человека, которому можно доверить тайну.

Я поклонился, чувствуя себя польщенным.

— Смею спросить, кому я обязан таким лестным отзывом?

— Мне не хотелось бы теперь говорить об этом. Из того же источника я узнал, что вы холосты, не имеете родных и живете в Лондоне один.

— Совершенно верно. Однако я не понимаю, какое отношение это имеет к моей специальности. Вы ведь, насколько я понял, хотели поговорить со мной о деле, касающемся моей профессии?

— Вы не ошиблись и сейчас увидите, насколько эти вопросы связаны с делом, которое я хотел бы по-

*Вошел и сам Старк, человек
выше среднего роста и страшно
худощавый*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ручить вам. Дело это требует абсолютного молчания, и вы, конечно, понимаете, что тайну можно доверить скорее одионокому человеку, нежели окруженному семьею.

— Раз я пообещал, то можете быть уверены, что я сумею сохранить тайну.

Никогда еще я не видел такого пытливого проницательного взгляда, каким он меня окинул.

— Итак, вы мне даете слово? — спросил он.

— Да.

— Что ни теперь, ни впоследствии вы никому не скажете об этом деле ни слова?

— Я уже вам обещал.

— Отлично.

Он вдруг вскочил с места, стремительно подбежал к двери и широко распахнул ее. Передняя была пуста.

— Все в порядке! — сказал он, садясь на прежнее место, — служащие часто интересуются делами своего хозяина больше, чем это следует. Теперь мы можем спокойно приступить к делу.

Он придинул свой стул вплотную ко мне и снова устремил на меня испытующий недоверчивый взор. Какое-то отталкивающее и жутковатое чувство возникло у меня при виде странных манер этой костлявой личности. Даже опасение лишиться клиента не могло заставить меня терпеливо ожидать, пока он заговорит.

— Прошу вас, сэр, рассказать, в чем дело, я дорожу своим временем.

58

— Итак, вы мне даете слово? — спросил он

— Да простит меня небо за эту ложь, но эти слова как-то сами собой вырвались из моих уст.

— Удовлетворит ли вас вознаграждение в пятьдесят гиней за работу в течение одной ночи?

— Разумеется.

— Я говорю про ночь работы, хотя, собственно говоря, дело займет не больше часа. Мы хотели бы знать ваше мнение относительно гидравлического пресса, который работает не совсем безукоризненно. Если вы нам подскажете, в чем неисправность, то мы сами сможем его починить. Что вы скажете о моем предложении?

— Сравнительно с вознаграждением, дело нетрудное.

— Да, работа пустяшная. Но мы хотели бы, чтобы вы приехали сегодня же ночью с последним поездом.

— Куда?

— В Эйфорд, это в Беркшире. Небольшое местечко на границе Оксфордшира, приблизительно в семи милях от Рединга. Вы прибудете туда с Паддингтонского вокзала, поезд прибывает в четверть двенадцатого.

— Хорошо.

— Я встречу вас с экипажем.

— Значит, надо будет еще ехать на лошадях?

— Да, наша усадьба находится в деревенской глухи, от нее до станции в Эйфорде добрых семь миль.

— Следовательно, мы будем на месте после полуночи, и я не смогу поспеть на обратный поезд. Я буду вынужден остаться на ночь?

— Об этом не беспокойтесь. Местечко для вас мы найдем.

— Во всяком случае, это очень неудобно. А нельзя ли мне приехать в более подходящее время?

— Для нас самым подходящим является как раз указанное мною время. За некоторые, связанные с ночной поездкой неудобства вы и получаете такое вознаграждение, которому позавидовал бы любой из молодых инженеров. Впрочем, если наше предложение вас не устраивает, вы можете от него отказаться.

Я вспомнил о том, что пятьдесят гиней могут мне теперь очень и очень пригодиться, и сказал:— Ни в коем случае, я с удовольствием принимаю ваши условия, но попросил бы вас подробнее объяснить мне, чем я могу быть вам полезен?

— Разумеется. Я нахожу вполне естественным, что тайна, сохранение которой мы от вас требуем, должна была возбудить ваше любопытство. Поэтому, прежде чем связывать себя обещанием, вы должны познакомиться с предстоящим делом. Надеюсь, нас не подслушивают?

— Можете быть вполне спокойны.

— Дело вот в чем. Вам, вероятно, известно, что валяльная глина считается очень ценным материалом, который встречается в Англии в одном-двух местах.

— Да, я слышал об этом.

— Некоторое время тому назад я купил небольшой клочок земли приблизительно в десяти милях от Рединга. Мне посчастливилось открыть в одном из моих полей пласт валяльной глины. При дальнейших исследованиях почвы выяснилось, что залежь эта весьма незначительна и образует лишь соединительный пласт между двумя богатыми залежами, находя-

щимися в земле моих соседей. Эти добрые люди не имели, конечно, понятия, что в их земле содержится сырье, равное по ценности чуть ли не золоту. Понятно, что в моих интересах было купить их землю, прежде чем они узнают настоящую ее ценность, но, к сожалению, у меня не было таких средств. Друзья мои, которым я сообщил о моем открытии, посоветовали мне начать потихоньку, тайно, разрабатывать мою заleжь, чтобы таким путем добыть средства для приобретения соседних участков. Вот уже несколько лет как мы занимаемся этим делом, используя для этого гидравлический пресс. Как я уже сказал, он стал плохо работать, поэтому мы и обращаемся к вам за советом. Теперь вы понимаете, почему мы так тщательно охраняем нашу тайну. Если кто-нибудь узнает, что нашу маленькую усадьбу посетил инженер, то это, конечно, возбудит всеобщее любопытство, а если тайна наша выйдет наружу, то мы должны будем проститься с надеждой на покупку соседних участков и на исполнение наших планов. Вот почему я и просил вас дать мне слово свято хранить нашу тайну. Надеюсь, вам теперь все понятно?

— Вполне, — сказал я. — Только одно для меня непонятно — как вы добываете валаяльную глину с помощью гидравлического пресса? Ведь ее, насколько мне известно, прямо выкапывают из земли.

— А, — он небрежно махнул рукой, — у нас свой особый способ. Мы прессуем глину в небольшие кирпичи, чтобы не возбуждать подозрений при перевозке. Впрочем, это не относится к делу. Вы видите, ми-

стер Хэдерли, что я вполне доверился вам и теперь всецело на вас полагаюсь. — При этих словах он поднялся. — Итак, жду вас в Эйфорде в четверть двенадцатого.

— Я буду точен.

— И никому ни слова!

Он еще раз посмотрел на меня долгим пытливым недоверчивым взглядом и, пожав мою руку своей холдной влажной рукой, удалился.

Когда я затем спокойно все обдумал, то, вы сами понимаете, был несколько изумлен этим предложением. С одной стороны, меня очень обрадовало крупное вознаграждение, которое превышало по крайней мере в десять раз ту сумму, какую я сам бы запросил за такой труд. Кроме того, был шанс, что эта работа могла повлечь за собой другие заказы. С другой же стороны, внешний облик и поведение моего клиента показались мне крайне подозрительными, так же как и его объяснение причины, почему необходим мой ночной приезд, и его страх, что я могу нарушить свое молчание. Однако, я постарался развеять свою тревогу, и отправился, плотно поужинав, на Паддингтонский вокзал, с которого и уехал, не сказав никому ни слова об этом деле.

В Рединге я должен был пересесть в другой поезд, но я все-таки поспел на последний поезд, идущий в Эйфорд, и приехал после одиннадцати часов на маленький, плохо освещенный полустанок. Я был единственным пассажиром, сошедшим на этой станции, где, кроме сонного дежурного с фонарем, не было ни

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

души. Однако, выйдя со станции, я тотчас же встретил моего утреннего клиента. Он поджидал меня по другую сторону здания, которое было погружено в полнейшую тьму. Не говоря ни слова, он взял меня под руку и усадил в экипаж, дверцы которого были открыты. Он приподнял оба стекла, опустил шторы, и мы покатили так скоро, как только могла бежать лошадь.

— Одна лошадь? — перебил Холмс.
— Да, только одна.
— Заметили, какой масти?

— Да, когда я садился, на нее падал свет от фонаря. Она была гнедая.

— Усталая или бодрая?
— Совершенно свежая, шерсть у нее лоснилась.
— Благодарю вас. Простите, что перебил вас.

Продолжайте, пожалуйста. Ваш рассказ чрезвычайно интересен.

— Итак, мы тронулись и ехали по крайней мере целый час. Полковник Старк говорил, что от станции всего семь миль, но, учитывая нашу скорость и время, по моему мнению, там было добрых двенадцать миль. Он сидел все время молча, но всякий раз, когда я украдкой смотрел на него, я замечал его пристальный, устремленный на меня взгляд. Дорога в этой местности находилась, по-видимому, в плачевном состоянии: нас ужасно трясло и качало из стороны в сторону. Изредка я пытался заглянуть в окно, но благодаря матовому стеклу и опущенной шторе ничего не видел кроме мелькавших по временам пятен све-

та. Время от времени я нарушал однообразие нашей поездки каким-нибудь замечанием, но полковник отвечал однозначно, и разговор тотчас же обрывался. Наконец, экипаж перестал трястись, мы покатили по хрустевшему гравию и вдруг остановились. Полковник выскочил из экипажа, и не успел я последовать за ним, как он поспешил втащил меня на крыльцо, где зиял открытый темный проем двери. Экипаж остановился вплотную у дома, так что мне не удалось даже мельком взглянуть на фасад здания. В ту минуту, когда мы переступили порог, я услышал стук захлопнутой двери и звук колес отъезжающего экипажа.

Внутри было темно, как в могиле. Полковник, что-то бормоча про себя, начал шарить по карманам в поисках спичек. Вдруг в конце коридора отворилась дверь, и оттуда на нас упал длинный, быстро расширявшийся луч света. В дверях я увидел женскую фигуру. Дама держала в руке лампу и пристально смотрела на нас, наклонив голову. Я заметил, что она красива, а темное платье у нее из дорогой материи с отливом. Она сказала моему спутнику несколько слов на незнакомом мне языке. Судя по тону, это был вопрос.

Полковник ответил ей так резко и грубо, что она вздрогнула; лампа задрожала у нее в руке и чуть не упала на пол. Он быстро подошел к ней, шепнул что-то на ухо и буквально втолкнул ее в ту комнату, откуда она вышла. Затем он вернулся с лампой в руке и сказал мне, отворяя другую дверь: «Будьте добры, подождать здесь несколько минут». Я очутился в маленькой, скромно обставленной комнате с круглым сто-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

лом посредине; на нем лежали книги на немецком языке. Полковник Старк поставил лампу на крышку стоявшей у дверей фисгармонии.

— Я не задержу вас ни одной лишней минуты, — сказал он, исчезая в темноте.

Я стал рассматривать книги, лежавшие на столе, и понял, несмотря на то, что не знаю немецкого языка, что две из них были научного характера, остальные же — беллетристика. Затем я подошел к окну, чтобы взглянуть на окружающую местность, но оно было закрыто тяжелыми железными ставнями и заперто на засов. Кругом царила полнейшая тишина, нарушающаяся только громким тиканьем старинных часов, висевших в коридоре. Мною овладело какое-то неопределенное жутковатое чувство. Кто были эти немцы и что они делали в этом странном уединенном месте? Да и где вообще оно находилось? Я был на расстоянии десяти миль от Эйфорда — вот все, что я знал, но где именно — на севере, на юге, востоке или западе от этой станции, я не имел понятия. Быть может, поблизости находился Рединг или какой-нибудь другой город, так что эта местность была вовсе не такой безлюдной, как мне казалось. Однако абсолютная тишина вокруг указывала на то, что я нахожусь далеко за городом. Я ходил взад и вперед по комнате, насвистывая какую-то песенку, чтобы немного подбодрить себя, и думал об обещанной награде за мою работу.

Вдруг, не нарушая ни единным звуком гробовой тишины, дверь моей комнаты медленно отворилась. На пороге показалась женщина; свет от лампы, сто-

явшей на фисгармонии, осветил ее прелестные взволнованные черты; за ней в проеме двери зияла не-проницаемая мгла. Казалось, она была близка к обмороку от ужаса, и мое сердце поневоле сжалось от страха. Она прижала палец к своим губам, чтобы я молчал, а потом шепотом обратилась ко мне на ломаном английском языке, постоянно косясь на открытую дверь. — Я уйду, — сказала она, стараясь казаться спокойной, — я не могу здесь оставаться. И на вашем месте я не осталась бы здесь. Уходите, уходите поскорее!

— Но, сударыня, — возразил я, — данное мне поручение еще не выполнено. Не могу же я уехать, не осмотрев машины.

— Не оставайтесь здесь, — продолжила она, — вы можете уйти спокойно через входные двери, никто вам не помешает.

Заметив, что я улыбаюсь и отрицательно качаю головой, она внезапно потеряла самообладание и подошла ко мне, стиснув руки.

— Ради Бога, бегите, бегите скорее отсюда, пока еще не поздно, — взмолилась она.

К сожалению, я очень упрям, и чем больше препятствий встречается на моем пути, тем сильнее я стремлюсь их преодолеть. Кроме того, я подумал о пятидесяти гинеях, утомительном путешествии и неудобствах предстоящей ночи, если мне придется провести ее на станции. И все это понапрасну? Зачем мне бежать, не выполнив своей работы и не получив за нее обещанное вознаграждение? Быть мо-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Бегите, бегите скорее отсюда, пока еще не поздно!

жет, я вижу пред собой помешанную? Я отрицательно покачал головой и твердо заявил, что в любом случае остаюсь, хотя, надо признаться, слова ее испугали меня более, чем я это выказал. Она снова начала меня

уговаривать, но в это время где-то наверху стукнула дверь, и на лестнице послышался шум шагов. Она остановилась на минуту, как бы прислушиваясь, затем еще раз подняла с мольбой свои руки и исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

Сейчас же после этого в комнату вошли полковник Лизандр Старк и толстый, небольшого роста джентльмен с редкой бородкой, торчащей из складки его двойного подбородка. Он был представлен мне, как мистер Фергюсон.

— Это мой секретарь и управляющий, — сказал полковник. — Кстати, я был уверен, что плотно закрыл эту дверь. Боюсь, как бы вас не продуло.

— Напротив! Я открыл дверь; здесь довольно спертый воздух, — ответил я.

Он беспокойно взглянул на меня.

— Не лучше ли сейчас же приступить к делу? — сказал он, — мы с мистером Фергюсоном проводим вас к машине.

— В таком случае надо надеть шляпу.

— Нет, машина находится тут же в доме.

— Вы добываете глину прямо в доме?

— Нет, мы здесь ее только прессуем. Впрочем, это не относится к делу. Мы желаем только, чтобы вы осмотрели машину и указали нам, в чем ее неисправность.

Мы стали подниматься по лестнице; сперва полковник с лампой, затем толстый управляющий и, наконец, я. Старый дом был настоящим лабиринтом коридоров, проходов, узеньких винтовых лестниц

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

и маленьких низких дверей, пороги которых обивались, вероятно, многими поколениями. Нигде не было ни ковров, ни мебели; штукатурка на стенах во многих местах отвалилась, и сырость покрывала их зелеными и серыми пятнами. Я старался держаться с непринужденным видом, но в моих ушах все еще звучали оставленные без внимания предостережения прекрасной незнакомки, и я зорко следил за своими спутниками. Фергюсон показался мне угрюмым, молчаливым человеком, но из немногих его слов я понял, что он уроженец Англии. Полковник Старк остановился, наконец, у какой-то низенькой двери и открыл ее. Она вела в небольшое квадратное помещение, в котором мы втроем вряд ли могли бы поместиться. Фергюсон остался в коридоре, а полковник ввел меня в комнатку.

— Мы находимся теперь фактически в гидравлическом прессе, — сказал он, — и оказались бы в очень неприятном положении, если бы кому-нибудь вздумалось пустить его в ход. Потолок этой комнатки представляет собой конец поршня, опускающегося на металлический пол с силой в несколько тонн. Из-вне находятся боковые цилиндры и водопроводные трубы, благодаря которым давление распространяется и увеличивается по известным вам законам механики. Пресс обычно работает отлично, но теперь, очевидно, что-то затрудняет ход поршня и уменьшает силу давления. Будьте любезны посмотреть, каким образом можно все снова привести в порядок.

Я взял у него лампу и внимательно осмотрел

пресс. Он был колоссальных размеров и должен был производить огромное давление. Я вышел из камеры и опустил рычаг, приводящий машину в движение. По характерному шипящему звуку я сразу понял, что где-то в одном из боковых цилиндров образовалась течь. Дальнейшее исследование подтвердило это предположение. Одна из резиновых прокладок у верхнего конца стержня износилась и неплотно прилегала к стенке цилиндра, в котором этот стержень двигался. Именно в этом крылась причина уменьшения давления. Я подробно изложил все это моим спутникам, которые очень внимательно меня слушали, и рассказал им, каким образом можно устраниć неисправность. Затем я снова вернулся в комнатку, главным образом для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Все рассказы о прессовании глины были чистейшей выдумкой, это было для меня ясно с первого же взгляда — применение такого громадного пресса для столь незначительных целей было бы явным абсурдом. Стены помещения были деревянными, а пол состоял из большой железной плиты, которая была сплошь покрыта коркой какой-то накипи. Я нагнулся и попробовал поскоблить этот слой, стремясь выяснить, что же это такое, как вдруг услышал какое-то немецкое восклицание и увидел наклонившееся ко мне мертвенно-бледное лицо полковника.

— Что вы тут делаете? — крякнул он.

Злость закипела во мне при мысли, что меня хотели так грубо провести.

— Ничего, — отвечал я, — любуюсь вашей ваяльной глиной. По всей вероятности мне было бы гораздо легче дать свой совет относительно вашей машины, если бы я знал ее настоящее ее назначение.

Не успел я произнести этих слов, как тотчас же раскаялся в своей неосторожности. Лицо полковника окаменело, а его серые глаза загорелись зловещим огнем.

— В таком случае, я лучше посвящу вас во все подробности, — сказал он.

Полковник Старк сделал шаг назад, захлопнул дверь и запер ее на ключ. Я бросился к двери и начал дергать ее за ручку, но она не подавалась, несмотря на мои отчаянные усилия.

— Эй, послушайте! — закричал я не своим голосом. — Полковник! Отворите сию же минуту!

И вдруг среди мертвотишины я услышал звук, от которого у меня захолонуло сердце. Это был скрип металлического рычага и журчание воды в испорченном цилиндре. Великий Боже! Он пустил машину в ход! Лампа по-прежнему стояла па полу, который я вздумал обследовать. При ее свете я заметил, как черный потолок надо мной начал медленно, и как бы вздрагивая, опускаться. Никто лучше меня не знал, с какой силой он опускается; через минуту я буду раздавлен в бесформенную массу. С воплем я бросился к двери, стараясь ногтями оторвать замок. Я заклинал полковника выпустить меня, но безжалостный шум машины заглушал мои крики. Потолок был уже на

С воплем я бросился к двери

расстоянии двух футов над моей головой и, подняв руку, я мог уже ощупать его твердую, шероховатую поверхность. Тут в голове моей мелькнула мысль,

что, быть может, тем или иным положением тела мне удастся несколько облегчить ужасную агонию. Если я лягу лицом вниз, то прежде всего будет раздроблен позвоночный столб, а при мысли о том, как будут трещать мои кости, меня обдало холодным потом. Если же я лягу на спину, то хватит ли у меня мужества смотреть на беспощадно двигающуюся черную плиту? Я уже не мог стоять во весь рост, как вдруг для меня блеснул луч надежды.

Я говорил уже вам, что только потолок и пол камеры были железные, стены же были из дерева. Отчаявшись спастись, я лихорадочно оглядывался вокруг, и вдруг заметил между двух досок маленькую полоску света, которая быстро расширялась по мере того, как потолок опускался. В первый момент я не мог даже представить, что через такое маленькое отверстие можно пролезть, но я бросился навстречу спасению и через несколько секунд очутился в полууборочном состоянии на той стороне. Отверстие за мной закрылось, и я успел еще услышать хруст лампы и вскоре за этим стук столкнувшихся друг с другом металлических плит. Я был на волосок от гибели и от пережитого шока потерял сознание.

Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу на каменном полу узкого коридора, а надо мной наклонилась женщина. Одной рукой она трясла меня изо всех сил, пытаясь привести в чувство, а в другой руке держала свечу. Это была та самая благодетельница, предостережениями которой я так бездумно пренебрег.

— Идемте скорее, скорее! — говорила она прерывающимся от волнения голосом. — Они сейчас же заметят, что вас там нет. Торопитесь! Нельзя терять ни секунды!

На этот раз я беспрекословно ей повиновался. Пощатываясь, я вскочил на ноги и бросился за ней по коридору, а затем вниз по винтовой лестнице. Она вела снова в широкий коридор; как только мы вошли туда, услышали шум спешных шагов и крики двух голосов; первый раздавался вблизи нас, а второй отвечал издалека. Моя провожатая остановилась на одно мгновение в нерешительности. Вдруг она распахнула дверь; та вела в спальню, в окно которой ярко светила луна.

— У вас нет другого выхода. Окно высоко, но вы должны попробовать спрыгнуть.

Едва она успела это сказать, как в конце коридора появился свет, и я увидел худошавую фигуру мчащегося вперед полковника. В одной руке у него был фонарь, в другой он держал мясницкий нож. Я бросился к окну, отворил его и посмотрел вниз. Сад, освещенный лунным сиянием, дышал таким миром и тишиной! До земли было не более тридцати футов. Я взобрался на подоконник, но не спешил спрыгнуть. Я должен был узнать, что произойдет между моей спасительницей и моим палачом. Я решился во чтобы бы то ни стало защитить ее, если только этот негодяй осмелится на нее напасть. В этот момент он появился в дверях и хотел проскочить мимо нее, но она бросилась ему навстречу и обхватила его обеими руками.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Фриц, Фриц! — воскликнула она по-английски, — вспомни, что ты мне обещал в прошлый раз. Ты клялся, что этого никогда больше не повторится. Он будет молчать, поверь мне, он будет молчать! — Полковник всеми силами старался освободиться от нее.

— Ты с ума сошла, Элиза, — воскликнул он. — Ты хочешь отправить нас на виселицу? Пусти же меня, говорю тебе. — Он оттолкнул ее в сторону и ринулся с поднятым ножом к окну. Я соскользнул с подоконника и только руками держался за карниз. В этот момент он опустил нож. Я почувствовал сильную боль, разжал руки и упал в сад под окном.

При падении я не получил, кроме сотрясения, никакого повреждения. Как только я несколько опомнился, тотчас же вскочил на ноги и бросился бежать как можно скорее по направлению к кустам, сознавая, что опасность еще не миновала. И вдруг я почувствовал страшную усталость и упадок сил. В руке я чувствовал жгучую боль и только теперь заметил, что мой большой палец отрублен, а из раны льется кровь. Я хотел перевязать рану носовым платком, но вдруг почувствовал сильный шум в ушах и упал без сознания в кусты. Сколько времени я там пролежал, не знаю. Вероятно несколько часов, потому что, когда я очнулся, луна уже зашла, и на дворе было совершенно светло. Платье мое промокло от утреннего тумана и росы, а рукав пиджака был весь пропитан кровью. Быстрее молнии пронеслись в моей голове все подробности минувшей ночи, и я моментально вско-

ПАЛЕЦ ИНЖЕНЕРА

58

В этот момент он опустил нож

чил на ноги, думая, что все еще нахожусь в опасности. Однако когда я оглянулся, то к своему удивлению не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у края шоссейной дороги, а немного поодаль виднелось длинное здание. Приблизившись, я увидел, что это железнодорожная станция, на которой я вчера сошел. Если бы не боль в руке, я бы мог подумать, что все ужасы прошлой ночи — не более, чем кошмар. Ошеломленный я подошел к станции, чтобы справиться, когда отходит утренний поезд. Оказалось, что через час есть поезд на Рединг. Я спросил дежурного, которого видел накануне вечером, не слышал ли он чего-нибудь о полковнике Лизандре Старке. Однако имя это было ему совершенно незнакомо. Экипажа, стоявшего вчера у вокзала, он не видел. Убедившись, что толку от него не добьешься, я справился, где ближайший полицейский участок. Он был в трех милях от станции. Я совсем ослабел, рука неимоверно болела, поэтому я оставил мысль туда добраться. Я решил подождать, пока приеду в город, и уже там дать знать полиции. Я прибыл в Лондон в седьмом часу утра и тотчас же отправился к врачу, чтобы он перевязал мне рану, а господин доктор был настолько любезен, что привез меня сюда. И я передаю все это дело всецело в ваши руки и буду в точности следовать вашим указаниям.

Выслушав этот удивительный рассказ, мы долго сидели в глубоком молчании. Наконец, Шерлок Холмс снял с полки один из громадных томов, в которые заносил все интересующие его заметки и на克莱ивал газетные вырезки.

— Вас должно заинтересовать вот это объявление, — сказал он. — Оно появилось во всех газетах около года тому назад. Слушайте: «Девятого числа сего месяца пропал без вести инженер-гидравлик мистер Джереми Хайлинг, 26 лет. Он вышел из своей квартиры в десять часов вечера и с тех пор о нем ничего не известно. Он был одет...» и так далее. Вероятно, тогда полковник также нуждался в совете относительно прессы.

— Боже милостивый, — воскликнул мой пациент, — теперь я понимаю, что хотела сказать та женщина.

— Да, несомненно, этот полковник весьма хладнокровный и готовый на все человек. Он действует подобно тем пиратам, которые не оставляют в живых ни одного человека на захваченном ими судне. Однако, нам нельзя терять ни минуты, и если вы чувствуете себя в силах, мы должны тотчас же отправиться в Скотленд-Ярд, а оттуда в Эйфорд.

Приблизительно через три часа мы сидели в поезде, который должен был доставить нас из Рединга в небольшую беркширскую деревню. Общество наше состояло из Шерлока Холмса, инженера Хэдерли, полицейского инспектора Бредстрита из Скотленд-Ярда, какого-то очень скромно одетого господина и меня. Бредстрит разложил на сиденье карту данной местности и старался провести с помощью циркуля круг, центром которого был бы Эйфорд.

— Готово, — сказал он. — Радиус этой окружности составляет около десяти миль. Следовательно,

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

место преступления должно находиться внутри этой окружности. Вы ведь говорили — десять миль, не так ли, сэр?

— Во всяком случае, мы ехали около часа.

— И вы предполагаете, что они отвезли вас обратно, пока вы были без сознания?

— Вероятно. Я смутно припоминаю, что меня поднимали и несли.

— Одного только я не понимаю, что заставило этих людей пощадить вас, когда они нашли вас в саду без чувств?

— Быть может, женщине удалось смягчить сердце этого негодяя, — предположил я.

— Это невозможно. Ни разу в жизни я не видел более безжалостного лица.

— Ну, мы скоро все выясним, — сказал Бредстрийт. — Итак, я провел круг, и теперь нужно только узнать, в каком направлении следует искать этих мерзавцев.

— Мне кажется, я могу указать вам искомую точку, — спокойно заметил Холмс.

— В самом деле? — воскликнул инспектор. — Вы уже составили определенное мнение? Ну-ка, посмотрим, что скажут остальные. Я утверждаю, что это на юге, ибо там местность мало населена.

— Я полагаю, что на востоке, — сказал мой пациент.

— На севере, — сказал я, — там местность ровная, а наш друг заметил, что экипаж ни разу не поднимался и не спускался с холма.

— А я за запад,— заметил скромно одетый господин. — Там встречаются отдельные уединенные усадьбы.

— Ну вот, — сказал, смеясь, инспектор. — Полное противоречие во мнениях. Мы назвали все направления компаса. Чье мнение вы разделяете, мистер Холмс?

— Вы все ошибаетесь.

— Но ведь это невозможно,

— Очень даже возможно. Это произошло вот здесь. — Он положил палец в центр круга. — Вот где мы их найдем.

— Позвольте, а двенадцать миль дороги? — прервал его Хэдерли.

— Шесть миль вперед и шесть назад. Что может быть проще? Вы ведь сами сказали, что когда садились в экипаж, лошадь была вполне бодра и не взмыленная. Как это могло бы быть, если бы она совершила путь в двенадцать миль по скверной дороге?

— Такая уловка возможна, — согласился, подумав, Бредстрийт. — Теперь надо выяснить, какие цели преследует эта шайка.

— В этом не может быть никакого сомнения, — сказал Холмс. — Эта фальшивомонетчики и, при том, высокого полета. Пресс свой они использовали для приготовления смеси, заменяющей серебро.

— Мы уже давно пронюхали о них, — заметил инспектор Бредстрийт. — Эта опасная шайка пустила в обращение уже несколько тысяч полукрон, мы их проследили до Рединга. Тут, однако, они сумели

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

скрыть свои следы с искусством, которое доказало нам, что мы имеем дело со старыми, опытными воробьями. Ну, зато теперь они от нас не уйдут!

Однако инспектор ошибался. Преступники снова ускользнули из рук правосудия. Подъезжая к станции, мы увидели вблизи от нее огромный столб дыма, поднимавшийся из-за небольшой группы деревьев. Словно громадное страусовое перо, он повис над всей окрестностью.

— Что это, пожар? — спросил Бредстрит, когда мы сошли на платформу.

— Да, сэр, — ответил начальник станции.

— Давно начался?

— Вероятно, еще ночью, но теперь огонь распространился; все вокруг окутано дымом.

— Чья это усадьба?

— Доктора Бичера.

— Скажите, пожалуйста, — вмешался инженер, — этот доктор Бичер — немец, весьма худощавый, с длинным острым носом?

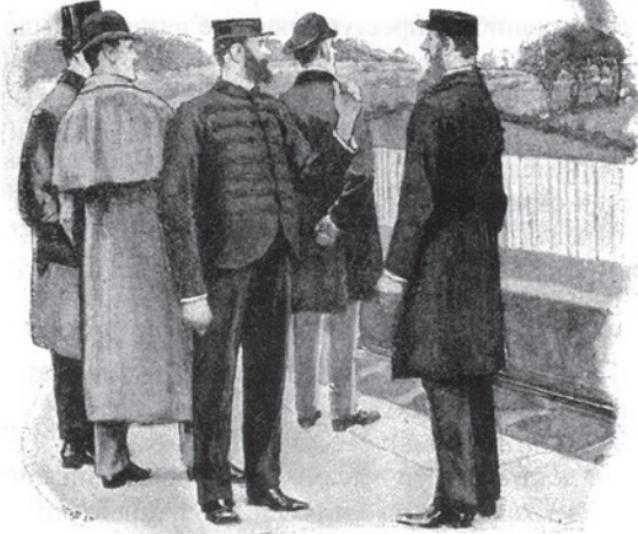
Начальник станции расхохотался.

— О нет, сэр! Доктор Бичер — англичанин, и вы вряд ли во всей округе найдете более толстого человека, чем он. Но у него живет какой-то господин, кажется, пациент, который своим видом заставляет вспомнить библейский рассказ о семи тощих коровах.

Не успел он еще кончить своей речи, как мы уже спешали по направлению к пожарищу. Мы поднялись по покатому холму и увидели перед собой длинное белое здание. Внутри бушевало целое море огня,

изо всех щелей и окон высывались огненные языки. В саду работали три пожарных насоса, тщетно стараясь покорить разбушевавшуюся стихию.

— Это то место! — крикнул Хэдерли в лихорадочном волнении. — Вот и дорога, усыпанная гравием, а

— Что это, пожар? — спросил Бредстрит, когда мы сошли на платформу

вот и розовый куст, где я лежал. Я выпрыгнул вон из того окна.

— Ну, — заметил Холмс, — по крайней мере, вы отомщены. Деревянные стены машинного отделения наверно загорелись от оставленной вами лампы, раз-

давленной прессом, а они этого в суматохе сразу не заметили. Теперь посмотрите, пожалуйста, не найдете ли вы среди этой толпы зевак ваших вчерашних приятелей, хотя я думаю, что они в настоящее время находятся миль за двести от нас.

Опасения Холмса оправдались. Ведь до сих пор мы ничего не слышали ни о красивой женщине, ни о негодяе-немце с его угрюмым англичанином. Впрочем, какой-то селянин рассказывал, что видел в то утро рано на заре повозку с несколькими людьми и большим ящиком; они быстро ехали по направлению к Редингу. Это был единственный след, оставленный беглецами, и даже самому Холмсу не удалось узнать о них еще что-нибудь определённое.

Пожарные были немало удивлены странным устройством дома, но их изумление достигло высшей степени, когда они нашли на одном из подоконников второго этажа недавно отрубленный большой палец человеческой руки. К вечеру их усилия увенчались, наконец, успехом и огонь был потушен. Однако крыша уже провалилась, и все здание превратилось в развалины, так что лишь несколько погнутых цилиндров и железных труб напоминали о прессе, осмотр которого так дорого обошелся нашему несчастному инженеру. В заднем флигеле дома было найдено большое количество никеля и олова, но ни одной монеты. По-видимому, их увезли в большом ящике на повозке, о которой рассказывал фермер.

Каким образом Хэдерли был вынесен из сада, так и осталось бы навсегда тайной, если бы не мягкая по-

чва, которая дала нам на этот счет точные объяснения. Судя по следам, его несли двое — одни следы были удивительно маленькие, а другие громадные. По всей вероятности, англичанин, менее решительный и жестокий, чем его товарищ, помог молодой женщине перенести потерявшего сознание инженера подальше от грозившей ему опасности.

— Да, — с прискорбием заметил наш инженер, когда мы снова сидели в поезде, — вот это называется блестящим делом: я лишился пальца и надежды получить пятьдесят гиней. Что же я приобрел взамен этого?

— Опыт, мой дорогой, — сказал, улыбаясь, Холмс, — а он может быть вам полезен. Кроме того, стоит вам когда угодно, хотя бы вкратце, рассказать об этом приключении, и вы приобретете репутацию превосходного рассказчика.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

Брак лорда Сен-Саймона и странное окончание брачной церемонии давно уже перестали интересовать высшие круги общества, в которых вращается несчастный жених. Новые скандалы затмили это происшествие, а их пикантные подробности отвлекли внимание от драмы, произшедшей четыре года тому назад. Однако я имею основание предполагать, что не все факты, связанные с этим случаем, известны публике, а так как мой друг Шерлок Холмс принимал деятельное участие в выяснении их, то думаю, что мои воспоминания о нем были бы не полны, если бы я не упомянул об этом интересном эпизоде.

Дело было за несколько недель до моей свадьбы, когда я еще жил у Шерлока Холмса в его квартире на Бейкер-стрит. Однажды, днем, вернувшись с прогулки, он нашел у себя на столе письмо. Я просидел целый день дома, так как погода стояла сырая, и дул осенний холодный ветер. Пуля, оставшаяся у меня в ноге на память об афганской кампании, напоминала мне о своем присутствии глухой болью. Я уселся в кресло, вытянул ноги на стул и окружил себя газетами. Но чтение вскоре надоело мне, я швырнул газеты и продолжал лежать, рассматривая герб и монограмму на конверте и размышляя о том, от какого аристократа могло прийти это письмо.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

— Вам письмо от какого-то знатного господина, — заметил я, когда Холмс вошел в комнату. — Если не ошибаюсь, утром вы получили письма от торговца рыбой и таможенного офицера.

— Да, моя корреспонденция отличается известным разнообразием, — улыбаясь, ответил Холмс, — и чем ниже по положению корреспонденты, тем интереснее их письма. А вот это имеет вид приглашения. Не люблю я бывать в обществе: или скучно, или надо врать.

Он распечатал письмо и пробежал его содержание.

— О, да это нечто интересное!

— Не приглашение?

— Нет, профессиональное дело.

Он распечатал письмо и пробежал его содержание

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— И клиент — аристократ?

— Член одной из лучших фамилий Англии.

— Поздравляю вас, дорогой друг.

— Говорю вам совершенно искренне, Ватсон, общественное положение клиента играет в моих глазах меньшую роль, чем его дела. А в данном случае дело может оказаться интересным. Вы внимательно читали газеты?

— Как видите, — меланхолически проговорил я, указывая на ворох газет. — Больше мне нечего было делать.

— Вот и отлично: вы можете помочь мне. Сам я читаю только уголовные процессы и объявления об умерших. Последнее чтение весьма поучительно. Ну, если вы внимательно следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сен-Саймоне и его свадьбе?

— О, да, читал с величайшим интересом!

— Отлично. Письмо, которое у меня в руке, от лорда Сен-Саймона. Я прочту его вам, а вы за то отыщите в газетах все, что написано про этот случай. Вот что он пишет:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, лорд Бекуотер говорит мне, что я могу вполне положиться на вас. Поэтому я решаюсь зайти к вам, чтоб посоветоваться с вами насчет печального обстоятельства, имеющего отношение к моей свадьбе. Мистер Лестрейд уже ведет это дело, но он уверяет меня, что он ничего не имеет против вашего сотрудничества и думает даже, что вы можете принести известную пользу. Я зайду к

вам в четыре часа; если у вас назначено какое-нибудь другое деловое свидание, очень прошу вас, отложить его, так как мое дело чрезвычайно серьезно.

С почтением Роберт Сен-Саймон».

— Написано в Гросвеноре гусиным пером; благородный лорд имел несчастие выпачкать мизинец на правой руке, — заметил Холмс, складывая письмо.

— Он пишет, что придет в четыре часа. Теперь три. Еще целый час до его прихода.

— Я воспользуюсь этим временем, чтобы, с вашей помощью, ознакомиться с делом. Поищите-ка отчеты в газетах и разложите по порядку, а я покуда посмотрю, что из себя представляет наш клиент.

Он снял с полки справочный календарь в красной обложке.

— Вот он, — сказал он, садясь и раскрывая книгу. — «Роберт Уолингэм де Вэр, второй сын герцога Балморальского». Гм! «Герб — лазоревое поле, три цветка чертополоха над полоской собольего меха. Родился в 1846». Значит, теперь ему сорок один год. Вполне зрелый возраст для брака. «Был помощником министра колоний в прежнем составе Кабинета министров. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Они прямые потомки Плантагенетов по мужской линии, и в родстве с Тюдорами по женской». Гм! Из этих сведений ничего определенного заключить нельзя. Может быть ваши будут интереснее, Ватсон.

— Мне не трудно было найти желаемые сведения, так как это событие произошло недавно и произвело

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

на меня сильное впечатление. Я не рассказывал вам о нем, потому что у вас было другое дело, и вы не любите мешать одно с другим.

— Вы говорите об истории с фургоном для перевозки мебели на Гровнер-сквер? Она совершенно выяснена, да, впрочем, и с самого начала было ясно, в чем там дело. Ну-с, расскажите, что вы нашли в газетах.

— Первая заметка в «Морнинг Пост». Она написана, как видите, несколько недель тому назад и опубликована в колонке светской хроники. «Состоялась помолвка, и по слухам в скором времени предстоит бракосочетание лорда Роберта Сен-Саймона, второго сына герцога Балморальского, с мисс Хэtti Доран, единственную дочерью Алоизия Доран, эсквайра из Сан-Франциско, Калифорния, США».

— Коротко и ясно,— заметил Холмс, протягивая к огню свои длинные, тощие ноги.

— Более подробная заметка появилась на той же неделе в одной из фешенебельных газет. Вот она: «Национальная ситуация на брачном рынке сильно страдает от применения принципа свободной торговли. Необходимо принять охранительные меры. Аристократические дома Великобритании один за другим переходят в руки наших прекрасных заатлантических родственниц. На прошлой неделе список завоеваний очаровательных похитительниц увеличился ценным приобретением. Лорд Сен-Саймон, в течение двадцати лет противостоявший стрелам маленького божка любви, объявил о своем предстоя-

щем браке с мисс Хэтти Доран, прелестной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран, грациозная фигура и редкая красота которой обращали на себя общее внимание на балах в Вестбери-хаус. Она является единственной дочерью своего отца. Говорят, что сумма ее приданого превышает шестизначное число, не говоря уже о видах на будущее. Всем известно, что герцогу Балморальскому пришлось за последние годы распродать свою коллекцию картин, а у лорда Сен-Саймона нет собственного состояния, за исключением маленького поместья в Берчмуре, то ясно, что счастье только на стороне калифорнийской красавицы, которая так легко переходит из гражданок республики в ряды британской титулованной аристократии».

— Есть еще что-нибудь? — спросил, зевая, Холмс.

— О, да, множество заметок. Например, в «Морнинг Пост» говорится, что скромная свадьба состоится в церкви Святого Георгия на Ганноверской площади; приглашено только несколько близких друзей. После бракосочетания все присутствующие отправятся в меблированный особняк на Ланкастер-гейт, где мистер Алоизий Доран устроил помещение для молодых. Двумя днями позже, то есть, в прошлую среду, появилась короткая заметка о том, что свадьба состоялась, и молодые проведут медовый месяц в имении лорда Бекуотера, вблизи Питерсфилда. Вот и все, что появилось в газетах до исчезновения новобрачной.

— До чего? — переспросил Холмс, приподнявшись в кресле.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— До исчезновения новобрачной.

— Когда же она исчезла?

— Во время свадебного обеда.

— Вот как. Дело-то оказывается интереснее, чем я ожидал. Драматическое происшествие.

— Да, и мне оно показалось не совсем обычновенным.

— Невесты часто исчезают перед свадьбой, новобрачные сбегают иногда во время медового месяца, но я не припомню подобного случая. Пожалуйста, расскажите мне все подробности.

— Предупреждаю, что подробностей мало.

— Может быть, мы сможем многое выяснить сами.

— Я прочту вам заметку одной утренней газеты от вчерашнего дня. Вот ее название: «Странное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сен-Саймона неприятно поражена странным происшествием, случившимся после его бракосочетания. Венчание, как было сообщено в газетах, состоялось вчера утром, но только сегодня удалось возможным подтвердить странные слухи, ходившие в городе. Несмотря на все старания друзей замять дело, о нем говорят так много, что и мы не видим больше повода умалчивать о нем.

Венчание происходило в церкви св. Георгия, на Ганноверской площади. Кроме отца невесты, м-ра Алоизия Доран, присутствовали только герцогиня Балмораль, лорд Бекуотер, лорд Юсташ, леди Клара Сен-Саймон (младший брат и сестра жениха) и

леди Алисия Уиттингтон. После венчания все общество отправилось в дом м-ра Алоизия Дорана, у Ланкастерских ворот, где был приготовлен завтрак. Оказывается, что в дом вслед за новобрачными пыталась проникнуть какая-то неизвестная женщина, предъявлявшая права на лорда Сен-Саймона. После продолжительной тяжелой сцены она была выведена дворецким и лакеем. Новобрачная, к счастью вошедшая в дом до этого неприятного случая, села за стол, но вдруг почувствовала себя дурно и ушла в свою комнату. Она не возвращалась довольно долго, и отец пошел за ней; горничная сказала ему, что новобрачная зашла в комнату, накинула манто, надела шляпу и побежала по коридору. Один из лакеев показал, что видел, как какая-то дама выходила из дома, но ему и в голову не пришло, что это могла быть его госпожа. Убедившись в исчезновении дочери, м-р Алоизий Доран вместе с новобрачным заявил о случившемся полиции. Приняты энергичные меры и, по всей вероятности, это странное происшествие будет вскоре выяснено. Однако, вчера вечером еще ничего не было известно о пропавшей леди. Как говорят, полиция арестовала женщину, произведшую скандал, предполагая, что она замешана в исчезновении новобрачной. Предполагается преступление из ревности или какого-нибудь другого мотива».

— И это все?

— Есть еще одна маленькая, но не лишенная значения заметка в другой утренней газете.

— Какая?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

После тяжелой сцены она была выведена дворецким и лакеем

— Арестована мисс Флора Миллар, произведшая скандал. Оказывается, что она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и уже несколько лет знает ново-

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

брачного. Вот и все, что известно об этом деле по газетам.

— Замечательно интересный случай. Ни за что на свете не отказался бы исследовать его. Звонят, Ватсон. Недавно пробило четыре часа, и потому я не сомневаюсь, что это наш высокородный клиент. Не думайте уходить, Ватсон; я предпочитаю иметь свидетеля, хотя бы на случай, если мне изменит память.

— Лорд Сен-Саймон, — доложил наш юный слуга, открывая дверь.

Вошел господин с приятным, утонченным лицом и орлиным носом. Он был бледен, у него был надменно сжатый рот и глаза человека, на долю которого выпала приятная участь повелевать другими. Он вошел бодро, но казался старше своих лет, так как сгибал колени и слегка наклонялся вперед. Волосы у него на висках начинали седеть, а когда он снял цилиндр, на макушке обнаружилась лысина. Костюм у него был щегольской, на грани фатовства: высокий накрахмаленный воротник, черный сюртук, белый жилет, желтые перчатки, лайковые сапоги и светлые брюки. Войдя в комнату, он оглянулся, нервно играя шнурком от золотого пенсне.

— Здравствуйте, лорд Сен-Саймон, — сказал Холмс, вставая с места и кланяясь. — Пожалуйста, садитесь в плетеное кресло. Это мой друг и коллега, мистер Ватсон. Присядьте поближе к огню и потолкуем о деле.

— Дело очень неприятное, — мистер Холмс, как вы сами понимаете. Я слышал, сэр, что вам прихо-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

дились заниматься по-доброго рода щекотливыми делами, хотя вряд ли ваши клиенты принадлежали к тому классу общества, как я.

— Ну, в настоящее время это шаг вниз.

— Что вы хотите этим сказать?

— Моим последним клиентом был король.

— О, в самом деле! Я не знал этого. А у него также пропала жена?

— Вы понимаете, что мои другие клиенты вправе так же рассчитывать на мою скромность, как и вы, — вежливо заметил Холмс.

— Конечно! Вы правы, вполне правы! Что касается моего дела, то я готов дать все сведения, которые вам потребуются.

— Благодарю вас. Я знаю только то, что напечатано в газетах. Например, верно ли это известие об исчезновении новобрачной?

Вошел господин с приятным, утонченным лицом и орлиным носом

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

Лорд Сен-Саймон пробежал глазами заметку.

— Да, все это верно.

— Прежде чем я могу составить себе какое-либо мнение об этом случае, мне нужно еще многое узнать. Я думаю, лучше всего будет, если я стану задавать вам вопросы.

— Пожалуйста.

— Когда вы познакомились с мисс Хэтти Доран?

— Год тому назад, в Сан-Франциско.

— Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

— Да.

— И тогда же обручились с ней?

— Нет.

— Но вы были с ней в дружеских отношениях?

— Мне нравилось ее общество, и она видела это.

— Ее отец очень богат?

— Он считается самым богатым человеком на всем Тихоокеанском побережье.

— А как он нажил свои деньги?

— На рудниках. Несколько лет тому назад у него ничего не было. Потом он нашел золото и разбогател.

— А теперь скажите мне ваше мнение о вашей жене. Что она за человек?

Лорд стал сильнее крутить свое пенсне и уставился на огонь в камине.

— Видите, м-р Холмс, моей жене было уже двадцать лет, когда разбогател ее отец. До этого времени она свободно бегала среди рудокопов, гуляла по ле-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

сам и горам, так что воспитала ее скорее природа, чем школа. Она, что называется, сорванец, с большой силой воли, свободная от всяких предрассудков. Она очень порывиста и вспыльчива, настоящий вулкан, решительна и, не задумываясь, приводит в исполнение свои решения. Но я не дал бы ей имени, которое я имею честь носить (тут он внушительно кашлянул), если бы не считал ее, в сущности, благородной женщиной. Я считаю ее способной на героическое самоопожертвование и думаю, что она с отвращением относится ко всему бесчестному.

— У вас есть ее фотографическая карточка?

— Я принес с собой ее портрет.

Он открыл медальон и показал нам портрет очень красивой женщины. Это была миниатюра на слоновой кости, и художник чудесно изобразил блестящие черные волосы, большие темные глаза и очаровательный ротик мисс Доран. Холмс долго и внимательно всматривался в изображенное на портрете лицо, потом закрыл медальон и отдал его лорду Сен-Саймону.

— Барышня приехала в Лондон, и вы возобновили знакомство с ней?

— Да, отец привез ее сюда на один сезон. Мы встречались, потом я сделал ей предложение и женился на ней.

— Кажется, она принесла вам большое приданое?

— Хорошее, но не больше того, какое приносят обыкновенно жены в нашем роду.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

— И оно остается за вами, раз брак состоялся?

— Я, право, неправлялся об этом.

— Вполне естественно. Вы видели мисс Доран накануне вашей свадьбы?

— Да.

— Была она в хорошем расположении духа?

— В наилучшем. Она все время говорила о нашей будущей жизни.

— В самом деле? Это очень интересно. А утром в день свадьбы?

— Все время до окончания венчания была весела, как всегда.

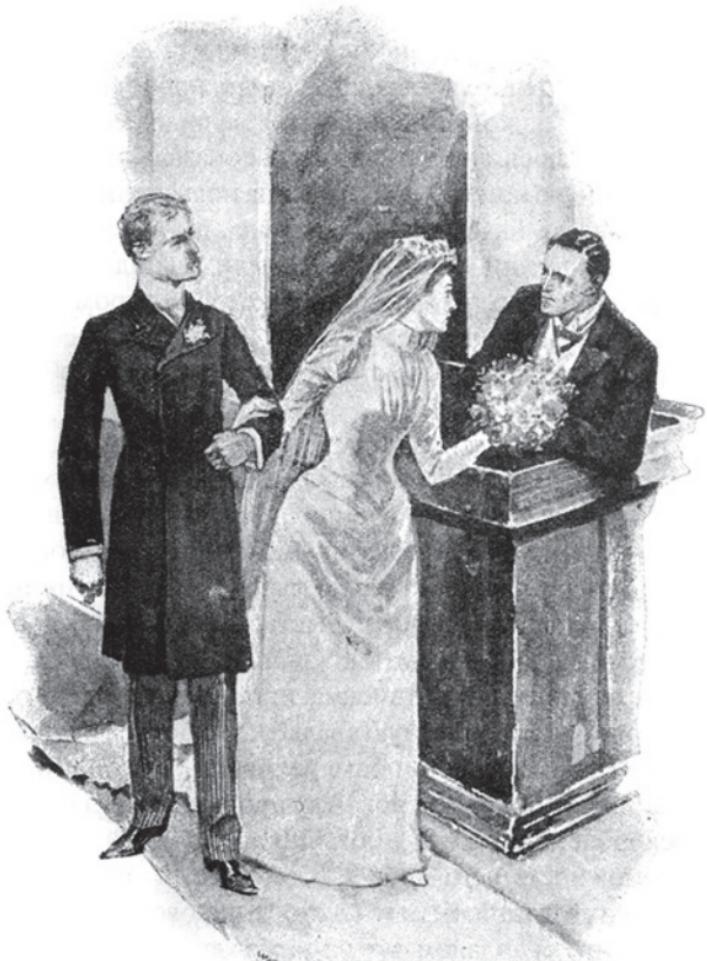
— А потом вы заметили в ней какую-нибудь перемену?

— Сказать по правде, я в первый раз заметил, что характер у нее не очень мягкий. Но случай, наведший меня на это размышление, так ничтожен, что я не счел нужным упомянуть о нем, и к тому же он не имеет никакого отношения к нашему делу.

— Все-таки расскажите нам, что именно произошло.

— О, сущий пустяк! Она уронила букет, когда мы шли в ризницу. Он упал на одну из скамей. Какой-то джентльмен, сидевший на скамье, подал ей букет после минутного замедления. Когда я заговорил с ней об этом случае, она ответила мне резко и все время, пока мы ехали домой, сильно волновалась из-за такого пустяка.

— Вот как. Вы говорите, что какой-то господин сидел на скамье. Значит в церкви была посторонняя публика?

Какой-то джентльмен, сидевший на скамье, подал ей букет

— О, да. Этого невозможно избежать, когда церковь открыта.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОДСЯК

— Он был не из числа друзей вашей жены?

— Нет, нет, я назвал его джентльменом только из вежливости, но, на самом деле, он простой человек. Я не обратил особого внимания на него. Но право, мне кажется, мы уклоняемся в сторону.

— Итак, леди Сен-Саймон вернулась из церкви в менее веселом расположении духа, чем была раньше. Что она сделала, когда вошла в дом отца?

— Я видел, что она разговаривала со своей горничной.

— А кто ее горничная?

— Ее зовут Алиса. Она американка и приехала из Калифорнии вместе с своей барышней.

— Она пользуется ее доверием?

— Даже слишком. Мне казалось, что мисс Доран позволяет ей слишком много. Но, конечно, в Америке смотрят на это совершенно иначе.

— Долго она разговаривала с Алисой?

— Всего несколько минут. Я думал о другом.

— Вы не слышали, о чем они говорили?

— Леди Сен-Саймон сказала что-то на американском жаргоне, который употребляет очень часто. Я не понял ее слов.

— Американский жаргон бывает иногда очень выразителен. А что сделала ваша жена, окончив разговор с горничной?

— Она вошла в столовую.

— Под руку с вами?

— Нет, одна. Она очень независима в подобного рода мелочах. Посидев минут десять, она вдруг вста-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ла, пробормотала несколько слов извинения, вышла из комнаты и не возвращалась более.

— Насколько я знаю, горничная Алиса показала, что леди Сен-Саймон вошла в свою комнату, накинула манто на подвенечное платье, надела шляпу и ушла.

— Совершенно верно. Потом ее видели в Гайд-парке с Флорой Миллар, арестованной в настоящее время, это она пыталась утром устроить скандал в доме мистера Дорана.

— Ах, да. Я бы желал знать некоторые подробности об этой молодой леди и ваших отношениях к ней.

Лорд Сен-Саймон пожал плечами и поднял брови.

— Мы были с ней несколько лет в близких, очень близких отношениях. Она служила в «Аллегро». Я не обидел ее, и у нее нет повода жаловаться на меня, но вы знаете женщин, мистер Холмс. Флора очень милое создание, но она чрезвычайно вспыльчива и очень любит меня. Она писала мне ужасные письма, когда узнала, что я женюсь. Честно говоря, я потому и хотел венчаться скромно, что боялся скандала в церкви.

Она побежала к подъезду дома мистера Дорана, когда мы вернулись из церкви, и хотела ворваться в переднюю, осыпая мою жену страшною бранью и угрозами, но я предвидел возможность этого случая и отдал приказания прислуге, которая вывела ее вон. Она успокоилась, когда увидела, что поднятый ею шум ни к чему не повел.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

— А ваша жена слышала все это?

— К счастью, нет.

— А потом ее видели в обществе этой самой женщины?

— Да. Мистер Лестрейд отнесся к этому факту очень серьезно. Предполагают, что Флора вызвала мою жену и устроила ей какую-нибудь ужасную западню.

— Что же, это весьма возможно.

— Вы того же мнения?

— Я не утверждаю этого. А вы сами считаете это правдоподобным?

— Флора не обидит и мухи.

— Но ревность может совершенно изменить характер человека. Пожалуйста, скажите, что вы сами думаете об этом?

— Видите ли, я пришел спросить ваше мнение, потому что сам ничего не могу понять. Я изложил вам все факты. Но если вы все-таки желаете знать мое мнение, то мне представляется возможным, что возбуждение, сознание достигнутого мною высокого положения подействовало на нервную систему моей жены.

— Одним словом — внезапное помешательство?

— Видите, когда я думаю, что она отвернулась не только лично от меня, но от всего, чего безуспешно добиваются другие, — то мне невольно приходит в голову это предположение.

— Что же, это также возможная гипотеза, — улыбаясь, сказал Холмс. — Ну, лорд Сен-Саймон,

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

теперь, кажется, все данные у меня в руках. Скажите, пожалуйста, когда вы сидели за столом, во время завтрака, вы могли видеть, что делается на улице?

— Из окна видна противоположная сторона улицы и парк.

— Не смею вас больше задерживать. Я сообщу вам, что узнаю.

— В том случае, если вам удастся разрешить эту задачу... — сказал наш клиент, вставая со стула.

— Я уже разрешил ее.

— Э? Что такое?

— Я говорю, что уже решил эту задачу.

— Так где же моя жена?

— Это — подробность, которую я скоро узнаю.

Лорд Сен-Саймон покачал головой.

— Боюсь, что решение этой загадки не под силу нашим головам, — заметил он, сделал величественный, старомодный поклон и вышел из комнаты.

— Очень мило со стороны лорда Сен-Саймона удостоить чести сравнить мою голову со своей, — со смехом сказал Шерлок Холмс. — Думаю, после этого допроса можно выпить виски с содовой и выкурить сигару. Я сделал определенные выводы, прежде чем лорд вошел в комнату.

— Холмс!

— У меня в заметках есть подобного рода случаи, хотя, как я уже говорил вам, исчезновение не происходило так скоро после венчания. Допрос только подтвердил мои предположения. И пустые с виду по-

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

казания бывают иногда столь же красноречивы, как муха в молоке, — если вспомнить Торо¹.

— Но ведь я присутствовал при разговоре и слышал все то же, что слышали вы.

— Да, но вы не знакомы с предыдущими случаями; а они-то и помогли мне решить эту задачу. То же самое произошло несколько лет тому назад в Абердине и нечто подобное в Мюнхене через год после франко-прусской войны. А вот и Лестрейд! Здравствуйте, Лестрейд! Вот там лишний стакан, а сигары в ящике.

На сыщике был пиджак горохового цвета и галстук, что придавало ему вид моряка. В руках у него был черный холщевый мешок. Он поздоровался, сел и закурил предложенную ему сигару.

— Что случилось? — спросил Холмс, подмигивая мне.— Вы чем-то недовольны?

— Действительно, недоволен. Это проклятое дело Сен-Саймона. Ничего понять не могу.

— В самом деле? Вы удивляете меня.

— Что за запутанная история! Работал целый день, и в результате — ничего.

— Ну и промокли же вы, — сказал Холмс, ощущая рукав пиджака Лестрейда.

— Да, я исследовал дно Серпентайна².

— Господи, Боже мой? Для чего же?

— Искал тело леди Сен-Саймон.

¹ К такому сравнению прибегает в своем дневнике американский писатель XIX века Генри Торо.

² Серпентайн (англ. «змейка») — пруд в Гайд-парке.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

— А вы не пробовали исследовать дно фонтана на Трафальгарской площади? — спросил он.

— Зачем? Что вы хотите этим сказать?

— Столько же шансов найти ее в этом месте, как и в другом.

Лестрейд бросил на моего приятеля сердитый взгляд.

— А вам, вероятно, уже все известно,— проговорил он насмешливым тоном.

— Я не только узнал факты, но уже составил себе определенное мнение.

— В самом деле? Так вы думаете, что Серпентайн не играет никакой роли в этом происшествии?

— Считаю это вполне вероятным.

— Так не потрудитесь ли вы объяснить, что значит эта находка?

Он развязал мешок и вывалил из него шелковое подвенечное платье, белые атласные туфли, венок и фату — все изрядно подмоченное водой.

— Вот еще,— сказал он, кладя на эту кучу новое обручальное кольцо. — Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс.

— Вот как. И все это вы достали со дна Серпентайна? — спросил мой приятель, пуская кольца голубого дыма.

— Нет. Их нашел сторож парка плавающими в воде. Вещи признаны принадлежащими ей, ну, я и подумал, что и ее тело должно быть неподалеку.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс

— Это весьма остроумная теория, что тело каждого человека должно быть всегда найдено рядом с его одеждой. Скажите, пожалуйста, чего вы хотели добиться?

— Какого-нибудь доказательства виновности Флоры Миллар.

— Боюсь, что ее трудно будет найти...

— В самом деле? — с горечью вскрикнул Лестрейд. — Боюсь, Холмс, что все ваши выводы и умозаключения совершенно оторваны от жизни. За две минуты вы сделали две грубые ошибки. В этом плащке, к примеру, есть улика против мисс Флоры Миллар.

— Какая?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— В платье есть карман. В кармане — футляр для визитных карточек, а в нем записка. Вот она. Лестрейд расправил записку на столе. Слушайте: «Увидимся у меня, когда все будет готово. Выходите немедленно. Ф. Х. М.». Ну-с, я и полагаю, что Флора Миллар выманила леди Сен-Саймон из дома и упратала ее куда-нибудь с помощью своих сообщников. Эта записка подписана ее инициалами. Вероятно, она сунула ее ей в руки у подъезда.

— Отлично, Лестрейд, — со смехом сказал Холмс. — Вы хитро все придумали. Дайте-ка мне взглянуть.

Холмс небрежно взял бумажку, но вдруг, внимательно взглянув на нее, сказал с довольным видом:

— Да, действительно, это очень важно!

— Ага, вы находите?

— Чрезвычайно важно. Поздравляю вас.

Лестрейд поднялся с места, весь сияя торжеством, и наклонился, чтобы взглянуть на записку.

— Да вы смотрите не с той стороны! — вскрикнул он.

— Напротив, именно с той, с которой следует.

— С которой следует? Вы с ума сошли. Несколько написанных карандашом слов с другой стороны.

— А здесь зато я вижу клочок счета гостиницы, который меня чрезвычайно интересует.

— Тут там ничего особенного. Я уже смотрел, — сказал Лестрейд. «Окт. 4-го, за комнату. — 8 шил., завтрак — 2 шил. 6 пенсов, дичь — 1 шил., закуска —

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

2 шил. 6 пенсов, стакан хереса — 8 пенсов». Ничего тут не вижу интересного.

— Весьма вероятно. А между тем, это очень важно. Что же касается записки, она, или, по крайней мере, подпись на ней, также имеет важное значение, и потому еще раз поздравляю вас.

— Я уже потерял достаточно много времени, — сказал, вставая, Лестрейд. — Я считаю, что следует действовать, а не разводить разные теории, сидя у камина. Прощайте, мистер Холмс. Посмотрим, кто первый разрешит эту загадку.

Он собрал все вещи, сунул их в мешок и вышел.

— Я скажу вам только несколько слов относительно этого дела, Лестрейд, — протяжно проговорил Холмс вслед своему сопернику. — Леди Сен-Саймон — миф. Ее нет и никогда не было.

Лестрейд с грустью посмотрел на моего друга. Потом повернулся ко мне, постучал себя три раза по лбу, многозначительно покачал головой и поспешил вышел из комнаты.

Он еле успел закрыть дверь, как Холмс встал и надел пальто.

— Он прав относительно того, что следует действовать, — заметил он, — а потому, Ватсон, я должен вас покинуть на некоторое время.

Шерлок Холмс ушел в шестом часу, а час спустя явился приказчик из гастрономического магазина с большим ящиком. С помощью пришедшего с ним мальчика он открыл ящик и, к великому моему удивлению, стал выкладывать роскошный холодный

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ужин на мой простой деревянный стол. Тут были куропатки, фазан, страсбургский пирог и несколько пыльных бутылок старого вина. Выложив все это, мои гости исчезли, как духи в сказках, объяснив, что деньги они получили и принесли все вещи по указанному адресу.

Около девяти часов Шерлок Холмс быстро вошел в комнату. Выражение лица его было серьезно, но в глазах светился огонек. Я заключил, что предположения его оправдались.

— Ага! ужин готов,— сказал он, потирая руки.

— Вы ждете гостей? Накрыто на пять персон.

— Да, я думаю, к нам кое-кто зайдет, — сказал он. — Удивляюсь, что еще нет лорда Сен-Саймона. Ага! Кажется, это его шаги на лестнице.

Вошел наш утренний гость. Смущение выражалось на его аристократическом лице. Он теребил шнурок своего пенсне еще сильнее, чем прежде.

— Мой посыльный застал вас? — спросил Холмс.

— Да... Сознаюсь, что содержание вашего письма поразило меня. Уверены ли вы в том, что сообщаете?

— Безусловно.

Лорд Сен-Саймон упал в кресло и провел рукой по лбу.

— Что скажет герцог, когда узнает, что один из членов его семьи подвергся такому унижению? — прошептал он.

— Это чистая случайность. Нет никакого унижения.

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

— Ах! Вы смотрите на эти вещи с другой точки зрения.

— Тут некого винить. Она не могла поступить иначе. Жаль, конечно, что это вышло несколько резко, но ведь у нее нет матери, которая могла бы дать совет в таком случае.

— Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление, — сказал лорд Сен-Саймон, постукивая пальцами по столу.

— Вы должны отнестись снисходительно к бедной девушки, очутившейся в таком неслыханном положении.

— Никакого снисхождения! Я страшно зол, со мной поступили отвратительно!

— Кажется, звонят, — сказал Холмс. — Да, на лестнице слышны шаги. Если я не в состоянии убедить вас, лорд Сен-Саймон, то я пригласил адвоката, который, быть может, окажется счастливее меня.

Холмс отворил дверь и ввел в комнату какого-то господина с дамой.

— Лорд Сен-Саймон, — сказал он, — позвольте мне представить вас мистеру и миссис Фрэнсис Хей Маултон. С миссис Маултон вы, кажется, встречались.

При виде вошедших людей наш клиент вскочил с места и выпрямился, опустив глаза и заложив руку за борт сюртука с видом оскорбленного достоинства. Дама быстро подошла к нему и протянула руку. Он не поднял глаз. И, пожалуй, хорошо сделал, посколь-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Наш клиент выпрямился с видом оскорбленного достоинства

ку трудно было бы устоять перед умоляющим выражением ее прелестного личика.

— Вы сердитесь, Роберт, — сказала она. — Вы имеете полное право сердиться.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, не извиняйтесь, — с горечью ответил лорд Сен-Саймон.

— О, я знаю, что отвратительно поступила с вами; я должна была сказать вам все раньше. Но я была словно безумная с тех пор, как увидала Френка, и не знала, что делала и говорила. Удивляюсь, как я не упала в обморок у алтаря.

— Сударыня, вы, может-быть, желаете, чтобы мой друг и я вышли из комнаты, пока вы будете объясняться?

— Если мне можно выразить мое мнение, — заметил незнакомец, — то, по-моему, в этом деле и так было слишком много тайн. Что касается меня, я ничего не имею против того, чтоб и Европа и Америка узнали всю правду.

Мистер Маултон был живым, маленьким, суховатым человеком с резкими чертами загорелого лица.

— Ну, так я расскажу всю нашу историю, — сказала миссис Маултон. — Мы с Френком познакомились в 1881 году, в лагере Мак-Квира, вблизи Скалистых гор, где папа искал золото. Мы обручились, но папа вдруг напал на золотоносную жилу, а дело Френка прогорело. Папа становился все богаче и богаче, а Френк все беднее и беднее. Папа и слушать ничего не хотел о том, чтоб мы поженились, и он увез меня в Сан-Франциско. Френк не хотел отказаться от меня и поехал за нами. Мы виделись без ведома папы. Он взбесился бы, если бы узнал про это. Поэтому мы сами порешили дело. Френк сказал, что он вернется на россыпи и возвратится только тогда, когда будет так же богат, как папа. Тогда я обещалась ему ждать его и не выходить замуж, пока он жив. «Отчего бы нам не пожениться теперь?», — сказал Франк. — «Мне будет спокойнее. Я никому не скажу, что ты моя жена, пока не вернусь». Ну, мы переговорили, он все устроил, и мы сейчас же повенчались. После этого Френк отправился искать счастья, а я вернулась к папе. Я слышала, что Френк был в Монтане, а затем переехал в Аризону и, наконец, в Новую Мексику. Потом в газетах появилось известие о нападении

индейцев на лагерь золотоискателей. В числе убитых стояло имя моего Френка.

Я упала в обморок и была больна несколько месяцев. Папа думал, что у меня чахотка, и возил меня чуть ли не ко всем докторам в Сан-Франциско. Более года о Френке ничего не было слышно, так что я не сомневалась уже в его смерти. Потом лорд Сен-Саймон приехал в Сан-Франциско, затем мы отправились в Лондон, где он сделал мне предложение. Папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один человек в мире не заменит мне моего бедного Френка.

Но все же, если бы я вышла за лорда Сен-Саймона, я исполняла бы свой долг по отношению к нему. Любовью нельзя управлять, но своими поступками можно. Я пошла с ним к алтарю с намерением быть ему хорошей женой. Однако можете себе представить, что я почувствовала, когда, оглянувшись, увидала Френка. В первую минуту я подумала, что это его призрак, но, оглянувшись во второй раз, заметила, что он стоит на том же месте и вопросительно смотрит на меня, как будто желая узнать, рада я или не рада его видеть. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Голова у меня кружилась, слова священника звучали в ушах, словно жужжание пчелы. Я не знала, что делать. Остановить венчание и сделать сцену в церкви? Я опять взглянула на Френка. Он, должно быть, понял мои мысли, потому что приложил палец к губам в знак молчания. Потом я увидела, что он пишет что-то на клочке бумаги — очевидно мне. Проходя

мимо него, я уронила букет. Он поднял его и вместе с цветами сунул мне в руку записку. Он просил меня сойти к нему, когда он подаст мне знак. Понятно, я ни минуты не сомневалась в том, что мой долг обязывает меня следовать его указаниям.

Вернувшись из церкви, я рассказала все моей горничной, которая знала Френка в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать, упаковать несколько вещей и приготовить манто. Я знаю, что нужно было объясниться с лордом Сен-Саймоном, но это было ужасно страшно в присутствии его матери и всех этих важных господ. Я решилась убежать и потом уже объяснить все. Мы сидели за столом не более десяти минут, как вдруг я увидела Френка, стоявшего на противоположной стороне улицы. Он сделал мне знак и пошел по направлению к парку. Я вышла из комнаты, оделась и пошла вслед за ним. Ко мне подошла какая-то женщина, говорила что-то о лорде Сен-Саймоне — оказывается, что и у него было что-то до брака, — но мне удалось отделаться от нее и я догнала Френка. Мы сели в кэб и поехали в квартиру, нанятую им на Гордон-сквер. Таким образом, после многих лет ожидания, я соединилась, наконец, с Френком. Он был взят в плен индейцами, бежал от них в Сан-Франциско, узнал, что я считала его умершим, отправился в Англию и отыскал меня здесь как раз в день венчания».

— Я прочел в газетах,— объяснил американец. — Там была упомянута фамилия невесты и церковь, где ее будут венчать, но не было сказано, где она живет.

58

Ко мне подошла какая-то женщина

— Мы стали толковать о том, что нам следует делать. Френк стоял за откровенное объяснение, но мне было так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше никого не видеть. Я решила только

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

написать папе, что я жива. Мне страшно было подумать, что все эти лорды и леди сидят за столом в ожидании меня. Френк взял мое подвенечное плащье и все вещи, связал их в узел и бросил его кудато, чтобы меня не могли проследить. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы к нам не пришел вот этот любезный господин — мистер Холмс. (Хотя я не понимаю, как он нас нашел). Он очень по-доброму и ясно доказал мне, что я неправа, а Френк прав и, что если мы будем скрываться, то все обвинят нас. Потом он предложил нам поговорить с лордом Сен-Саймоном наедине, и мы сейчас же приехали к нему. Ну, Роберт, теперь вы все знаете. Мне очень жаль, что я причинила вам огорчение. Надеюсь, что вы не очень дурно думаете обо мне.

Во время ее продолжительного рассказа лорд стоял в прежней позе, с нахмуренными бровями и крепко сжатыми губами.

— Извините,— проговорил он,— я не привык обсуждать публично мои личные дела.

— Так вы не прощаете меня? Не хотите пожать мне руку на прощанье?

— Отчего же нет, если это может доставить вам удовольствие.

Он холодно пожал протянутую ему руку.

— Я надеялся, что вы запросто поужинаете с нами, — сказал Холмс.

— Это уж слишком, — ответил лорд. — Я вынужден покориться обстоятельствам, но не вижу причи-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

*Он сделал общий поклон и величественно
вышел из комнаты*

ны радоваться. Позвольте пожелать вам всем доброй ночи.

Он сделал общий поклон и величественно вышел из комнаты.

— Надеюсь, что, по крайней мере, вы не откажетесь сделать мне честь поужинать с нами, — сказал Шерлок Холмс. — Я всегда рад видеть американца, мистер Маултон, потому что я из тех людей, которые думают, что ошибки правительства в былые годы не помешают нашим детям стать со временем гражданами огромного государства под соединенным флагом Великобритании и Соединенных Штатов.

— А дело-то вышло очень интересное, — заметил Холмс после ухода наших гостей. — Оно показа-

ло, как просто объясняется иногда дело, кажущееся необъяснимым. На что уж казался загадочным данный случай. А между тем нет ничего более естественного того хода событий, о котором рассказала нам миссис Маултон. А с другой стороны, какой странный результат, если взглянуть на дело с точки зрения мистера Лестрейда.

— Так, значит, вы не ошиблись?

— С первой же минуты мне стало ясно, что невеста охотно согласилась на брак, а затем раскаялась в своем согласии за несколько минут до возвращения домой. Очевидно, утром произошло что-то, вызвавшее в ней перемену настроения. Что бы это могло быть? Она не могла говорить с кем-нибудь наедине, потому что все время была с женихом. Не видела ли она кого-нибудь? Если видела, то, несомненно, американца, так как она в Англии недавно и вряд ли кто-нибудь мог приобрести над ней такое влияние, чтобы при виде его она могла изменить все свои планы. Как видите, с помощью метода исключения, мы пришли к выводу, что она видела американца. Кто же этот американец и почему он имеет на нее такое влияние? Это или любовник, или муж. Я знал, что она провела юность в грубой обстановке и в странных условиях. Я дошел до этих выводов еще раньше посещения лорда Сен-Саймона. Когда же он рассказал нам про господина, который сидел на скамье, про внезапную перемену в настроении невесты, про то, как она уронила букет (самый обыкновенный способ передачи записки), про разговор с горничной, зная-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

шей все ее дела, на жаргоне, — все стало вполне ясным для меня. Она бежала с мужчиной — любовником или мужем, вероятнее с мужем.

— А как вы их нашли?

— Это было бы трудно, но в руках у нашего друга Лестрейда оказались драгоценные сведения, значение которых он не понял. Конечно, инициалы играли важную роль, но еще важнее было узнать, что он прожил неделю в одной из лучших английских гостиниц.

— Как вы это узнали?

— По ценам. Восемь шиллингов за постель и восемь пенсов за стакан хереса — такие цены бывают только в самых шикарных гостиницах, каких немногого в Лондоне. Во второй из тех, в которые я заходил, находившейся на Нортумберленд-авеню, я узнал в бюро, что Фрэнсис Х. Маултон, американец, накануне выехал. Я попросил взглянуть в приходную книгу и увидел те же цифры, что и на счете. Письма он велел адресовать на Гордон-сквер, 226. Я отправился туда и, к счастью, застал влюбленную парочку дома. Я взял на себя смелость дать им отеческий совет, доказывая, что им лучше объяснить свое положение перед светом вообще и перед лордом Сен-Саймоном в частности, и пригласил их сюда, чтоб поговорить с ним. Как видите, он явился.

— Да, но результат свидания нельзя назвать удачным. Нельзя сказать, чтоб лорд был очень любезен.

— Ах, Ватсон! — с улыбкой сказал Холмс, — может быть, и вы не были бы любезны, если бы после

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

всех ухаживаний и свадьбы вам пришлось бы внезапно отказаться и от жены, и от денег. Я думаю, нам следует отнестись к лорду Сен-Саймону снисходительно и возблагодарить небо за то, что мы никогда не очутимся в подобном положении. Придвиньте-ка свой стул и дайте мне скрипку. Единственная задача, которую нам предстоит разрешить теперь — это как убить эти мрачные осенние дни.

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

— Помимо вас, Холмс, — сказал я однажды, смотря в окно, выходящее на улицу, — вон бежит какой-то сумасшедший. Странно, что родныепускают его одного выходить из дома.

Мой приятель лениво поднялся со своего кресла и, положив руки в карманы халата, стал смотреть через мое плечо. Было ясное, морозное, февральское утро, и вчерашний снег толстым слоем лежал на земле, блестя на солнце. Ближе к центру Бейкер-стрит экипажи превратили его в две коричневые ленты, но по обочинам и на более высоких краях тротуара он был все еще девственно бел. Серый тротуар был выметен и выскоблен, но был все так же опасно скользок; поэтому прохожих в то утро было меньше, чем обычно. Со стороны главной станции подземки шел только один единственный господин, странный вид которого и привлек мое внимание.

Это был мужчина около пятидесяти, высокий, статный, представительный, со строгими чертами лица и повелительным видом. Он был одет богато, но неброско. На нем был блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогой ткани, светло-серые брюки и коричневые гетры. Между тем его действия составляли разительный контраст с достоинством его фигуры и его нарядом весьма приличного джентльмена. Он бежал, сильно размахивая руками, энергично по-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

трясая головой и делая самые необыкновенные гримасы.

— Что такое могло с ним случиться? — спросил я.

— Он смотрит на номера домов.

— Я думаю, что он идет сюда, — сказал Холмс, потирая руки.

— Сюда?

— Да, сюда. Я даже думаю, что он идет посоветоваться со мной по своему делу. Мне кажется, признаки налицо... Ага! Что я говорил!

В эту минуту джентльмен на улице, пыхтя и задыхаясь, приблизился к нашей двери и так дернул за звонок, что звук его отозвался во всем доме. Несколько мгновений спустя, он вбежал в нашу комнату, все еще пыхтя и жестикулируя, но у него был такой полный горя и отчаяния взгляд, что улыбки наши сошли с лиц, уступив место сочувствию и жалости. С минуту он не мог вымолвить ни слова, лишь раскачиваясь и хватая себя за голову, как безумный. Затем он вдруг с такой силой ударился головой об стену, что мы оба моментально бросились к нему и оттащили на середину комнаты. Шерлок Холмс усадил его в кресло и, сев около него, стал гладить его по руке и говорить с ним тихим, успокоительным тоном, как с ребенком.

— Вы пришли рассказать мне, что с вами случилось, — говорил он, — не правда ли? Вас утомила быстрая ходьба, отдохните немножко, а затем я буду очень рад ознакомиться с той небольшой задачей, которую вы хотите предложить мне.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Джентльмен сидел с минуту, тяжело дыша и стараясь побороть свое волнение. Затем он провел платком по лицу и повернулся к нам.

— Вы, без сомнения, считаете меня сумасшедшими? — сказал он.

— Я вижу, что вы очень чем-то взволнованы, — отвечал Холмс.

— Еще как взволнован! — отвечал он, — то, что со мной случилось так неожиданно и так ужасно, что любого сведет с ума. Личное несчастье я перенес бы с мужеством, несчастия — удел всех людей; потерю общественного уважения я бы тоже встретил спокойно, хотя характер мой таков, что я еще никогда не сносил оскорблений. Но когда и то и другое вместе постигает человека и еще в такой ужасной форме, то это не может не потрясти его до глубины души. Кроме того, не я один страдаю от несчастия: пострадает высшее лицо в государстве, если не будет найден путь к спасению.

— Пожалуйста, сэр, успокойтесь, — сказал Холмс, — и постарайтесь дать мне ясное понятие о том, кто вы и что с вами случилось.

— Мое имя, — отвечал гость, — вероятно, вам знакомо. Я Александр Холдер, глава банкирского дома «Холдер и Стивенсон».

Это имя, без сомнения, было нам знакомо, так как принадлежало главному члену товарищества самой крупной частной банкирской фирмы Лондона. Что же такое могло случиться, что привело одну из выдающихся личностей города в подобное со-

— Пожалуйста, сэр, успокойтесь,
— сказал Холмс

стояние? Мы с нетерпением и любопытством стали ждать, чтобы наш гость сделал над собой новое усиление и начал снова говорить.

— Я чувствую, что время дорого, — продолжил он, — поэтому-то я и поспешил, как только полицейский инспектор сказал мне, что я должен заручиться вашим содействием. Я приехал на Бейкер-Стрит по подземной дороге, а оттуда пошел пешком, так как кэбы слишком медленно двигаются по снегу. Поэтому-то я так и запыхался; я не привык ходить пешком. Теперь мне лучше, и я постараюсь изложить вам факты как можно короче и яснее.

Вы конечно знаете, что в процветающем банкирском доме настолько же важно найти выгодное вложение

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ние для наших фондов, насколько и увеличить число наших клиентов. Одна из наиболее выгодных наших операций состоит в том, чтобы давать деньги под верные залоги. В последние годы в этой отрасли мы работали весьма успешно, снабжая деньгами многих богатых людей под залог картин, библиотек, драгоценных вещей, сервисов и тому подобного. Вчера утром я сидел в моей канторе, когда один из клерков подал мне карточку. Я подпрыгнул от удивления, когда прочитал имя, написанное на ней, так как это был никто иной как... Впрочем, мне кажется, я и вам не скажу ничего, кроме того, что это была одна из высочайших, благороднейших и славнейших особ Англии. Я был смущен этой неожиданной честью и готовился уже выразить это вошедшему; но он тотчас же заговорил о деле с видом человека, которому хочется поскорее отдельаться от неприятной обязанности.

— Мистер Холдер, — сказал он, — мне говорили, что вы даете деньги взаймы.

— Да, мы делаем это под верные залоги, — отвечал я.

— Мне крайне необходимо, — продолжал он, — получить сейчас же пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Я, конечно, мог бы занять такую ничтожную сумму в любое время у моих друзей; но я предпочитаю сделать это сам, без посторонней помощи. В моем положении, вы понимаете, неудобно принимать одолжения.

— На какой срок, позвольте спросить, желаете вы получить эту сумму? — спросил я.

— В следующий понедельник я должен получить крупную сумму, и тогда я в состоянии буду вернуть вам ваши деньги с процентами, какие вы только захотите сами назначить. Однако мне необходимо получить деньги сейчас.

— Я был бы весьма счастлив ссудить вам эту сумму из моих личных средств, — отвечал я, — но, к несчастию, для меня она слишком велика. Поэтому я должен действовать от имени фирмы, а ради моего компаньона я обязан требовать, чтобы даже и относительно вас приняты были все требуемые делом предосторожности.

— Я сам предпочитаю, чтобы это было сделано именно так, — сказал он, — поднимая со стула черный кожаный четырехугольный футляр. — Вы, без сомнения, слышали об берилловой диадеме?

— Одна из самых драгоценных вещей государственной казны, — воскликнул я.

— Именно, — отвечал он. Он открыл футляр, и там, на мягком ложе из бархата телесного цвета, лежала та драгоценность, о которой он только что говорил.

— Здесь тридцать девять огромных бериллов, — сказал он, — а цена золотой оправы не поддается описанию. По самой низкой оценке, стоимость этой вещи вдвое более той суммы, которую я прошу. Я готов оставить вам диадему в обеспечение долга.

Я взял в руки футляр и в некотором смущении смотрел то на диадему, то на моего знатного клиента.

Он открыл футляр

— Вы сомневаетесь в ценности диадемы? — спросил он.

— Нисколько. Я сомневаюсь только...

— В моем праве оставить ее вам? Можете успокоиться, я и не подумал бы сделать это, если бы был уверен, что через четыре дня в состоянии буду выкупить ее. Это чистая формальность. Ну, что же, залог достаточен?

— Вполне.

— Вы понимаете, мистер Холдер, что мой поступок — результат того доверия, которое я к вам пытаю. Оно основано на тех отзывах, которые я слышал о вас. Я прошу вас не только не говорить об этом никому, но также сохранять эту диадему со всеми предосторожностями, так как ее исчезновение или повреждение стало бы причиной страшного скандала. В мире нет бериллов, подобных этим, заменить даже единственный пропавший будет нечем. Тем не менее, я с полным доверием оставляю эту вещь в ваших руках и сам приду за ней в понедельник.

Видя, что моему клиенту хотелось поскорее уйти, я не возражал. Позвав моего кассира, я приказал ему выдать пятьдесят тысяч фунтов. Когда же я остался один перед драгоценным футляром, лежащим передо мной на столе, я невольно подумал об ужасной ответственности, которую я взял на себя. Не было никакого сомнения, что произошел бы страшный скандал, если бы с диадемой случилось что-нибудь — ведь это было национальное достояние. Я уже стал рассказываться, что принял залог. Но изменить уже было ничего нельзя, поэтому я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе. Когда же настал вечер, я подумал, что неосторожно будет оставлять такую драгоценность в конторе. Банкирские сейфы нередко взламывают, почему это не может случиться и с моим сейфом? В таком случае, как ужасно будет мое положение! Поэтому я решил, что в течение этих нескольких дней я буду возить с собой футляр из конторы до-

мой и обратно, чтобы он всегда был у меня под рукой. С этим намерением я позвал кэб и поехал домой в Стритем, взяв с собой футляр с диадемой. Я вздохнул свободно лишь тогда, когда принес его в мою комнату и запер в свой письменный стол.

Теперь я должен сказать несколько слов о моих домашних, мистер Холмс, так как я хочу, чтоб вы хорошоенько представили себе положение дел. Мой грум и мой лакей не noctуют у меня в доме, потому о них говорить нечего. У меня три служанки, которые живут у меня уже очень давно и стоят выше всяких подозрений. Четвертая же, Люси Парр, служит у меня всего несколько месяцев. Но и она поступила в мой дом по хорошей рекомендации, и я всегда был ею доволен. Она очень хорошенъкая девушка и у нее много обожателей, которые приходят иногда к ней. Это единственный недочет, который мы в ней находим, но, в общем, мы считаем ее хорошей прислугой.

Вот и все относительно слуг. Семья же моя так невелика, что описать ее будет недолго. Я вдовец, и у меня всего один сын — Артур. Он доставляет мне горе, мистер Холмс. Без сомнения, я сам себя должен в этом винить. Говорят, я избаловал его. Это возможно. Когда умерла моя дорогая жена, он остался единственным моим утешением в жизни. Мне было видеть, когда улыбка сбегала с его лица и потому я ему никогда ни в чем не отказывал. Может быть, для нас обоих было бы лучше, если бы я был построже, но я думал, что так лучше.

Конечно, я желал, чтобы он продолжил мое дело после меня, но у него к делам нет ни малейшего расположения. Он всегда вел рассеянную, безалаберную жизнь, был необузданным и своенравным и я, конечно, не мог ему доверять крупные суммы денег. Но он был молод. Он сделался членом аристократического клуба и, имея очаровательные манеры, сошелся с людьми, привыкшими жить очень широко. Он стал вести крупную игру в карты и тратить много денег на скачках. В конце концов, он стал просить выдавать ему деньги вперед из его содержания, чтобы он мог платить долги чести. Он несколько раз пытался отстать от этой опасной компании, к которой он присоединился, но влияние его приятеля, сэра Джорджа Бернвелла возвращало его снова на прежнюю дорожку.

И я был не удивлен, что такой человек, как сэр Джордж Бернвелл приобрел над ним влияние. Мой сын часто приводил его к нам, я сам с трудом мог устоять против его очарования. Он старше Артура и светский человек до мозга костей. Бывает решительно везде, блестящий собеседник и хорош собой. Теперь, когда я говорю о нем хладнокровно, не испытывая влияния его личности, я сознаю, что его разговоры всегда были циничными, а взгляды у него такие, что доверяться ему не следует. Точно также, мне кажется, думает о нем моя Мэри, которая своим женским чутьем поняла этого человека.

Теперь мне остается описать только ее. Это моя племянница. Когда пять лет тому назад мой брат

умер, оставив ее одну на свете, я взял ее к себе и после того смотрел на нее, как на свою дочь. Это солнечный лучик в моем доме — она кроткая ласковая красавица. Вместе с тем она отличная хозяйка и распорядительница, хотя характер у нее мягкий и нежный, какой только может быть у женщин. Она моя правая рука и я не знаю, чтобы делал без нее. В одном только она идет против моей воли. Два раза сын мой делал ей предложение, так как он обожает ее, но она ему оба раза отказалась. Я думаю, что если кто-нибудь и способен вывести его на путь истинный, то это она, и что этот брак изменил бы всю его жизнь, но увы, теперь уж это поздно, слишком поздно! Теперь, мистер Холмс, вы знаете людей, с которыми я живу, и я продолжу мой печальный рассказ.

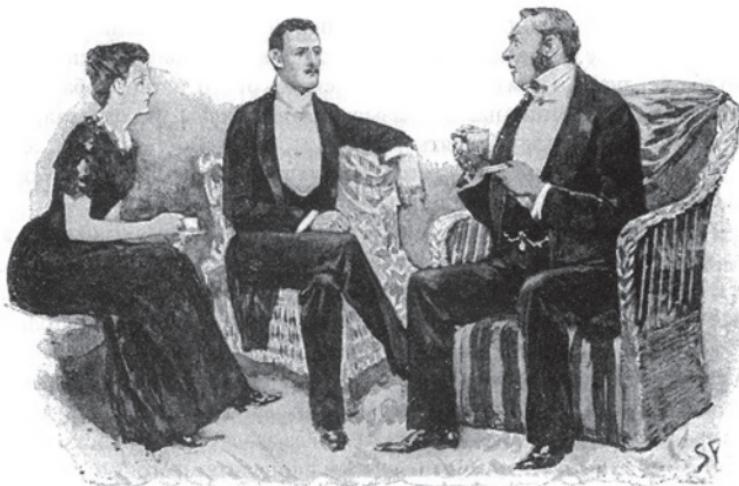
Когда мы в этот вечер пили кофе в гостиной после обеда, я рассказал Артуру и Мэри о том, что со мной случилось и о драгоценности, которая находится у нас в доме, не называя, однако, имени моего клиента. Я уверен, что Люси Парр, подававшая нам кофе, вышла из комнаты, но я не поклянусь, что дверь была затворена. Мэри и Артур очень были заинтересованы моим рассказом и просили меня показать знаменитую диадему, но мне не хотелось трогать ее.

— Куда ты ее положил? — спросил Артур.

— В мой письменный стол.

— Надеюсь, что воры не залезут к нам в эту ночь, — сказал он.

— Я его запер, — заметил я.

Когда мы пили кофе в гостиной после обеда, я рассказал Артуру и Мэри о драгоценности

— К этому столу подойдёт любой ключ, — сказал он, — в детстве я сам отпирал его ключом от буфетного шкафа. — Он часто болтал всякий вздор, так что я не обратил внимания на его слова. Тем не менее, в этот вечер он пошел за мной в мой кабинет с очень озабоченным видом.

— Послушай, папа, — сказал он, не поднимая глаз. — Не можешь ли ты дать мне двести фунтов?

— Нет, не могу, — резко ответил я. — Я и так уже передал тебе кучу денег.

— Ты был очень добр, — продолжал он, — но мне необходимы эти деньги, иначе я не смогу больше показываться в моем клубе.

— Ну, и прекрасно! — воскликнул я.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Да, но ты же не хочешь, чтобы я ушел из клуба обесчещенным, — сказал он. — Этого я не могу перенести, и если ты мне не дашь денег, я должен буду прибегнуть к другому средству, чтобы достать их.

Я был очень рассержен. Уже третий раз в этом месяце он просил у меня денег.

— Ни фартинга ты от меня не получишь! — закричал я. Он кивнул головой и вышел из комнаты.

Когда он ушел, я отпер стол и убедился в том, что диадема цела. Затем я снова запер стол. Затем я обошел дом, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Это делала обыкновенно Мэри, но в этот вечер мне казалось, что лучше мне это сделать самому. Сходя с лестницы, я увидел Мэри у бокового окна залы: она закрывала его в то время, как я подошел к ней.

— Скажи мне, дядя, — обратилась она ко мне, как будто чем-то озабоченная, — ты отпускал сегодня Люси со двора?

— Нет, не отпускал.

— Она только что вернулась с заднего хода. Я думаю, что она ходила только до ворот, чтобы повидаться с кем-нибудь, но мне кажется, что этого допускать не следует.

— Поговори с ней завтра утром или, если хочешь, я поговорю. Уверена ли ты, что все хорошо заперто?

— Совершенно уверена, дядя.

— Ну, так прощай.

Я поцеловал ее и пошел в свою комнату, где вскоре улегся и заснул.

Я рассказываю вам, мистер Холмс, все, что относится к моему делу, но, пожалуйста, спрашивайте меня что хотите, если вам покажется непонятным.

— Напротив, ваш рассказ замечательно ясен, — отвечал Холмс.

— Я дошел теперь до той части моего повествования, которая требует особенной ясности. Я никогда не сплю очень крепко, а забота о диадеме, по всей вероятности, сделала мой сон легче обычного. Около двух часов ночи меня разбудил какой-то шум в доме; но он прекратился прежде, чем я успел совершенно прийти в себя; однако у меня осталось такое впечатление, как будто где-то тихонько закрыли окно. Я лежал, напряженно прислушиваясь. Вдруг к моему неописанному ужасу, я услышал тихие шаги в соседней комнате. Дрожа от страха, я соскользнул с кровати и заглянул в дверь моего кабинета.

— Артур! — закричал я. — Мерзавец! Вор! Как ты смеешь трогать диадему?

Газ был наполовину притушен. При его свете я увидел, как мой несчастный сын в рубашке и панталонах стоял около газового рожка, держа в руках диадему. Он, как мне показалось, ломал или гнул ее изо всех сил. При моем крике он уронил ее на пол и побледнел, как смерть. Я поднял диадему и стал ее рассматривать. Один из золотых зубцов с тремя бериллами был отломан.

— Презренный! — закричал я вне себя от гнева, — ты сломал ее, ты опозорил меня навсегда. Куда девал ты камни, которые украл?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

При моем крике он уронил ее на пол и побледнел, как смерть

— Украл? Я? — закричал он.

— Да, ты, вор! — ревел я, тряся его за плечи.

— Здесь все камни. Не может быть, чтобы что-то пропало!

— Трех недостает, — сказал я, — и ты знаешь, где они. Ты украл и еще лжешь! Разве я не видел, как ты старался отломить и еще один кусок?

— Вы довольно ругали меня, — сказал он, — больше я не намерен терпеть оскорблений. Я больше не скажу об этом ни слова. Завтра же я оставлю ваш дом и сам попробую пробить себе дорогу в жизни.

— Ты оставил мой дом только в сопровождении полиции! — закричал я, почти обезумев от горя и гнева. — Я добьюсь того, что узнаю правду!

— От меня вы больше ничего не узнаете, — сказал он, с такой силой, которой я в нем не подозревал. — Вы хотите вызвать полицию? Так пусть она и доискивается до истины.

Между тем уже весь дом поднялся на ноги, так как я в гневе сильно возвысил голос. Мэри первая вбежала в мою комнату. При виде диадемы и выражения лица Артура, она догадалась обо всем, и, громко вскрикнув, без чувств упала на пол. Я послал служанку за полицией и тотчас же передал в ее руки расследование дела. Когда полицейский инспектор и констебль вошли в дом, Артур, молча стоявший до тех пор со скрещенными на груди руками, спросил меня, в самом ли деле имею я намерение обвинить его в воровстве? Я отвечал ему, что теперь это уже не частное, а общественное дело, так как испорченная диадема была национальным достоянием. Я решил во всем следовать указаниям закона.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— По крайней мере, — сказал он, — не арестовывайте меня сейчас. Для вас самих будет выгоднее, если я выйду из дома на пять минут.

— Чтобы ты мог убежать или скрыть украденное! — воскликнул я.

Затем, представив со всей ясностью ужасное положение, в которое я попал, я стал умолять его принять во внимание, что не только моя честь, но честь гораздо более важного лица была скомпрометирована, и что он подымет скандал, который вызовет целую бурю в государстве. И он может предотвратить все это, если только скажет, где находятся недостающие три камня.

— Обдумай все хорошенько, — сказал я. — Тебя поймали на месте преступления, и никакое признание не может уже увеличить твою вину. Если же ты постараешься поправить дело, сказав нам, где находятся бериллы, все будет прощено и забыто.

— Поберегите ваше прощенье для тех, кто в нем нуждается, — сказал он с усмешкой и отвернулся от меня.

Я видел, что он слишком ожесточен, чтобы слова мои могли иметь на него влияние. Для меня оставался единственный выход. Я позвал инспектора и передал сына в его руки. Немедленно обыскали не только его самого и его комнату, но и все уголки дома, куда бы он мог спрятать драгоценные камни. Но они исчезли бесследно, а несчастный не хотел и рта раскрыть, несмотря на все наши увершения и угрозы. В то же утро он был заключен в тюрьму, а я, пройдя через все поли-

цейские формальности, поспешил к вам умолять о том, чтобы распутать это дело. Полиция откровенно заявила, что она пока ничего не может сделать. Вы можете истратить на это дело сколько сочтете нужным. Я уже объявил тысячу фунтов награды тому, кто найдет камни. Господи! Что я буду делать! В одну ночь я потерял и драгоценные камни, и честь, и сына! Что же мне делать?

Он схватился опять за голову и заметался в тоске, причитая как ребенок, не находящий слов для выражения своего горя. Шерлок Холмс молча сидел несколько минут, нахмурив брови и пристально смотря в огонь.

— У вас много бывает гостей? — спросил он наконец.

— Нет, за исключением моего компаньона с семьей и приятеля Артура сэра Джорджа Бернвелла, который в последнее время бывал довольно часто, кажется, что никто не бывает.

— А вы часто бываете в обществе?

— Артур бывает; но Мэри и я сидим дома. Нас обоих это не занимает.

— Это странно для молодой девушки.

— У нее очень спокойный характер, к тому же и не так уже она молода: ей двадцать четыре года.

— Вы говорите, что это происшествие поразило ее.

— Ужасно! Кажется, она даже страдает больше меня.

— И вы оба не сомневаетесь в виновности вашего сына.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Как я могу сомневаться, когда я своими глазами видел диадему в его руках.

— Я не могу считать этого доказательством. Была ли она разломана?

— Нет, она была только погнута.

— Не думаете ли вы, что он пытался выпрямить ее?

— Боже мой! Вы делаете все возможное, чтобы оправдать его. К несчастью это невозможно. Для чего же он был в комнате, а если не имел дурных намерений, отчего он молчит?

— Совершенно верно. Но почему же, если он виновен, он не выдумает какую-нибудь ложь? Из его молчания нельзя заключить ни того, ни другого. В этом деле многое неясного. Что думают полицейские о шуме, который разбудил вас?

— Они думают, что это Артур затворил дверь своей комнаты.

— Как умно! Как будто человек, идущий на преступление, хлопнет дверью так, чтобы разбудить кого-нибудь в доме. Что же они говорят об исчезновении камней?

— Они все еще осматривают мебель в надежде найти их.

— Искали ли они вне дома?

— Да, они проявили удивительную энергию. Весь сад был перерыт.

— Теперь, уважаемый сэр, — продолжал Холмс, — разве не ясно вам, что дело это совсем не такое простое, как думаете вы и полиция: мне оно

представляется чрезвычайно сложным. Посмотрите, что выходит по-вашему. Вы полагаете, что ваш сын встал с постели, с большим риском для себя прошел в ваш кабинет, отпер письменный стол, вынул диадему, руками отломил от нее маленький кусок, куда-то ушел, спрятал три камня так искусно, что никто не может теперь их найти. Затем он вернулся за остальными камнями в комнату, где он подвергал себя величайшей опасности быть схваченным. Возможно ли, спрашиваю я вас, допустить такую теорию?

— А что тогда произошло? — с отчаянием закричал банкир. — Если намерения его были не бесчестны, то почему же он не объясняет их?

— Наше дело выяснить это, — возразил Холмс, — а теперь, мистер Холдер, отправимся к вам и посвятим часок расследованию некоторых деталей.

Мой приятель настаивал на том, чтобы я сопровождал его, что я и сделал с удовольствием, поскольку мое любопытство было крайне возбуждено всей этой историей. Признаюсь, что виновность сына банкира казалась мне столь же очевидной, как и его несчастному отцу, однако я, безусловно, верил в проницательность Холмса и чувствовал, что у него должны быть серьезные основания не удовлетворяться представленным объяснением. Пока мы ехали к южной окраине Лондона, он молчал всю дорогу и казался погруженным в глубокое раздумье. Клиент же наш как будто ожил немного от слабой надежды, которую мы ему дали, и даже начал говорить со мной о своих банковских делах. Вскоре мы

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

доехали до Фербэнка, скромного жилища богатого банкира.

Фербэнк был большим четырехугольным зданием из белого камня, стоящим немного поодаль от улицы. Дорога для экипажей подходила к двум большим чугунным воротам, ведущим в заметенный снегом двор. Справа от забора была маленькая деревянная калитка, за ней — узкая тропинка, ведущая от дороги к двери кухни. По-видимому, по ней ходили на кухню поставщики и торговцы. Аллея слева вела к конюшням. Она располагалась не за забором и была общественной, хотя по ней ходили и ездили мало. Холмс оставил нас у дверей и медленно обошел вокруг дома. Он прошел по боковой тропинке через сад к конюшне, и вышел на аллею. Он ходил так долго, что мистер Холдер и я пошли в столовую и стали ждать его у камина. Мы молча сидели некоторое время, когда дверь отворилась и в комнату вошла молодая девушка. Она была несколько выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами, казавшимися еще темнее от поразительной бледности ее лица. Мне кажется, я еще никогда в жизни не видел такого бледного женского лица. Губы были совершенно белыми, веки опухли от слез. Когда она бесшумно вошла в комнату, она поразила меня выражением горя, котороеказалось даже сильнее горя банкира в это утро, хотя она, очевидно, была женщиной с большим самообладанием. Не обратив внимания на мое присутствие, она прямо подошла к дяде и рукой провела по его волосам с чисто женской лаской.

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

— Дядя, вы приказали освободить Артура, не правда ли? — спросила она.

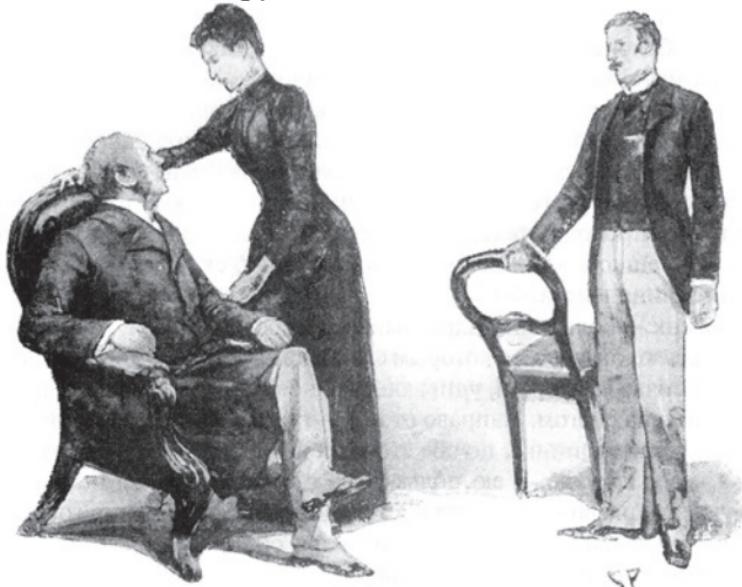
— Нет, нет, милочка, это дело нужно сначала расследовать.

— Но я убеждена, что он невиновен. Мне подсказывает это женское чутье. Я знаю, что он не сделал ничего дурного, и вы сами потом пожалеете, что так жестоко поступили с ним.

— Почему же он молчит, если он невинен?

— Кто знает? Может быть, его обижают ваши подозрения.

— Как же мне не подозревать его, если я застал его с диадемой в руках?

Дядя, вы приказали освободить Артура, не правда ли?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Но я уверена, что он только поднял ее с полу и рассматривал. Поверьте, о, поверьте мне, что он невинен. Так ужасно думать, что наш дорогой Артур в тюрьме! Покончите с этой историей, дядя!

— Никогда, пока камни не найдутся — ни за что, Мэри! Твоя привязанность к Артуру заставляет тебя забывать, в каком ужасном положении нахожусь я. Я не только не оставил этого дела, я привел с собой из города господина, который займется его расследованием.

— Этот джентльмен? — спросила она, оборачиваясь ко мне.

— Нет, это его приятель. Он просил оставить его одного, а сам пошел кругом дома к конюшням.

— К конюшням? — спросила она, — что же он надеется найти там? А! Вот, вероятно, и он. Надеюсь, сэр, что вам удастся доказать, в чем я глубоко убеждена — невинность Артура.

— Я разделяю вашу уверенность, — отвечал Холмс, вытирая ноги о коврик у дверей, — и надеюсь доказать это. Я полагаю, что имею честь говорить с мисс Мэри Холдер? Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Пожалуйста, сэр, я буду очень счастлива, если могу способствовать разъяснению этого дела.

— Вы сами ничего не слышали прошлой ночью?

— Ничего, пока мой дядя громко не заговорил в своей комнате. Тогда я сошла вниз.

— Вы запирали двери и окна с вечера. Все ли окна вы заперли?

— Да.

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

— Были ли они заперты сегодня утром?

— Да.

— У вашей горничной есть возлюбленный? Мне кажется, вы замечали вчера вашему дяде, что она выходила на свидание с ним.

— Да, и она же прислуживала в гостиной и могла слышать то, что дядя рассказывал о диадеме.

— Понимаю. Вы хотите сказать, что она могла выходить для того, чтобы рассказать все своему возлюбленному, и что они оба совершили кражу.

— Да что толку во всех этих предположениях, — с нетерпением крикнул банкир, — когда я вам говорю, что видел своими глазами Артура с диадемой в руках?

— Подождите, мистер Холдер. Мы еще вернемся к этому. Итак, относительно этой девушки, мисс Холдер: вы видели, как она вернулась через кухню?

— Да, когда я пошла посмотреть, заперта ли дверь на ночь, я в полутигле увидела его.

— Вы его знаете?

— О, да! Это зеленщик, который разносит овощи по всему кварталу. Его зовут Френсис Проспер.

— Он стоял, — продолжал Холмс, — слева от двери, то есть немного поодаль на дороге?

— Да.

— И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в прекрасных черных глазах молодой девушки.

— Вы точно колдун, — сказала она. — Как вы это узнали?

— Вы точно колдун, — сказала она

Она улыбалась, но на внимательном лице Холмса ответной улыбки не появилось.

— Я хотел бы подняться наверх, — сказал он. — Мне, по всей вероятности, понадобится опять выйти

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

из дома. Но, может быть, лучше будет осмотреть сначала окна внизу.

Он медленно прошел от одного окна к другому, но остановился только у самого большого, выходящего на аллею, ведущую к конюшням. Он отворил его и стал тщательно осматривать с помощью своего сильного увеличительного стекла.

— Теперь пойдемте наверх, — сказал он наконец.

Кабинетом банкира была небольшая, просто меблированная комната с серым ковром, большим письменным столом и длинным зеркалом. Холмс прежде всего подошел к столу и тщательно осмотрел замок.

— Каким ключом его отперли? — спросил он.

— Тем, на который указал мой сын, ключом от буфета.

— Где он?

— Вот он на умывальнике.

Шерлок Холмс взял его и отпер стол.

— Ключ поворачивается без шума, — сказал он, — неудивительно, что он не разбудил вас. В этом ящике, вероятно, находится диадема. Надо ее осмотреть.

Он открыл ящик и, вынув из него диадему, положил ее на стол. Это был прекрасный образчик ювелирного искусства. Оставшиеся тридцать шесть камней были самыми чудными, какие я когда-либо видел. На одной стороне диадемы был отломан зубец с тремя камнями.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Видите, мистер Холдер, — сказал Холмс, — вот зубец, соответствующий тому, который был отломан. Могу я вас попросить отломить его?

Банкир с ужасом отступил.

— Даже и во сне я не попробовал бы это сделать, — сказал он.

— Ну, так это сделаю я. — Холмс изо всех сил стал пытаться отломить зубец, но безуспешно. — Я чувствую, что они немного подаются, — сказал он, — но хотя у меня очень сильные пальцы, я бы долго мог провозиться с этим. Человек обыкновенный этого не сделает. Теперь, как вы думаете, мистер Холдер, что бы произошло, если бы я сломал его? Раздался бы звук, подобный пистолетному выстрелу. Можно ли допустить, чтобы такое случилось всего в нескольких шагах от вашей постели, и вы бы ничего не услышали?

— Я не знаю, что и думать. Все очень неясно.

— Ну, может быть, скоро нам удастся пролить свет на это дело. А вы что думаете, мисс Холдер?

— Признаюсь, что я в таком же недоумении, как и мой дядя.

— На вашем сыне не было башмаков или туфель, когда вы увидели его?

— На нем не было ничего, кроме рубашки и панталон.

— Прекрасно. В этом случае обстоятельства как нельзя лучше благоприятствуют нашему расследованию, и если мы ничего не добьемся, то это будет уже наша вина. С вашего позволения, мистер Холдер, теперь я продолжу мой осмотр вне дома.

Холмс по собственному желанию отправился один, говоря, что лишние следы только затруднят его задачу. Более часу он был на дворе, затем вернулся с комками снега на ногах и с непроницаемым лицом.

— Мне кажется, я видел теперь все, что мне надо было видеть, мистер Холдер, — сказал он, — и я могу быть вам более полезен у себя дома.

— Но камни, мистер Холмс? Где же они?

— Этого я не могу сказать.

Банкир заломил руки.

— Я никогда, никогда не увижу их больше! — воскликнул он. — А мой сын? Вы продолжаете обнадеживать меня?

— Мое, мнение нисколько не изменилось.

— Господи! Что же это за темные силы действовали в моем доме прошлой ночью?

— Если вы придете ко мне завтра утром, между девятью и десятью часами утра, я сделаю все, что могу, чтобы разъяснить это дело. Но необходимо, чтобы вы дали мне карт-бланш действовать от вашего имени и что, в случае если я найду камни, вы не ограничиваете суммы, которая мне может понадобиться.

— Я готов отдать за них все мое состояние.

— Прекрасно. Итак, прощайте; очень возможно, что мне придется вернуться сюда еще сегодня.

Я ясно видел, что мой приятель составил себе совершенно определенное мнение о деле, но каково оно было, этого я не мог себе даже и представить. Несколько раз по пути домой я заговаривал с ним об

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

этом деле; но он отвечал уклончиво и переводил разговор на другой предмет. Не было еще и трех часов, когда мы вернулись домой. Холмс пошел в свою комнату и через несколько минут явился переодетым нищим бродягой. С поднятым кверху воротником, в засаленном сюртуке с небрежно повязанным красным шарфом и в разношенных сапогах, он был неузнаваем.

— Кажется, что так будет хорошо, — сказал он, смотрясь в зеркало над камином.

— Я охотно взял бы вас с собой, Ватсон, но боюсь, что это невозможно. Надеюсь скоро вернуться.

Он взял со столика около буфета говя-

Холмс явился переодетым нищим бродягой

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

дину, отрезал себе ломтик, положил его между двумя кусками хлеба и, сунув в карман этот скучный обед, отправился в свою экспедицию. Я только что кончил пить чай, когда он вернулся, очевидно, весьма довольный. В руке он держал за шнурок какой-то старый ботинок.

— Я заглянул ненадолго, — сказал он, — и сейчас отправляюсь опять.

— Куда?

— На другую сторону Вест-Энда и вернусь, скорее всего, не скоро. Не ждите меня и ложитесь спать, если я запоздаю.

— Ну, как же идут ваши дела?

— Не могу жаловаться. Я был еще раз в Страттеме, но в дом не входил. Это очень интересное дельце, и я рад, что познакомился с ним. Однако, что же я сижу и болтаю. Я должен снять с себя это тряпье и возвратить себе мой прежний облик.

По его поведению я видел, что Холмс очень доволен. Глаза его блестели, а на бледных щеках горел необычный румянец. Он взбежал наверх, через несколько минут входная дверь хлопнула, это означало, что он снова ушел. Я подождал до полуночи, но Холмс не возвращался, и я и ушел в свою комнату. Он нередко целыми днями и ночами не приходил домой, когда был занят каким-нибудь интересным следствием, поэтому его отсутствие меня не удивляло и не беспокоило. Не знаю, в котором часу он вернулся, но когда я на другое утро сошел к завтраку, он уже сидел с чашкой кофе в од-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ной руке и газетой в другой, свежий и бодрый, как никогда.

— Извините меня, Ватсон, что я начал завтракать без вас, — сказал он, — но вы помните, что скоро должен прийти наш клиент.

— Теперь десятый час, — отвечал я, — и вот, кажется, как раз он и звонит.

Это был действительно наш друг банкир. Меня поразила перемена, произошедшая со вчерашнего дня в его лице. Обыкновенно полное и широкое, оно вытянулось и осунулось, волосы из седых стали совсем белыми. Он вошел медленно и устало, что производило еще более удручающее впечатление, чем его вчерашнее возбужденное состояние. Он тяжело опустился в кресло, которое я ему предложил.

— Не знаю, что я сделал, чтобы заслужить такое ужасное наказание, — сказал он. — Два дня тому назад я был счастливым человеком, и жил без всяких забот. Теперь передо мной одинокая и опозоренная старость. Одно горе всегда следует по пятам за другим. Моя племянница Мэри ушла от меня.

— Ушла?

— Да. Постель ее была сегодня утром не смята, комната пуста, а на столе в зале лежало письмо ко мне. Я сказал ей вчера вечером, но, право, в горе, а не в гневе, что если бы она вышла замуж за моего сына, то ничего бы этого не случилось. Может быть, мне не следовало это говорить, на это мое замечание она и намекает в своем письме:

«Милый дядя! — пишет она, — я чувствую, что внесла горе в ваш дом и что, если бы я поступила иначе, то на вас не обрушилось бы это страшное несчастье. С этой мыслью я уже не могу никогда быть счастливой в вашем доме и поэтому я должна оставить вас навсегда. Не беспокойтесь о моей будущности: она обеспечена, а главное, не ищите меня, это будет бесполезной тратой времени и сил, и только повредит мне. В жизни и смерти всегда любящая вас Мэри».

— Что она хочет сказать этой запиской, как вы думаете, мистер Холмс? Не намекает ли она на самоубийство?

— Нет, нисколько. Это может быть самым лучшим разрешением всех проблем. Мне кажется, мистер Холдер, что вы приближаетесь к концу ваших несчастий.

— Что вы говорите? Вы узнали что-нибудь, мистер Холмс? Где находятся камни?

— Вам не покажется чрезмерным заплатить по тысяче фунтов за каждый?

— Я дал бы десять.

— Этого слишком много. Трех тысяч довольно, и что-нибудь за труды. Ваша чековая книжка при вас? Вот вам перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир написал требуемый чек.

Холмс подошел к своей contadorке, вынул из нее небольшой кусок золота треугольной формы с тремя камнями и бросил его на стол.

С криком радости банкир схватил его.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Вот они! Вот они! — кричал он, не помня себя от радости. — Я спасен, спасен! — Его радость была столь же сильной, как и его горе; он прижал к груди найденную драгоценность.

— За вами есть еще один долг, мистер Холдер, — несколько мрачно сказал Холмс.

— Долг? — банкир опять схватился за перо. — Скажите сколько, и я заплачу.

— Нет, — отвечал Холмс, — вы должны не мне. Но перед этим благородным славным юношей, вашим сыном, вы обязаны смиренno извиниться. Он вел себя так, что я бы гордился, если бы мой сын поступил подобным образом.

— Так это не Артур?

— Я уже вам вчера говорил, что не он, повторяю это сегодня.

— Вы уверены в этом? Так поспешиш к нему, чтобы сказать, что истина открылась.

— Он уже все знает. Когда я все выяснил, то отправился к нему. Понимая, что он сам мне ничего не скажет, я рассказал ему все, и тогда он должен был сознаться, что я прав, прибавив некоторые подробности, которые были мне не совсем ясны. Однако ваша последняя новость развязет ему язык.

— Ради бога, скажите же мне скорее, что это за ужасная тайна?

— Хорошо. Я расскажу вам, как добрался до истины. Но прежде позвольте мне сказать вам то, что вам будет очень тяжело услышать. Сэр Джордж Берн-

велл и ваша племянница Мери были в тайном сговоре между собой. Теперь они вместе бежали.

— Мэри! Моя Мэри! Это невозможно!

— К несчастию, это более чем возможно; это несомненно. Ни вы, ни сын ваш не знали понастоящему этого человека, когда приняли его в свой семейный круг. Он один из опаснейших людей в Англии — разорившийся игрок и самый отчаянный мерзавец, без совести и сердца. Ваша племянница с такими людьми никогда не встречалась. Когда он объяснился ей в любви, так же, как клялся сотням других женщин, она лъстила себя мыслью, что она одна покорила его сердце. Вскоре она сделалась игрушкой в его руках и виделась с ним почти каждый вечер.

— Я не могу, я не хочу верить этому! — закричал банкир, смертельно побледнев.

— Я расскажу вам, что случилось в вашем доме в ту ночь. Ваша племянница, подумав, что вы уже ушли к себе, тихонько спустилась вниз и поговорила с своим возлюбленным через окно, выходящее на дорогу к конюшням. Его ноги оставили глубокие следы на снегу, он стоял там довольно долго. Она все рассказала ему про диадему. Жажда денег разгорелась в нем при этом рассказе, и он уговорил ее поступить по его желанию. Я не сомневаюсь в том, что она любила вас, но есть женщины, в которых любовь к мужчине убивает все другие привязанности, и мне кажется, что она именно из таких. Она выслушивала его наставления, когда увидела, что вы спускаетесь вниз. Она быстро

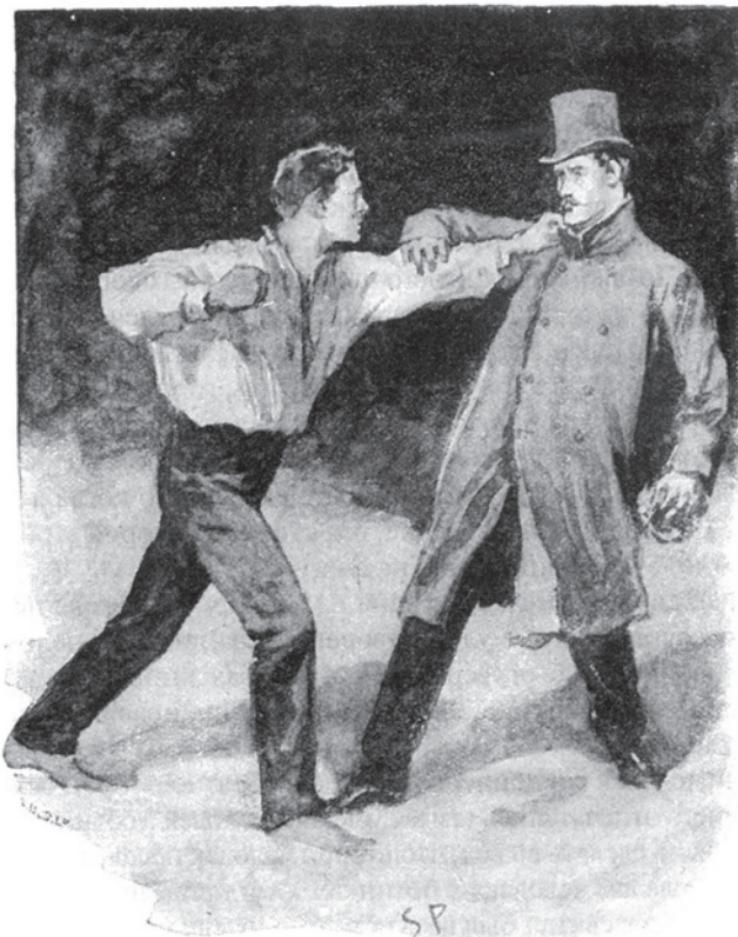
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

закрыла окно и сказала вам о свиданиях служанки с ее возлюбленным с деревянной ногой.

Ваш сын Артур лег в постель после разговора с вами, но он спал плохо, так как думал о своих долгах. Посреди ночи он услышал тихие шаги за дверью. Он встал и, заглянув в дверь, с изумлением увидел свою кузину, идущую по коридору и исчезнувшую затем в вашем кабинете. Вскоре она снова вышла оттуда, и при свете коридорной лампы он увидел, что она несет драгоценную диадему. Она спустилась с лестницы, а он, дрожа от ужаса, спрятался за занавеску около вашей комнаты, откуда мог видеть, что происходит внизу, в зале. Он увидел, как она тихо отперла окно и подала диадему кому-то, стоящему в темноте. Затем, затворив окно, она поспешно вернулась в свою комнату, пройдя мимо Артура, стоявшего за занавеской.

В это время Артур не мог ничего сделать, не скомпрометировав самым ужасным образом женщину, которую он любил. Но как только она исчезла, он сообразил, какое страшное несчастье грозит вам, и как необходимо отвратить его. Он бросился вниз, как был, босиком, открыл окно и, выпрыгнув прямо в снег, побежал по аллее к конюшням, где заметил в лунном свете темную фигуру. Сэр Джордж Бернвэлл пытался бежать, но ваш сын настиг его, и между ними завязалась борьба. Артур тянул диадему в свою сторону, а его противник в другую. Во время борьбы ваш сын ударил сэра Джорджа и рассек ему лоб выше глаза. Затем, что то вдруг щелкнуло и ваш сын, почув-

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

58

*Во время борьбы ваш сын ударил сэра Джорджа и рассек ему
лоб выше глаза*

ствовав, что диадема у него в руках, пустился бежать. Он вскочил в окно, запер его и поднялся в вашу ком-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

нату. Он как раз рассматривал диадему, которая была погнута во время борьбы, и старался разогнуть ее, когда явились вы.

— Возможно ли! — закричал банкир.

— Вы вывели его из себя, назвав его вором в такую минуту, когда он заслуживал вашей живейшей благодарности. Он не мог объяснить всего положения дел, не выдав ту, которая, конечно, не заслуживала от него такого снисхождения. Однако он из рыцарского чувства не выдал ее тайну.

— Так вот почему она вскрикнула и упала в обморок, увидев диадему! — воскликнул мистер Холдер. — О, Боже! Каким же слепым безумцем я был. А когда он просил позволить ему выйти на пять минут! Милый мальчик хотел посмотреть, не остался ли недостающий кусок на месте борьбы. Как я ошибался в нем!

— Когда я приехал к вам, — продолжал Холмс, — я тотчас же обошел дом, внимательно осмотрев следы на снегу, которые могли бы помочь мне. Я знал, что с того вечера снег не шел. Я прошел по дорожке, ведущей к кухне, но нашел ее всю затоптанной. Однако в стороне от нее, поодаль кухонной двери, стояла женщина и разговаривала с мужчиной, следы которого показали, что у него деревянная нога. Вероятно, им кто-то помешал, так как женщина быстро побежала к двери. Это было видно из того, что носки ее ног глубоко вдавились в снег, а пятки почти не оставили следов. Я тогда же подумал, что это была горничная со своим возлюбленным, и впоследствии оказалось,

что я не ошибся. Я обошел сад, не найдя в нем ничего особенного; было только много одинаковых следов, по-видимому, от полицейских. Но когда я вышел на аллею, ведущую к конюшням, то увидел на снегу целую сложную историю.

Я заметил длинный ряд следов человека в сапогах и другой ряд, в котором я, к своей радости, узнал следы босых ног. Из того, что вы сказали мне раньше, я тотчас же убедился, что они принадлежали вашему сыну. Первый человек ходил взад и вперед, второй же быстро бежал, и его следы в некоторых местах легли поверх отпечатков сапогов, что очевидно показывало, что он прошел здесь позже. Я проследил эти следы и нашел, что они ведут к окну залы, где человек в сапогах основательно притоптал весь снег, пока стоял и ждал. Затем я прошел к другому концу аллеи, шагов на сто от окна, и увидел, что следы сапог здесь развернулись, а снег был затоптан так, как будто произошла борьба. Несколько капель крови на снегу доказали мне, что я не ошибся. Сапоги затем побежали дальше по аллее, и маленькое пятно крови показало, что ранен был их хозяин. Я дошел по следам до конца дороги, далее мостовая была подметена и, следовательно, искать было нечего.

Вы помните, что войдя в дом, я внимательно с помощью лупы осмотрел раму и подоконник и тотчас же убедился, что кто-то влезал на него. Я смог заметить след ноги на мокром подоконнике, куда встал человек, влезавший в комнату. Тогда я смог составить представление о том, что случилось. Кто-то ждал на

улице у окна, и кто-то принес ему из дома вещь. Это все видел ваш сын, он пустился преследовать вора, боролся с ним, каждый тянул диадему в свою сторону, и общими усилиями они сломали ее так, как никогда бы не смог сделать один человек. Ваш сын вернулся в дом с драгоценной вещью, но кусок ее остался в руках вора. До сих пор все было мне ясно. Теперь спрашивалось: кто был человек, и кто принес ему диадему? У меня есть старинное правило: после того, как вы выделили все абсолютно невозможное, то, что остается, — как бы оно ни было невероятно, — должно быть правдой. Я знал, что не вы снесли вниз диадему и, следовательно, это могли сделать только ваша племянница или горничная. Но если бы это сделала горничная, зачем было бы вашему сыну дозволять обвинять себя вместо нее? Этому не могло быть никакой причины. Но так как он любил свою кузину, то его молчание, как нельзя лучше, объяснялось его желанием сохранить бесчестившую ее тайну. Когда я вспомнил, что вы видели ее у окна, и она упала в обморок при виде диадемы, мое предположение обратилось в уверенность.

Но кто же был ее сообщником? Очевидно, любовник, — кто же другой мог перевесить в ее сердце любовь и благодарность, которые она должна была чувствовать к вам? Я знал, что вы мало бываете в обществе и что круг ваших знакомых весьма ограничен. Между ними был Джордж Бернвелл. Я уже и раньше слышал о нем, как о человеке с дурной репутацией по отношению к женщинам. По всей вероятности, он и

был тем человеком в сапогах, и у него же находилась недостающая часть диадемы. Хотя он и знал, что Артур обнаружил его, он все-таки мог надеяться на безопасность, так как бедный юноша не мог сказать ни слова, не компрометировав свою семью. Вы сами догадываетесь, конечно, что я сделал. Под видом бродяги я отправился в дом сэра Джорджа, постарался завязать знакомство с его лакеем, и узнал, что его хозяин поранил себе голову прошлой ночью и, наконец, за шесть шиллингов купил пару его старых сапог. С ними я снова отправился в Стритем и убедился, что они как раз подходили к следам.

— Я видел вчера вечером какого-то дурно одетого человека в аллее, — сказал мистер Холдер.

— Это был я. Когда я убедился, что нашел вора, я поспешил домой, чтобы переодеться. Теперь мне предстояла довольно трудная задача. От преследования по закону надо было отказаться во избежание скандала, к тому же такой хитрый негодяй, как он, несомненно воспользовался бы тем, что у нас в этом отношении связаны руки. Я пошел к нему. Сначала, конечно, он от всего отрекался. Но когда я рассказал ему в подробностях все, что случилось, он попробовал запугать меня и снял со стены кастет. Но я знал, с кем имею дело, а потому приставил пистолет к его голове, прежде чем он успел поднять на меня руку. Тогда он сделался рассудительнее. Я сказал ему, что мы выкупим камни, находящиеся у него в руках, по тысяче фунтов за каждый камень. Это заявление вызвало в нем сожаление. «Черт возьми, — сказал он, —

Я знал, с кем имею дело, а потому приставил пистолет к его голове

а я-то их все три отдал всего за шестьсот!». Я узнал от него адрес того, кому он их продал, и обещал, что преследовать его не станут. Я отправился по данному адресу и после долгих переговоров выкупил камни по тысяче фунтов каждый. Потом я побывал у ваше-

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

го сына, сказал ему, что все улажено и, наконец, около двух часов ночи вернулся домой, измученный усталостью, и лег в постель, после долгого трудового дня.

— Дня, который спас Англию от колоссального публичного скандала, — сказал, вставая, банкир. — Сэр, я не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас, и вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превзошло все, что мне рассказывали о нем. А теперь я должен поспешить к моему милому мальчику, чтобы выпросить у него прощение за обиду, которую я ему нанес. Но то, что вы мне сказали о бедной Мэри, поразило меня в самое сердце. И даже вы, со всей вашей проницательностью, не можете сказать, где она?

— Я думаю, что мы с уверенностью можем сказать, — отвечал Шерлок Холмс, — что она там, где Джордж Бернвелл. Несомненно и то, что как бы не расценивать ее проступок, она скоро понесет за него тяжелое наказание.

МЕДНЫЕ БУКИ

— **Д**ля человека, любящего искусство ради искусства, — заметил Шерлок Холмс, откладывая в сторону лист объявлений газеты «Дели Телеграф», — очень часто самое большое удовольствие доставляют именно маловажные случаи. Мне приятно заметить, что вы, Ватсон, поняли эту истину и в своих отчетах о наших делах (должен сказать, иногда несколько приукрашенных) отдаете преимущество не громким делам и не сенсационным процессам, в которых мне доводилось принимать участие, но случаям, быть может, самим по себе ничтожным, которые, тем не менее, давали мне возможность воспользоваться моими способностями делать выводы на основе логического синтеза.

— А все же, — с улыбкой ответил я, — я не могу считать себя вполне свободным от обвинений в стремлении к сенсационности.

— Вы, может быть, ошибались, — заметил Холмс, вынимая щипцами горящую головню и зажигая ею длинную трубку из вишневого дерева, которой он заменил обычную глиняную, когда бывал более склонен спорить, чем углубляться в размышления. — Вы, может быть, и ошибаетесь, когда хотите придать краски и жизнь вашим рассказам вместо того, чтобы передавать только строгий последовательный ход моих за-

МЕДНЫЕ БУКИ

ключений от причины к следствию. А это самое главное.

— Мне кажется, я всегда отдавал вам должное в этом отношении, — заметил я несколько холодно, поскольку меня не раз уже раздражал эгоизм, игравший важную роль в странном характере моего друга.

— Нет, это не эгоизм и не самомнение, — ответил он, как это часто с ним случалось, скорее на мою мысль, чем на конкретные мои слова. — Если я требую отдать должное моему искусству, то только по-

SP

— Вы, может быть, ошибались, — заметил Холмс, вынимая щипцами горячую головню и зажигая ею трубку из вишневого дерева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

тому, что не считаю его моим личным достижением: оно существует вне меня. Преступление — явление обыкновенное. Логика — редкое. Поэтому-то вам следует обращать больше внимания на логику, чем на преступления. А вы свели лекции по криминалистике до уровня простых занимательных рассказов.

Было холодное весеннее утро. Мы сидели в квартире на Бейкер-стрит после завтрака у огня, который весело трещал в камине. Густой туман навис над темными крышами и в желтых тяжелых клубах его окна противоположных домов казались черными, бесформенными пятнами... Газовый рожок бросал свет на белую скатерть стола, на серебро и посуду, стоявшую на нем. Шерлок Холмс все утро молча просматривал столбцы газетных объявлений. Не найдя в них ничего интересного, он пришел в дурное расположение духа и принялся отчитывать меня за мои литературные промахи.

— А между тем, — проговорил он после долгого молчания, во время которого он курил свою длинную трубку и смотрел в огонь, — вас, в сущности, нельзя обвинить в стремлении к сенсационным темам, так как в большинстве случаев дела, которыми вы интересовались, не заключают в себе состава преступления. Дело короля Богемии, странный случай с мисс Мэри Сазерленд, тайна человека с рассеченной губой и происшествие с аристократом-холостяком, — все эти случаи не имели противозаконного характера. Зато, быть может, избегая всего сенсационного, вы обращали свое внимание на слишком три薇альные случаи.

МЕДНЫЕ БУКИ

— Может быть, это и правда,— ответил я,— но зато мои заметки интересны и носят печать новизны.

— О, мой дорогой, какое дело публике, широкой публике, не умеющей отличить ткача по зубам, а наборщика по большему пальцу на левой руке, какое ей дело до тонкостей анализа и дедукции. Впрочем, я не виню вас, что вы интересуетесь тривиальными делами: время интересных процессов прошло. Люди — или, по крайней мере, преступники — потеряли всякую оригинальность и всякую энергию. Что касается меня лично, то моя профессия вырождается в искусство отыскивания потерянных карандашей и умения давать советы молодым леди из пансионов для благородных девиц. Кажется, в этом отношении, я дошел до последнего предела. Прочтите-ка письмо, которое я получил сегодня утром!

Он бросил мне смятое письмо. Оно было помечено предыдущим днем и отправлено с площади Мон-тэгю.

«Дорогой мистер Холмс! Мне необходимо посоветоваться с вами, принимать ли мне предлагаемое место гувернантки, или нет. Если позволите, я приду завтра в половине одиннадцатого. С почтением Вайолет Хантер».

— Вы знаете эту барышню? — спросил я.

— Нет.

— Теперь как раз половина одиннадцатого.

— Да. А вот и звонят. Наверно, это она.

— Может быть, дело будет интереснее, чем вы предполагаете. Помните, история с голубым карбун-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

кулом казалась сущим пустяком, а потом дело-то вышло серьезное. А что если и теперь будет так?

— Будем надеяться! Наши сомнения скоро рассеются. Если не ошибаюсь, это она.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая девушка. Она была просто, но опрятно одета. Умное, подвижное лицо ее, все усеянное веснушками, и уверенные манеры указывали на женщину, которой приходилось самой пробивать себе путь в жизни.

— Извините, что побеспокоила вас, — сказала она Холмсу. — Со мной произошел странный случай и так как у меня нет ни родных, ни друзей, то я решилась обратиться к вам, надеясь, что вы будете добры и посоветуете мне, как поступить.

— Пожалуйста, садитесь, мисс Хантер. Рад вам служить.

Я заметил, что новая клиентка произвела на Холмса благоприятное впечатление. Он оглядел ее своим испытующим взглядом, потом опустил глаза, сложил пальцы и подготовился слушать ее рассказ.

— Пять лет я пробыла гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, — начала свой рассказ мисс Хантер. — Два месяца тому назад полковник получил назначение в Галифакс, в Новую Шотландию, и увез детей в Америку. Я осталась без места. Я стала помещать объявления в газетах, ходила по объявлениям — все безуспешно. Наконец, небольшой запас накопленных мною денег стал приходить к концу, и я положительно не знала, что делать. В Вест-Энде есть известная контора для поиска мест гувернант-

МЕДНЫЕ БУКИ

кам. Я заходила туда каждую неделю осведомляться, не найдется ли подходящего места. Основателем этого бюро был мистер Вэстуэй, но в действительности все дела ведет некая мисс Стоунер. Она сидит у себя в конторе над своим гроссбухом, а желающих получить место впускают поочередно.

На прошлой неделе, когда я, по обыкновению, вошла в комнату мисс Стоунер, она была не одна. Рядом с ней сидел очень толстый человек с улыбающимся лицом, толстым подбородком, спускавшимся на шею, и с очками на носу. При виде меня он привскочил на стуле и поспешно обернулся к мисс Стоунер.

Рядом с ней сидел очень толстый человек с улыбающимся лицом, толстым подбородком и очками на носу

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Вот это именно то, что нужно, — сказал он. — Лучше и быть не может. Чудесно! Чудесно!

Он, казалось, был в полном восторге и весело потирал руки. На меня он произвел хорошее впечатление.

— Вы ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А ваши условия?

— На моем последнем месте у полковника Спенса Манроу я получала четыре фунта в месяц.

— О! Безобразие, чистое безобразие! — вскрикнул он, всплескивая руками, как бы в порыве горячего гнева. — Как можно было предложить такую жалкую сумму такой милой барышне, обладающей такими талантами.

— Может быть вы ошибаетесь насчет моей талантливости, сэр, — сказала я. — Я знаю немножко французский и немецкий языки, музыку, рисование...

— Отлично! — снова крикнул он. — Все это не имеет никакого отношения к делу. Главное, чтобы вы умели держаться, как истинная леди. Если нет, вы нам не подходите, ведь речь идет о воспитании ребенка, которому со временем придется играть большую роль в истории страны. Сумеете — как может джентльмен вам предложить жалование, выраженное менее чем трехзначной суммой? Для начала я предлагаю вам, сударыня, сто фунтов в год.

МЕДНЫЕ БУКИ

Вы можете себе представить, мистер Холмс, как заманчиво прозвучало для меня предложение подобного рода, когда у меня не было уже ни гроша в кармане. Джентльмен, должно быть, заметил мой недоверчивый взгляд, вынул бумажник и открыл его.

— У меня в обычае, — проговорил он, улыбаясь так, что глаза его казались двумя блестящими черточками среди его пухлого лица, — давать вперед молодым барышням половину их жалованья, так чтоб они могли оплатить мелкие расходы и приодеться.

Никогда в жизни, казалось мне, я не встречала такого очаровательного и внимательного человека. Деньги мне были очень нужны, так как я задолжала лавочникам. Но, несмотря на это, предложение показалось мне несколько странным, и я решилась узнатъ что-нибудь прежде, чем согласиться на его предложение.

— Позвольте узнать, где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Хэмпшире. Очаровательное mestечко. Усадьба называется «Медные буки»; она находится в пяти милях от Винчестера. Красивая местность, моя дорогая юная леди, и прелестный старинный дом.

— Я желала бы узнатъ, сэр, в чём будут состоять мои обязанности?

— Один ребенок... славный, живой, шестилетний ребенок. О, если бы вы видели, как он убивает тараканов туфлей! Хлоп! хлоп! хлоп! Не успеешь оглянуться, как трех уже как не бывало!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Он откинулся на спинку кресла, и его смеющиеся глаза опять утонули среди морщин. Меня несколько удивил такой характер детских забав, но видя, что отец смеется, я подумала, что он просто шутит.

— Значит, мне придется заниматься только с одним ребенком? — спросила я.

— Нет, нет, моя дорогая юная леди, — сказал он, — вам придется исполнять также поручения моей жены, разумеется, если они будут для вас приемлемы. Надеюсь, вы ничего не имеете против этого?

— Буду рада, если смогу быть полезной.

— Отлично. Вот, к примеру, вопрос относительно одежды. Мы, знаете ли, люди со странностями, но с добрым сердцем. Так вот, если мы попросим вас носить то платье, которое дадим вам, вы ничего не будете иметь против этой маленькой причуды? Ведь нет?

— Ничего, — ответила я, хотя была удивлена его словами.

— Вы не станете обижаться, если мы попросим вас посидеть тут или там?

— О, нет!

— А если мы попросим вас остричь волосы?

Я еле поверила своим ушам. Как видите, м-р Холмс, волосы у меня густые и довольно редкого каштанового цвета. Мне было бы жаль пожертвовать ими.

— К сожалению, это невозможно, — ответила я. Он пристально взглянул на меня, и я заметила, как тень пробежала по его лицу.

— А я считаю это необходимым, — сказал он. — Это маленькая причуда моей жены, а как вы знаете, моя дорогая юная леди, с женскими причудами приходится считаться. Итак, вы не соглашаетесь остричься?

— Нет, сэр, — твердо ответила я.

— А, отлично... значит, дело не выгорит. А жаль, потому что в других отношениях вы совершенно подходили к нашим условиям. В таком случае, мне нужно увидеть других барышень, мисс Стоунер.

Хозяйка сидела все время молча и перебирала бумаги. При последних словах незнакомца она взглянула на меня таким недовольным взглядом, что я невольно заподозрила, что мой отказ заставляет ее терять хорошие деньги.

— Вы желаете оставаться в списке? — спросила она.

— Да, мисс Стоунер.

— Но, право, это кажется бесполезным, раз вы отказываетесь от таких превосходных предложений, — резко проговорила она. — Вряд ли вы дождитесь другого подобного случая. Прощайте, мисс Хантер.

Когда я вернулась домой, мистер Холмс, то увидала, что в буфете у меня ничего нет, а на столе лежат неоплаченные счета, то невольно спросила себя, не совершила ли я глупость. Ну, пусть у этих господ есть какие-то странные причуды, пусть они требуют, чтобы исполняли их капризы, зато они готовы хорошо платить за это. В Англии гувернантки редко получают сто фунтов в год. Да и к чему мне длинные

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

волосы? Многим очень идут короткие. Может быть, пойдут и мне. Через два дня я была уже вполне уверена, что я совершила большую глупость и подумывала уже перешагнуть через свою гордость и пойти в контору чтобы узнать, не свободно ли еще это место, как вдруг я получаю письмо. Оно со мной, и я прошу его вам.

«Медные буки», вблизи Винчестера.

Дорогая мисс Хантер.

Мисс Стоунер была так добра, что дала мне ваш адрес. Пишу, чтобы спросить вас, не переменили ли вы своего решения. Мое жене очень хочется, чтобы вы согласились жить у нас, так как вы очень понравились ей по моему описанию. Мы согласны платить вам по десять фунтов в месяц — то есть 120 фунтов в год, чтобы вознаградить вас за мелкие неприятности, причиняемые нашими причудами. И вообще не так уж они и затруднительны. Жена любит особый оттенок синего цвета — электрик — и хотела бы, чтобы вы носили платье этого цвета по утрам. Вам не придется тратиться, так как у нас осталось такое платье от нашей дорогой дочери Алисы (которая живет теперь в Филадельфии); оно будет, я думаю, как раз вам впору. Не думаю также, чтобы вам было особенно неприятно посидеть где-либо в указанном месте или заняться, чем вас попросят. Что же касается ваших волос, то, как ни жаль их обрезать, я должен настоять на этом; однако, надеюсь, что увеличение жалованья вознаградит вас за эту потерю. Ваши обязанности относительно ребенка совсем

несложны, приезжайте же, я буду ждать вас в Винчестере с экипажем. Дайте знать, с каким поездом приедете.

С почтением Джейфри Рукасл».

Таково, мистер Холмс, письмо, которое я только что получила. Я решила принять это место. Однако, прежде чем сделать решительный шаг, я обращаюсь к вам за советом.

— Раз вы решились, то нам не о чем и говорить, мисс Хантер, — улыбаясь, проговорил Холмс.

— А вы посоветовали бы мне отказаться?

— Признаюсь, я не желал бы видеть свою сестру на таком месте.

— Что это значит, м-р Холмс?

— У меня нет пока никаких данных. Я не могу сказать ничего определенного. Может быть, у вас самих есть какие-то соображения на этот счет?

— По-моему, возможно только одно предположение. Мистер Рукасл показался мне очень добрым человеком. Может быть, жена его сумасшедшая и он желает скрыть это, чтобы ее не засадили в лечебницу; поэтому он исполняет все ее капризы, чтобы предотвращать приступы бешенства.

— Конечно, это возможное, даже очень возможное предположение. Но, во всяком случае, это не очень-то приятная роль для молодой барышни.

— Но деньги, мистер Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это-то и тревожит меня. Отчего они дают вам 120 фунтов, когда любая гувернантка

57

Можете на меня рассчитывать. Дело обещает быть одним из самых интересных за последние месяцы

согласится работать и за 40? Наверное, этому есть какая-нибудь основательная причина.

— Я и подумала, что надо все рассказать вам, чтобы вы были в курсе, если мне понадобится потом ваша помощь. Я буду чувствовать себя сильнее, зная, что вы стоите за моей спиной.

— Можете на меня рассчитывать. Дело обещает быть одним из самых интересных за последние месяцы. Тут встречаются совершенно необыкновенные детали. Если у вас возникнут подозрения или вы окажетесь в опасности...

— В опасности! Какого рода опасности?
Холмс серьезно покачал головой.

— Опасности можно избежать, если мы сумеем определить, в чем она состоит, — сказал он. — Дайте мне телеграмму, и я приеду к вам в любое время дня или ночи.

— Тогда все в порядке, — проговорила она, вставая. Всякое выражение тревоги исчезло с ее лица.

— Теперь я совершенно спокойно уеду в Хэмпшир. Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, принесу в жертву мои бедные волосы, а завтра отправлюсь в Винчестер.

Она в кратких словах поблагодарила Холмса, простились с нами обоими и поспешно вышла из комнаты.

— Ну, эта барышня сумеет постоять за себя, — проговорил я, прислушиваясь к ее быстрым, решительным шагам.

— И отлично, поскольку, я думаю, ей скоро придется позвать нас на помощь, — серьезно сказал Холмс.

Вскоре предсказание моего приятеля оправдалось. В течение двух недель я часто думал о мисс Хантер. Я задумывался над тем, в какой мрак человеческих отношений может завести жизнь эту молодую женщину. Необыкновенно большое жалование, странные условия, необременительные обязанности, — все было ненормально, неестественно, все указывало на нечто особенное. Я не мог решить, что это — лишь причуда или преступный

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

замысел; не мог решить, что представляет из себя человек, пригласивший мисс Хантер — филантроп он или негодяй. Я заметил, что Холмс часто сидел, нахмурив брови, весь погруженный в раздумье, но когда я заговаривал о мисс Хантер, он только махал рукой.

— Данных, данных! — кричал он. — Без глины не сделать кирпичей, — и заканчивал словами, что не желал бы своей сестре подобного места.

Наконец, поздней ночью, мы получили телеграмму. Я только что собирался пойти спать, а Холмс принялся за свои химические опыты. Я часто оставлял его вечером среди реторт и пробирок и находил его утром в том же положении. Он вскрыл желтый конверт, пробежал телеграмму глазами и бросил ее мне.

— Посмотрите в путеводителе расписание поездов, — проговорил он, возвращаясь к своим химическим опытам.

Телеграмма была короткая и ясная.

«Пожалуйста, будьте завтра в полдень в гостинице «Черный Лебедь», в Винчестере. Приезжайте. Я ничего не понимаю. Хантер».

— Поедете со мной? — спросил Холмс, поднимая глаза от пробирок.

— Очень бы хотелось.

— Так посмотрите расписание.

— Есть поезд в половине десятого. В Винчестер он приходит в 12 ч. 30 м., — сказал я, заглянув в справочник.

МЕДНЫЕ БУКИ

— Отлично. Пожалуй, лучше отложить анализ ацетона, поскольку завтра нужно быть максимально свежим.

На следующий день в одиннадцать часов мы подъехали к древней английской столице. На протяжении всего пути Холмс рылся в газетах, но после того как мы въехали в Хэмпшир, он отбросил их и стал восхищаться окружавшим нас видом. Стоял идеальный весенний день. По светло-голубому небу с востока на запад неслись легкие белые облачка. Солнце светило ярко, в воздухе чувствовалась живительная свежесть, вливавшая энергию в душу человека. Повсюду среди свежей зеленой листвы вплоть до холмов Олдершот, мелькали красные и серые крыши ферм.

— Ну, разве это не прекрасно?! — вскрикнул я с энтузиазмом человека, только что покинувшего туманы Бейкер-стрит.

Холмс покачал головой с серьезным видом.

— Знаете, Ватсон, на людях, подобных мне, лежит проклятие: на все смотришь с точки зрения своей специальности, — сказал он. — Вот вы смотрите на эти разбросанные домики и восхищаетесь их красотой. Смотрю я — и единственно, что приходит мне на мысль: как уединенно они стоят тут и как легко здесь совершить преступление.

— Господи! — вскрикнул я. — Ну, кому придет в голову мысль о преступлении, когда смотришь на эти милые старые жилища?

— Они всегда наполняют мою душу ужасом. Я глубоко верю, Ватсон, на основании опыта, что са-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

мые глухие и скверные улицы Лондона не хранят в себе столько ужасных воспоминаний о грехе, сколько восхитительные красивые деревни.

— Вы пугаете меня.

— Но ведь это же вполне ясно. В городе роль закона может играть общественное мнение. На самой жалкой улице крик истязуемого ребенка или звук побоев, наносимых каким-нибудь пьяницей, вызывает сострадание или негодование соседей, да и все органы правосудия под рукой, так что всегда можно привести жалобу, и наказание последует за преступлением. Но взгляните на эти маленькие уединенные домики, наполненные, в большинстве случаев, бедными невежественными людьми, не имеющими ни малейшего понятия о законе. Подумайте о дьявольски жестоких, ужасных вещах, которые могут совершаться здесь из года в год, и никто не будет ничего знать о них. Если бы юная леди, которая обращается к нам за помощью, жила в Винчестере, я меньше опасался бы за нее. Опасность в том, что она живет в пяти милях от города. Однако, ясно, что ничто лично ей не грозит.

— Если она приезжает в Винчестер, чтобы повидаться с нами, то, значит, может и вообще уехать оттуда.

— Очевидно. Она свободна.

— Так в чем же дело? Как объясняете вы это дело?

— Я придумал семь объяснений известных нам фактов. Которое из них верное, мы узнаем из новых сведений, которые, без сомнения, ожидают нас. Вот и

МЕДНЫЕ БУКИ

колокольня собора. Скоро мы услышим, что расскажет нам мисс Хантер.

«Черный Лебедь» оказался известной в городе гостиницей на Хайд-стрит, она находилась совсем недалеко от станции. Мисс Хантер ожидала нас там, на стол был подан завтрак.

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она серьезным тоном. — Это чрезвычайно мило с вашей стороны. Я, право, не знаю, что мне делать. Ваши советы будут иметь громадное значение.

— Расскажите, пожалуйста, что с вами случилось.

— Непременно. Но мне нужно поторопиться, я обещала мистеру Рукаслу, что вернусь к трем часам. Я получила от него позвонение отправиться в город, хотя он и не подозревает зачем.

— Ну-с, рассказывайте все по порядку, — сказал Холмс, вытягивая к камину свои длинные ноги и приготовившись слушать.

— Во-первых, не могу, по справедливости, сказать, чтобы мистер или миссис Рукасл дурно обращались со мной. Но я не понимаю их, и многое тревожит меня.

— Чего вы не понимаете?

— Их поведения. Но я расскажу вам все. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и отвез меня в экипаже в «Медные буки». Местность эта, как он говорил, действительно красивая, но сам дом неказист. Это — большое четырехугольное квадратное здание, выкрашенное белой краской, на которой видны пятна от сырости и плохой погоды. Во-

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она серьезным тоном

круг дома разбит сад; с трех сторон он окружен лесом, с четвертой тянется поле, которое спускается к дороге на Саутгемптон, которая проходит ярдах в ста от подъезда. Поле принадлежит мистеру Рукаслу, а леса — лорду Саутертону. Группа медных буков перед домом дала название усадьбе.

Хозяин, любезный как всегда, привез меня и познакомил с женой и ребенком. Наше предположение насчет миссис Рукасл оказалось неверным, мистер Холмс. Она вовсе не сумасшедшая. Это — молчаливая бледная женщина лет тридцати. Она гораздо моложе мужа, которому, по-моему, не менее сорока пяти лет. Из их разговора я узнала, что они женаты около семи лет, что он вдовец, и его единственная дочь от первого брака уехала в Филадельфию. Мистер Рукасл сказал мне по секрету, что причиной ее отъезда было неодолимое отвращение к мачехе. Поскольку дочери должно быть не менее двадцати, то, понятно, ее положение в доме при молодой мачехе могло быть весьма неприятным.

Миссис Рукасл показалась мне такой же невзрачной по уму и характеру, как и ее бесцветная наружность. Она не произвела на меня никакого впечатления. Она — полная ничтожность. Очевидно, что она страстно любит своего мужа и ребенка. Она все время смотрит то на одного, то на другого своими светло-серыми глазами и предупреждает каждое их желание. Муж по-своему добр с ней, и они вообще казались счастливыми супругами. И все же у этой женщины есть какое-то затаенное горе. По временам она погружается в глубокое раздумье, и тогда на ее лице появляется печальное выражение. Несколько раз я заставала ее в слезах. Иногда я думала, что ее беспокоит характер сына, поскольку мне никогда не случалось встретить такого избалованного и злого мальчика. Он мал для своих лет; голова непро-

порционально велика. Вся жизнь его, по-видимому, состоит в смене припадков дикого бешенства и временами угрюмого расположения духа. Единственное его развлечение — это причинять боль всякому слабейшему существу. Он выказывает замечательную изобретательность в ловле мышей, птичек и насекомых. Но мне не хочется говорить о нем, мистер Холмс, к тому же он имеет мало отношения к моему рассказу.

— Я рад всякой подробности, — заметил Холмс, — какой бы пустячной она ни казалась вам.

— Постараюсь не пропустить ничего важного. Единственное, что сразу неприятно подействовало на меня — это вид и поведение прислуги. Слуг только двое — муж и жена. Толлер — так зовут мужчину — грубый, неуклюжий человек с седыми волосами и бакенбардами; от него постоянно разит спиртным. С тех пор, как я живу в доме, он два раза был совершенно пьян, но мистер Рукасл, кажется, не обратил на это внимания. Его жена очень высокая, сильная женщина, с кислым лицом. Она молчалива, как миссис Рукасл, но не такая любезная, как она. Это очень неприятная пара, но, к счастью, я провожу большую часть дня в детской и в моей комнате, которые находятся в угловой части дома.

В течение двух дней после моего приезда жизнь моя шла совершенно спокойно; на третий миссис Рукасл после завтрака подошла к мужу и шепнула ему что-то.

— О, да, — проговорил он, обворачиваясь ко мне. — Мы чрезвычайно обязаны вам, мисс Хантер, что вы согласились исполнить наш каприз и обрезали свои волосы. Уверяю вас, что вы нисколько не подурнели от этого. Теперь посмотрим, как вам пойдет платье цвета электрик. Оно лежит на постели у вас в комнате. Не будете ли вы так добры надеть его.

Платье оказалось особенного оттенка голубого цвета из отличной материи, но, несомненно, поношенное. Сшито оно было как будто по моей мерке. При виде меня в этом платье супруги Рукасл пришли в какой-то неестественный восторг. Они дождались меня в гостиной, очень большой комнате с тремя окнами, доходящими до полу. У среднего окна, спиной к нему, стоял стул, на который меня попросили присесть. Мистер Рукасл ходил по комнате, рассказывая мне смешные истории. Вы не можете себе представить, как он был комичен. Я хотела до слез. Миссис Рукасл, очевидно, не понимает юмора; она не улыбнулась ни разу и все время сидела, сложив руки на коленях, с печальным, тревожным выражением на лице. Приблизительно через час мистер Рукасл вдруг заметил, что пора приниматься за дела, и что я могу переменить платье и идти в детскую к Эдуарду.

Через два дня повторилась та же церемония — я снова переменила платье, снова села у окна и ото всей души смеялась над смешными историями, которые рассказывал мне мистер Рукасл. Репертуар у него был обширный, и рассказывал он неподражаемо. Потом

он дал мне роман в желтой обложке, повернула немногого мой стул так, чтобы моя тень не падала на книгу, и попросил меня почитать ему. Я читала минут десять, начав со средины главы. Внезапно он прервал меня на половине фразы, сказав, чтобы я переоделась.

Можете себе представить, мистер Холмс, как все это возбудило мое любопытство. Я заметила, что они всегда старались посадить меня спиной к окну. Понятно, что меня охватило страстное желание узнать, что делается у меня за спиной. Сначала это казалось невозможным, но скоро счастливая мысль пришла мне в голову. У меня было сломанное ручное зеркальце. В следующий раз я спрятала его кусочек в платке, поднесла его во время взрыва смеха к глазам и прихоровилась так, чтобы увидеть, что делалось сзади меня. Признаюсь, меня ожидало разочарование — там ничего не оказалось.

По крайней мере, таково было мое первое впечатление. При второй попытке я заметила, что на Саутгэмptonской дороге стоит маленький бородатый человек в серой одежде и смотрит в нашу сторону. Эта большая проезжая дорога, и на ней обыкновенно бывает много народа. Но этот человек стоял, опершись на изгородь, и пристально смотрел на дом. Я опустила платок и, взглянув на миссис Рукасл, увидала, что она смотрит на меня проницательным взглядом. Она ничего не сказала, но, я уверена, что она догадалась, что у меня в руке было зеркало, в котором я видела, что происходило за моей спиной. Она поднялась со стула.

МЕДНЫЕ БУКИ

Я читала минут десять

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Джефри, — сказала она, — какой-то нахал смотрит с улицы на мисс Хантер.

— Кто-нибудь из ваших друзей, мисс Хантер?

— Нет. У меня нет здесь знакомых.

— Что за дерзость? Пожалуйста, обернитесь и махните рукой, чтобы он ушел.

— Не лучше ли не обращать на него внимания?

— Нет, нет, он станет, пожалуй, постоянно шататься тут. Пожалуйста, обернитесь и махните ему рукой вот так.

Я исполнила его желание, и миссис Рукасл тотчас же спустила штору. Это было неделю тому назад, и с тех пор я не сидела больше у окна, не надевала голубого платья и не видела этого человека на дороге.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Холмс. — Ваш рассказ обещает быть чрезвычайно интересным.

— Боюсь, что вы найдете его несколько бессвязным. В первый же день моего пребывания в усадьбе, мистер Рукасл привел меня в маленький амбар у кухни. Подходя к нему, я услышала громкий лязг цепи и какой-то шум, как будто там двигалось большое животное.

— Взгляните сюда! — сказал мистер Рукасл, раздвигая доски. — Ну, разве он не красавец?

Я взглянула в щель и увидела в темноте два горящих глаза и смутное очертание какой-то фигуры.

— Не бойтесь, — сказал мистер Рукасл, заметив, что я вздрогнула. — Это Карло, моя дворовая собачка. Я называю ее моей, но в действительности только старый Толлер, мой слуга, умеетправляться с ней.

Мы кормим ее только раз в день, да и то понемногу, так что она всегда бывает голодна. Толлер выпускает ее по ночам, и не поздоровится тому, кто попадется ей в пасть. Предостережение было не напрасным. Через два дня я случайно выглянула из окна около двух часов ночи. Стояла чудная лунная ночь; на лужайке перед домом было светло почти как днем. Я стояла у окна, очарованная тихой красотой расстилавшегося передо мной вида, как вдруг заметила, что какое-то существо движется в тени деревьев. Когда оно вышло на свет, то оказалось громадной собакой, величиной почти с теленка. Собака была страшно худая, коричневого цвета, с черной мордой и опущенным хвостом. Она медленно прошла по лужайке и исчезла в тени на другой стороне. Сердце у меня сжалось от ужаса при виде этого безмолвного страшного часового. Никакой разбойник не испугал бы меня так.

А теперь я должна рассказать вам очень странный случай. Как вы уже знаете, я обрезала волосы в Лондоне. Уезжая, я положила их на дно чемодана. Однажды вечером, уложив ребенка, я начала разглядывать мебель в своей комнате и убирать мои пожитки. Между прочими вещами в комнате был старый комод, два верхних ящика которого были открыты и пусты, а нижний заперт. Я наполнила верхние ящики бельем, но у меня осталось еще много вещей, и мне было неприятно, что я не могу воспользоваться третьим ящиком. Мне пришло в голову, что его заперли случайно, поэтому я вынула связку ключей и попро-

Вы ни за что не угадаете, что было там! Мои собственные волосы!

бовала открыть ящик. Первый же ключ вполне подошел к замку, и я открыла ящик. Вы ни за что не угадаете, что было там! Мои собственные волосы!

Я вынула их из комода и начала рассматривать. Они были того же оттенка, как мои, и так же густы. Но как могли мои волосы очутиться в этом комоде? Дрожащими руками раскрыла я чемодан, вынула из

него все вещи и достала волосы. Я положила рядом обе косы и уверяю вас, что их нельзя было отличить одну от другой. Разве это не удивительно? Но как я ни ломала голову, я ничего не могла придумать. Я положила чужие волосы обратно в комод и ничего не сказала Рукаслам, так как чувствовала себя неловко, открыв запертый ящик. Может быть, вы заметили, что я довольно наблюдательна по своей натуре, мистер Холмс, поэтому я скоро хорошо узнала план всего дома. Один флигель казался необитаемым. Дверь из него шла в помещение Толлеров, но она была всегда заперта. Однако, однажды, подымаясь на лестницу, я встретила мистера Рукасла, выходившего из этой двери со связкой ключей в руках. Он совсем не походил на того веселого человека, которого я привыкла видеть. Щеки у него были красны, лоб сердито нахмурен, а жилы на висках напряглись от гнева. Он захлопнул дверь и быстро прошел мимо, не взглянув на меня и не сказав ни слова.

Это возбудило мое любопытство, и когда я пошла гулять со своим воспитанником, то направилась в ту сторону, откуда могла видеть окна флигеля. Три из них были грязны, а четвертое закрыто ставнями. Очевидно, во флигеле никто не жил. Мистер Рукасл, веселый и радостный, как всегда, подбежал ко мне.

— Ах, не сердитесь на меня, милая барышня, что я прошел вчера мимо вас, не сказав ни слова, — проговорил он. — Я был озабочен делами.

Я ответила, что нисколько не обиделась.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Кстати, — прибавила я, — у вас тут много пустых комнат, а в одной из них закрыты ставни.

Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, с некоторым смущением.

— Я увлекаюсь фотографией, — сказал он, — и устроил там мастерскую. Однако, милая барышня, как вы наблюдательны! Кто мог бы подумать это!

Он говорил шутливым тоном, но в устремленном на меня взгляде я прочла выражение неудовольствия и подозрения. И вот, мистер Холмс, как только я поняла, что во флигеле от меня что-то скрывают, мной овладело страстное желание попасть туда. Это было не только пустым любопытством, хотя я и любопытна по натуре. Скорее меня призывало чувство долга — предчувствие, что из этого выйдет что-то хорошее. Говорят, что у женщин есть особое чутье, может быть, оно и говорило во мне. Я твердо решилась воспользоваться первым удобным случаем, чтобы пройти в запретную дверь.

Случай этот представился только вчера. Следует сказать, что в пустом флигеле, кроме мистера Рукасла, бывают также Толлер и его жена. Один раз я видела, как он пронес в дверь большой холщовый мешок. Последнее время он сильно пил, а вчера вечером был совершенно пьян. Подымаясь наверх, я заметила, что в двери торчит ключ. Наверно, его позабыл там Толлер. Мистер и миссис Рукасл были внизу с ребенком. Случай благоприятствовал мне. Я тихо повернула ключ в замке, открыла дверь и вошла.

Передо мной был небольшой коридор; справа от него шел другой коридор, в который выходили три двери. Первая и третья вели в пустые комнаты с окнами, покрытыми густым слоем пыли. Средняя дверь была заперта на замок и, кроме того, заперта снаружи широким железным прутом, снятым, очевидно, с кровати; один его конец был прикреплен к кольцу в стене, а другой привязан веревкой. Ключа в замке не было. Забаррикадированная дверь соответствовала как раз запертому окну, но по пробивавшемуся из-под нее свету я заметила, что в комнате было не темно. Очевидно, там было еще окно наверху. Я стояла, смотрела на дверь и думала, какая тайна скрывается за ней, когда внезапно услышала шаги в комнате и при неясном свете, сквозившем из-под двери, увидела двигавшуюся там тень. Ужасный, безумный страх овладел мной. Натянутые нервы не выдержали — я повернулась и побежала, побежала, словно убегая от чьей-то страшной руки, старавшейся удержать меня. Я буквально вылетела из двери и попала прямо в объятия мистера Рукасла.

— Так это вы, — улыбаясь, проговорил он.
— Я так и подумал, когда увидел, что дверь отперта.

— О, я так испугалась! — задыхаясь, сказала я.

— Ах, милая барышня, милая барышня! — он говорил со мной чрезвычайно ласково. — Чего же вы так испугались, дорогая барышня?

Но он перегнул палку: речь его была слишком уж ласковой, а потому я насторожилась.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Я имела глупость войти в пустой флигель, — ответила я. — Но там так пусто и темно, что я испугалась и выбежала вон. Какая страшная там тишина!

— И это все? — спросил он, глядя на меня проницательным взглядом.

— А в чем дело? — спросила я.

— Зачем, по-вашему, я запираю эту дверь?

— Право, не знаю.

— Для того, чтобы туда не ходили те, которым там нечего делать. Понимаете?

Он продолжал любезно улыбаться.

— Если бы я знала...

— Ну, теперь вы знаете. И если вы еще раз переступите этот порог... — в одно мгновение его улыбка превратилась в гримасу бешенства, а лицо приняло дьявольское выражение, — я брошу вас Карло.

Я так испугалась, что, ничего не сознавая, пробежала к себе в комнату. Опомнившись, я увидела, что лежу на кровати. Тогда я подумала о вас, мистер Холмс. Мне было необходимо посоветоваться с кем-нибудь. Я боюсь жить там, боюсь мистера Рукасла, его жены, прислуги, даже ребенка. Все они наводят на меня ужас. Если же вы приедете, — думала я, — все будет хорошо. Конечно, я могла бы бежать из их дома, но любопытство боролось во мне с чувством страха. Наконец, я решила послать вам телеграмму. Я надела шляпу и пальто, пошла на телеграф, за полмили от дома, дала вам телеграмму, и вернулась домой несколько успокоенной. По мере того, как я подходила к дому, мной ов-

МЕДНЫЕ БУКИ

— Я имела глупость войти в пустой флигель, — ответила я

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ладел ужас при мысли, что собака спущена с цепи, но я вспомнила, что Толлер напился до полного бесчувствия, а только он имеет влияние на свирепого Карло и решается выпускать его. Я проскользнула к себе в комнату и долго не спала от радости, что увижу вас. Сегодня утром я, без всяких затруднений, получила позволение поехать в Винчестер, но должна вернуться к трем часам, потому что Рукаслы едут в гости, а я остаюсь с ребенком. Ну, теперь я рассказала вам все свои приключения, мистер Холмс, и буду очень рада, если вы объясните мне, что все это значит, а главное — посоветуйте, что мне делать.

Холмс и я с напряженным любопытством слушали эту странную историю. По окончании ее Холмс встал со стула и стал ходить по комнате, заложив руки в карманы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Я слышала, как его жена говорила миссис Рукасл, что ничего не может поделать с ним.

— Это хорошо. А Рукаслы сегодня в гостях?

— Да.

— Нет ли в доме погреба с крепким замком?

— Есть. Там держат вино.

— Вы все время действовали, как храбрая, разумная женщина, мисс Хантер. Можете ли вы совершить еще один подвиг? Я не просил бы сделать это, если бы не считал вас исключительной женщиной.

— Попробую. В чем дело?

— К семи часам я и мой друг приедем в усадь-

бу «Медные буки». Рукаслы к этому времени уедут, а Толлер, надеюсь, будет не в состоянии понять что-либо. Остается только миссис Толлер. Если бы вы могли послать ее за чем-нибудь в погреб, а затем запереть ее там на замок, вы значительно бы помогли делу.

— Я сделаю это.

— Превосходно! Тогда мы будем в состоянии основательно расследовать это дело. Конечно, возможно только одно объяснение: вас пригласили затем, чтобы вы изображали ту, которая заключена в известной вам комнате. Это вполне ясно. Если я не ошибаюсь, узница не кто иная, как мисс Алиса Рукасл, которая, как рассказывают, уехала в Америку. Без сомнения, вас избрали как леди, похожую на нее ростом, фигурой и цветом волос. Ее остригли, вероятно, после какой-нибудь болезни — вот почему и вам пришлось пожертвовать своими волосами. По странной случайности вам попалась ее коса. Человек, которого вы видели на дороге, несомненно, ее друг, а может быть, и жених. Видя вас в платье Алисы, а вы так похожи на нее, он по вашему смеху и жестам заключил, что мисс Рукасл вполне счастлива и не нуждается более в его любви. Собаку выпускают ночью, чтобы помешать ему видеться с девушкой. До сих пор все ясно. Самым серьезным обстоятельством в деле является характер ребенка.

— Какое отношение это может иметь к делу? — воскликнул я.

— Мой дорогой Ватсон, вы, как врач, должны знать, что наклонности ребенка можно понять, изу-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

чив его родителей. И наоборот. Я часто распознавал характер родителей, наблюдая за их детьми. Этот ребенок неестественно жесток; унаследовал ли он эту жестокость от вечно улыбающегося отца (что, помоему, весьма вероятно) или от матери — в любом случае эта черта характера весьма опасна для девушки, находящейся в их власти.

— Я уверена, что вы правы, мистер Холмс, — сказала наша клиентка. — Теперь мне припоминается тысяча мелочей, по которым я вижу, что ваше предположение вполне справедливо. О, не будем терять времени и поможем несчастной!

— Надо действовать осторожно, так как мы имеем дело с чрезвычайно хитрым человеком. В семь часов мы будем у вас и, вероятно, скоро выясним, в чем там дело.

Ровно в семь часов мы подошли к усадьбе, оставив экипаж на постоялом дворе. По группе букв, темные листья которых отливали темным золотом в последних лучах заходящего солнца, мы узнали бы дом, даже если бы мисс Хантер не встретила нас на крыльце.

— Вышло? — спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился громкий стук.

— Это миссис Толлер стучит в погребе, — сказала мисс Хантер. — А ее муж хранил на полу в кухне. Вот его ключи; такие же есть и у мистера Рукасла.

— Вы прекрасно обстряпали дело! — в восторге вскрикнул Холмс. — Теперь ведите нас, и мы покончим с этой темной историей.

Мы отперли дверь, прошли коридором и очутились перед запертой дверью, которую описывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял засов. Он попробовал несколько ключей, но безуспешно. Изнутри ничего не было слышно, и лицо Холмса омрачилось.

— Надеюсь, мы не опоздали, — проговорил он. — Я думаю, мисс Хантер, нам лучше войти одним, без вас. Идите сюда, Ватсон, посмотрим, удастся ли нам сломать дверь.

Дверь была старая и сразу подалась. Мы бросились в комнату. Она была пуста. Кроме кровати, столика и корзины белья в ней ничего не было. Окно на верху оказалось открытым, а узница исчезла.

— Тут произошло нечто скверное, — сказал Холмс. — Рукасл пронюхал о намерениях мисс Хантер и похитил свою жертву.

— Но как?

— Через слуховое окно. Сейчас мы увидим, как он это сделал.

Холмс взлез на крышу.

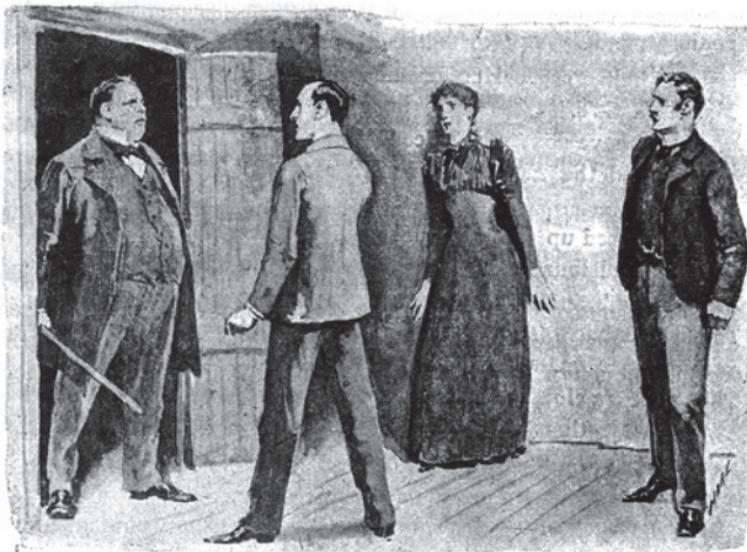
— Ага! — крикнул он. — Вот тут приставлена лестница. По ней он и спустился.

— Это невозможно, — возразила мисс Хантер; — лестницы здесь не было, когда Рукаслы уезжали.

— Он вернулся и приставил ее. Повторяю, он умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если он сейчас придет сюда. Ватсон, держите револьвер наготове.

Едва Холмс успел проговорить эти слова, как в дверях комнаты показался очень толстый мужчина с

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Негодяй! Где ваша дочь?

тяжелой дубиной в руках. При виде его мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, Шерлок Холмс подскочил к нему и закричал:

— Негодяй! Где ваша дочь?

Толстяк оглядел всех нас, потом взглянул на открытое слуховое окно.

— Это я должен вас спросить об этом! — громко крикнул он. — Негодяи! Шпионы! Воры! Я поймал вас! Вы в моих руках! Погодите, голубчики.

Он повернулся и быстро побежал вниз.

— Он побежал за собакой! — вскрикнула мисс Хантер.

— У меня есть револьвер, — сказал я.

— Закройте лучше входную дверь, — заметил

Я подбежал к собаке и выстрелил в упор

Холмс, и мы бросились на лестницу; но едва мы успели добежать до передней, как на дворе послышался сначала лай собаки, а затем ужасный, раздирающий душу крик. Какой-то пожилой человек с красным лицом, шатаясь, вышел из боковой двери.

— Боже мой! — вскрикнул он. — Кто-то отвязал собаку. Ее не кормили два дня. Скорей, скорей! Не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали на двор, Толлер последовал за нами. Громадное, голодное животное вцепилось в горло Рукасла, который корчился на земле и кричал от боли. Я подбежал к собаке и выстрелил в упор. Она упала, не разжимая своих острых белых зубов. С большим трудом мы разжали ей челюсти

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

и внесли в дом Рукасла, живого, но страшно изуродованного. Мы положили его в гостиной на диван и послали протрезвевшего Толлера за мисс Рукасл. Я сделал, что мог, чтоб облегчить его страдания. Мы все стояли вокруг раненого, когда вдруг отворилась дверь и в комнату вошла высокая неуклюжая женщина.

— Миссис Толлер! — вскрикнула мисс Хантер.

— Да, мисс. Мистер Рукасл выпустил меня, когда вернулся домой. Ах, мисс, жаль, что вы не открыли мне свои планы. Я бы сказала вам, что ваши старания напрасны.

— Ага! — сказал Холмс, пристально смотря на нее. — Очевидно, миссис Толлер знает больше всех остальных.

— Да, сэр, знаю и готова все рассказать.

— Тогда присядьте, пожалуйста; мы послушаем. Сознаюсь, что тут многое еще неясно для меня.

— Сейчас я объясню вам все, — сказала она. — Рассказала бы и раньше, если бы меня выпустили из погреба. Если дело дойдет до суда, — помните, что я ваш друг и была всегда другом мисс Алисы: она не была счастлива с тех пор, как отец ее женился во второй раз. Она не имела никакого веса в доме, жилась ей плохо, но стало еще хуже с тех пор, как она познакомилась с мистером Фоулером. Насколько я знаю, у мисс Алисы есть свое отдельное состояние, но она так тиха и терпелива, что предоставляла распоряжаться всем мистеру Рукаслу. Он знал, что

все изменится, когда появится жених, который потребует выдачи состояния, принадлежащего невесте. Тогда мистер Рукасл начал уговаривать ее подписать бумагу, по которой она предоставляет ему право распоряжаться ее имуществом и в том случае, если она выйдет замуж. Он так мучил ее этими уговорами, что у нее сделалось воспаление мозга, и на протяжении шести недель она была при смерти. Наконец, ей сделалось лучше, но от нее осталась лишь тень,— чудные ее волосы были обрезаны. Однако, молодой человек остался верен ей и любил ее по-прежнему.

— Ага! — сказал Холмс. — Теперь я все понимаю. Мистер Рукасл решился прибегнуть к системе одиночного заключения?

— Да, сэр.

— И привез мисс Хантер из Лондона сюда, чтобы избавиться от неприятного постоянства мистера Фоулера?

— Да, сэр.

— Но мистер Фоулер, будучи человеком настойчивым — каким и следует быть истинному моряку — повел осаду на дом и, встретившись с вами, убедил вас, с помощью денежных или иных аргументов, что ваши интересы совпадают с его интересами.

— Мистер Фоулер очень милый, щедрый господин, — невозмутимо сказала миссис Толлер.

— Таким образом он устроил, что у вашего мужа всегда под рукой было спиртное, а лестница ждала его, как только хозяин уходил из дома.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Так точно, сэр.

— Простите нас за причиненное вам беспокойство, миссис Толлер,— сказал Холмс.— Вы действительно разъяснили нам все, как нельзя лучше. Вот идет врач и миссис Рукасл. Я думаю, Ватсон, нам нужно проводить мисс Хантер в Винчестер. Наше присутствие здесь едва ли желательно.

Так была раскрыта тайна усадьбы «Медных буров». Мистер Рукасл не умер, он навсегда остался калекой, окруженным заботами его преданной жены. Они все еще живут со своими старыми слугами, которые, вероятно, слишком хорошо помнят прежнюю жизнь Рукаслов. Мистер Фоулер и мисс Рукасл повенчались на другой же день после побега. Мистер Фоулер занимает теперь какой-то пост на острове Святого Маврикия. Что касается мисс Виолетты Хантер, то, к сожалению, мой приятель Холмс перестал интересоваться ею, как только узнал, в чем состояла тайна Рукаслов. Теперь она — начальник частного училища в Уолсоле и, кажется, ведет свое дело вполне успешно.

СОДЕРЖАНИЕ

Скандал в Богемии	5
Союз рыжих.....	44
Установление личности	86
Тайна Боскомской долины	120
Пять апельсиновых зернышек.....	165
Человек с рассеченной губой	199
Голубой карбункул	245
Пестрая лента	277
Палец инженера	322
Знатный холостяк.....	360
Берилловая диадема	396
Медные буки	438

Конан-Дойл Артур

Приключения Шерлока Холмса

Компьютерная верстка,
предпечатная подготовка, обложка
А. Яскевич

Сдано в печать 25.05.2018

Объем 15 печ. листов

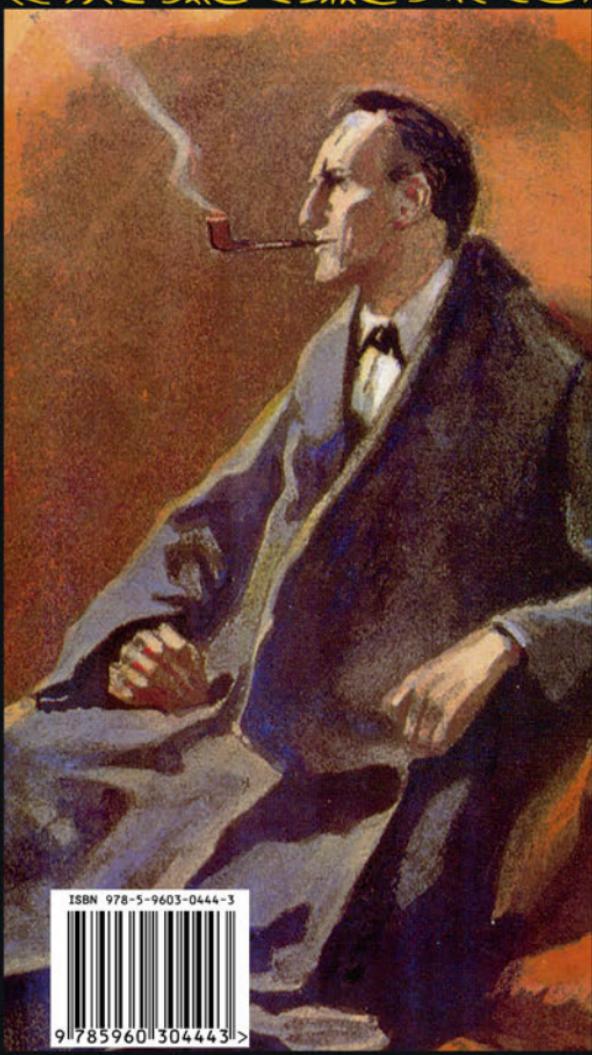
Тираж 3000 экз.
Заказ №

ООО СЗКЭО
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru

ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ»
119017, Москва, пер. Пыжевский, д. 5, стр. 1
Отдел реализации: тел.: (495) 649-85-07
Интернет-магазины: www.labirint.ru, www.my-shop.ru, www.ozon.ru

Отпечатано
ООО Типография «НП-Принт»
Санкт -Петербург
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7
Тел/факс: 325-22-97

ISBN 978-5-9603-0444-3

A standard linear barcode representing the ISBN 978-5-9603-0444-3.

9 785960 304443 >